

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Ленюский Андрей Александрович

Судебное толкование уголовного закона

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук,
доцент Крылова Наталья
Евгеньевна

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СУДЕБНОГО ТОЛКОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА.....	18
§ 1. Понятие, объект и цель судебного толкования уголовного закона	18
§ 2. Принципы судебного толкования уголовного закона	38
ГЛАВА 2. СПОСОБЫ И ОБЪЕМ ТОЛКОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ	51
§ 1. Грамматический способ толкования уголовного закона	51
§ 2. Системный способ толкования уголовного закона.....	76
§ 3. Иные способы толкования уголовного закона	90
§ 4. Толкование уголовного закона по объему	119
ГЛАВА 3. РАЗЪЯСНЕНИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ТОЛКОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА СУДАМИ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ.....	147
§ 1. Формы осуществления Верховным Судом Российской Федерации разъяснения уголовного закона и их значение для судов общей юрисдикции	147
§ 2. Определенность уголовного закона при его толковании Верховным Судом Российской Федерации.....	172
§ 3. Темпоральные пределы действия актов разъяснения уголовного закона Верховного Суда Российской Федерации.....	191
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	208
БИБЛИОГРАФИЯ	214

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Изучение юридических памятников, современное правоприменение и правотворчество, т.е. прошлое, настояще и будущее права, в абсолютном большинстве случаев обусловлены работой с правовыми текстами, центральным компонентом которых является правовая норма. И если правовая норма представляет собой абстрактное регулятивное правило, то именно толкование источника, в котором она изложена, определяет ее конкретное содержание и то, как это правило будет применяться в реальной жизни.

Несмотря на то, что действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (далее также «УК РФ») был принят почти тридцать лет назад, судебную практику, складывающуюся на основе его применения, нельзя охарактеризовать как полностью определенную и предсказуемую¹. Как отмечал в 2024 г. Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, «всё больше и больше проблем связано не столько с текстом закона, хотя здесь тоже есть ошибки, сколько с тем, как он проходит преломление на практике»².

Отмеченное обуславливает непреходящий интерес к учению о толковании закона у представителей всех отраслей права. Однако для уголовного права учение о толковании закона приобретает особое значение сразу по нескольким причинам: в Российской Федерации, как в стране романо-германской правовой семьи, писаное право играет центральную роль в правовом регулировании и одновременно с этим, согласно ст. 1 УК РФ, действующий УК РФ 1996 г. (с последующими изменениями и дополнениями) является единственным источником уголовного права³. В этой связи от того, как понимаются положения уголовного закона, зависит политico-правовое регулирование всего комплекса общественных отношений, связанных с преступным и наказуемым в стране.

На сегодняшний день и теоретики, и практики единодушны в том, что невозможно создать идеальный во всех отношениях уголовный закон, который будет полностью

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Встреча с Председателем Конституционного Суда Валерием Зорькиным // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75095> (дата обращения 01.04.2025).

³ Вместе с тем принятие Федерального закона от 24.06.2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» (утратил силу) поставило вопрос об ограничительном толковании положений ч. 1 ст. 1 УК РФ. См, напр.: Иванчин А.В. Реальный круг источников уголовного права России // Российский следователь. 2024. № 1. С. 27–30.

понятен любому интерпретатору, в том числе профессиональному судье. Причиной тому служат множество различных обстоятельств как объективного характера в виде особенностей нашего языка, так и субъективного – в виде законодательных неточностей и погрешностей при изложении нормативного материала. Поэтому толкование уголовного закона никогда не сводится к простому прочтению текста, в котором «лежащий на поверхности» смысл правовой нормы может быть однозначно понят без каких-либо двусмыслистостей или неопределенностей. Правильное понимание положений уголовного закона и уяснение действительного смысла уголовно-правовой нормы всегда будут требовать использования специальных приемов и способов толкования.

Кроме того, современное право, в том числе уголовное, характеризуется высокой динамичностью. Ежегодно законодатель принимает десятки новых законов, положения которых меняют понимание отдельных норм и институтов уголовного права, требуя переосмыслиния их содержания, сферы действия или условий применения. Самы общественные отношения постоянно развиваются и приобретают новые формы, что неизбежно ставит вопросы о том, можно ли толковать действующий уголовный закон в соответствии с современными реалиями общественной жизни, какие для этого использовать способы и где находится та грань, за которой судебное толкование уголовного закона перерастает в судебное правотворчество.

С учетом этого можно утверждать, что, пока существует и изменяется уголовный закон, учение о его толковании не потеряет свою актуальность.

Вместе с тем, несмотря на многовековую историю своего развития, учение о толковании уголовного закона не лишено проблем и противоречий, которые обнаруживают себя в ходе правоприменительной деятельности судов. Последние статистические данные свидетельствуют о том, что при отправлении правосудия суды испытывают ощутимые трудности в правильном толковании уголовного закона.

Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2024 г., только неправильное применение уголовного закона составляет более 50,4% всех оснований отмены решений нижестоящих судов в порядке апелляционного судопроизводства и более 55% при пересмотре решений нижестоящих судов в рамках

кассационного пересмотра уголовного дела⁴. Показатели прошлых лет свидетельствуют о том, что подобное положение дел в практике судов не случайно, а представляет собой устойчивую тенденцию. Так, процент отмены судебных решений по данному основанию в 2023 г. составил чуть более 50% при апелляционном пересмотре и 49% при кассационном пересмотре уголовного дела. В 2022 г. данные показатели составили чуть более 49% и 50% соответственно. Следует учитывать, что приведенные данные не учитывают случаев, при которых суды усматривали наличие сразу нескольких оснований для отмены решений нижестоящих судов, следовательно, итоговый показатель должен быть еще выше. Поскольку речь идет о тысячах отмененных судебных решений ежегодно, можно уверенно утверждать, что сегодня проблема понимания точного содержания уголовного закона стоит перед судами остро.

Дополнительно отметим, что сложности, связанные с судебным толкованием, обусловлены также и качеством самого уголовного закона. Наблюдающаяся высокая активность современного законодателя, ежегодно принимающего десятки федеральных законов, изменяющих Уголовный кодекс, зачастую создает новые препятствия для верного понимания и применения уголовно-правовых норм. В научной литературе справедливо отмечается, что не каждое законодательное изменение получает должную научную проработку ввиду необходимости быстрой реакции на современные общественные вызовы⁵. Новые нормы представляют собой особые исключения из общих правил, закон становится все более казуистичным, а сохранить внутреннее единство и системность закона становится все сложнее.

Однако при реализации правовых предписаний в жизнь решение конкретной проблемы ложится на плечи судебных органов, поскольку именно за ними в итоге остается «последнее слово». Именно они будут окончательно применять уголовный закон, и от того, как он понимается судами, будут зависеть судьбы всех лиц, вовлеченных в уголовно-правовые отношения. Обнаружившиеся при таких условиях законодательные просчеты обусловливают переосмысление судами выработанных в доктрине способов толкования уголовного закона, и в итоге практика отходит от сформулированных ранее

⁴ Данные СД ВС РФ за 2022–2024 г. // URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8942>; <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8809>; <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=7645> (дата обращения 01.04.2025).

⁵ См., напр.: Ирдисов Н.Т. Аномия современного российского общества и состояние уголовного права (на примере уголовно-правовых запретов на публичное распространение заведомо ложной информации) // Юридическая наука. 2022. № 6. С. 101–105; Дворянков И.В. Концептуальные аспекты реформирования российского уголовного законодательства // Пенитенциарная наука. 2022. № 1. С. 37–46.

теоретических правил. В результате классическое учение о толковании уголовного закона рискует оказаться отвлеченным от складывающейся правовой реальности.

При таких условиях возрастаёт роль Верховного Суда РФ, призванного разъяснить положения уголовного закона и обеспечивать единообразие судебной практики, что актуализирует вопрос о действительном влиянии его правовых позиций на деятельность нижестоящих судов по правосудию. Только за последние десять лет Верховный Суд принял 27 постановлений по различным вопросам квалификации преступлений, назначения наказаний и применения иных мер уголовно-правового характера, не говоря уже о постоянных изменениях или дополнениях действующих постановлений. В преамбуле каждого вновь издаваемого постановления Пленума Верховного Суда РФ всякий раз подчеркивается, что его принятие обусловлено вопросами, возникающими у судов в процессе правоприменения.

В настоящее время в судебных решениях все чаще встречаются прямые ссылки на правовые позиции Верховного Суда, сформулированные им в рамках как конкретного уголовного дела, так и разъяснений общего характера. При этом в прошлом десятилетии среди судов общей юрисдикции преобладала практика косвенного цитирования, при которой правовые позиции Верховного Суда приводились в качестве собственного толкования судом уголовного закона. Такое повышение роли толкования уголовного закона Верховным Судом в контексте обеспечения единообразия применения уголовного закона привлекает внимание как теоретиков, так и практиков и становится предметом активных дискуссий на современных научных площадках⁶.

Однако в некоторых случаях Верховный Суд формулирует весьма спорные позиции, в корне меняющие понимание классических положений уголовного права о преступлении и наказании, что неизбежным образом отражается на толковании уголовного закона судами общей юрисдикции. Кроме того, перед правоприменителем встает проблема определения универсальности правовых позиций, сформулированных Верховным Судом, и их применимости к случаям, прямо не предусмотренным тематическими постановлениями Пленума Верховного Суда или решением по конкретному уголовному делу.

---

⁶ См., напр.: Всероссийская научно-практическая конференция «Единообразие судебной практики в уголовном праве», состоявшаяся 25.05.2025 в МГЮА им. О.Е. Кутафина, г. Москва // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=okLptAnp6tA> (1 часть); <https://www.youtube.com/watch?v=ndH5o3-a1q8> (2 часть) (дата обращения 10.07.2025)

При этом разъяснения уголовного закона Верховным Судом не всегда обусловлены законодательными изменениями. В одних случаях позиция высшего судебного органа может меняться на противоположную при неизмененной букве уголовного закона, а в других – масштабные законодательные реформы могут никак не отразиться на сформулированных судом разъяснениях общего характера. Подобные обстоятельства усложняют и без того непростой процесс судебного толкования уголовного закона и требуют своего анализа для обеспечения единообразия правоприменительной практики.

Отмеченное определяет высокую актуальность настоящего диссертационного исследования.

Степень разработанности темы диссертации. В конце XIX века в научной среде стали появляться первые работы, в которых затрагивались проблемы судебного толкования действующих законов. Однако данный вопрос, как правило, включался в качестве параграфа, главы или раздела работы с более широкой тематикой. Так, первыми трудами в этой области являлись курсы лекций по общей теории права Г.Ф. Шершеневича, А.А. Рождественского и Н.М. Коркунова. Лишь позднее, с середины XX века, вопросы судебного толкования советского законодательства в качестве самостоятельного предмета исследования разрабатывали А.С. Пиголкин, П.Е. Недбайло, А.Ф. Черданцев, Н.А. Власенко.

Уголовно-правовая доктрина повторяет путь общей теории права. Если вначале в учебниках и общих лекциях А.Ф. Кистяковского, Н.С. Таганцева, С.В. Познышева содержались отдельные фрагменты, характеризующие виды и способы толкования уголовного закона, то уже позднее наука уголовного права пополняется узконаправленными исследованиями. Так, среди авторов двадцатого столетия, которые предметно разрабатывали вопросы судебного толкования уголовного закона при его применении, следует выделить Е.В. Васьковского, П.И. Люблинского, М.Д. Шаргородского, Я.М. Брайнина и А.С. Шляпочникова.

Научная литература современного исторического периода по данной тематике представлена диссертационными исследованиями В.Ф. Щепелькова (Волгоград, 1998), А.В. Мадьяровой (Иркутск, 2001), О.А. Савельевой (Москва, 2006), Б.П. Морозова (Челябинск, 2008), О.А. Ругиной (Краснодар, 2012).

Вместе с тем научную разработку рассматриваемой темы нельзя признать полной. Представляется, что сформулированные в диссертационных исследованиях понятия судебного толкования требуют своего уточнения, что существенным образом влияет на определение его свойств и роли в процессе правоприменения.

Кроме того, существующие исследования не в полной мере отражают практическую сторону вопроса. Зачастую способы толкования уголовного закона раскрываются через отдельные репрезентативные примеры, оставляя за рамками случаи противоречия теории и практики. В результате проведенные исследования в меньшей степени опираются на складывающуюся судебную практику и приобретают сугубо теоретический характер, что, на наш взгляд, не способствует решению конкретных правоприменительных проблем, связанных с судебным толкованием.

Деятельность Верховного Суда по толкованию уголовного закона в подавляющем большинстве исследований рассматривается только в контексте дискуссии о природе соответствующих форм толкования: являются ли они самостоятельным источником уголовного права или лишь актами разъяснения. При этом реальное влияние таких актов на правоприменительную практику упускается из вида.

Кроме того, последние крупные исследования по проблеме судебного толкования были опубликованы более десяти лет назад в отсутствие значительного массива актуальной судебной практики, которая сегодня имеет ключевое значение для понимания и решения проблемы судебного толкования уголовного закона.

Таким образом, степень разработанности темы диссертации не может быть признана достаточной, и требуется проведение дальнейших научных исследований.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие при судебном толковании уголовного закона.

Предметом исследования являются уголовно-правовые нормы в их истолковании судами общей юрисдикции, Верховным Судом Российской Федерации и Конституционным Судом Российской Федерации, сформулированные указанными судами правовые позиции как по общим вопросам толкования уголовного закона, так и в рамках толкования отдельных его положений.

Целью исследования является разработка проблемы судебного толкования уголовного закона, включая определение его содержания и особенностей на современном этапе правового развития.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач:

- сформулировать понятие судебного толкования, его объект и цель на основе изучения основных теоретических положений учения о толковании уголовного закона;
- определить основные принципы, которыми следует руководствоваться суду при толковании уголовного закона;
- раскрыть отражение грамматического способа толкования уголовного закона и сформулированных внутри него правил в правоприменительной практике судов;
- раскрыть отражение системного способа толкования уголовного закона и сформулированных внутри него правил в правоприменительной практике судов;
- определить значение предлагаемых в правовой доктрине иных способов судебного толкования для отправления правосудия на предмет допустимости их применения судами;
- установить смысловые границы (пределы) судебного толкования уголовного закона и допустимость использования расширительного или ограничительного толкования уголовного закона на практике;
- определить формы выражения правовых позиций Верховного Суда РФ и их влияние на практику судебного толкования уголовного закона;
- рассмотреть практику толкования уголовного закона Верховным Судом РФ с точки зрения обеспечения определенности уголовного закона;
- определить темпоральные пределы действия актов разъяснения уголовного закона Верховным Судом РФ;
- выработать предложения по совершенствованию практики судебного толкования уголовного закона.

Методология диссертационного исследования. Для достижения цели при решении задач диссертационного исследования использовался комплекс методов познания явлений и процессов правовой действительности, выбор которых обусловлен объектом исследования. Методологическую основу диссертации составили общенаучные методы – диалектический и системный, применение которых продиктовано связью и взаимообусловленностью уголовно-правовых норм, а также теории и практики. Автором использован ряд логических методов, таких как анализ и синтез, что позволило определить понятие, признаки и принципы судебного толкования уголовного закона. Использование такого логического приема, как обобщение, позволило сформулировать

выводы о восприятии правоприменительной практикой правил толкования уголовного закона, а также о соотношении расширительного толкования и аналогии закона в правоприменительной деятельности.

В исследовании также применяются методы индукции и дедукции, в частности, при определении универсальности правовых позиций Верховного Суда РФ. Частные методы – историко-правовой и сравнительно-правовой – использованы при анализе результатов законопроектной работы по созданию текста уголовного закона и ее влияния на судебное толкование уголовного закона, а также при анализе изменчивости правовых позиций Верховного Суда РФ при неизменной букве уголовного закона. Кроме того, в диссертационном исследовании использован формально-юридический метод при анализе отдельных терминов и конструкций уголовного права, таких как «действие», «соучастие», «хищение» и др.

Нормативную основу исследования составили действующие Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, иные федеральные законы Российской Федерации, в том числе кодифицированные, подзаконные нормативные акты, позволяющие раскрыть те или иные аспекты исследуемой проблематики. В работе также проанализированы отдельные положения утратившего силу советского уголовного законодательства, в частности Уголовные кодексы РСФСР 1922, 1926, 1960 гг., отдельные постановления ВЦИК и СНК.

Теоретическая основа исследования. Поскольку судебное толкование уголовного закона непосредственно связано с квалификацией преступлений и правоприменением, теоретическую основу исследования в первую очередь составили труды отечественных специалистов, посвященные квалификации преступлений, источникам уголовного права, оценке законодательной техники и языка уголовного закона, а также разрешению межотраслевых коллизий (О.И. Бойко, Я.М. Брайнин, В.Н. Волженкин, Л.В. Иногамова-Хегай, Н.Е. Крылова, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, Н.А. Лопашенко, П.И. Люблинский, М.В. Морозов, А.В. Наумов, К.В. Ображиев, Н.И. Пикуров, О.В. Познышев, О.В. Пычева, А.М. Разогреева, А.И. Рарог, Н.С. Таганцев, М.Д. Шаргородский, В.Ф. Щепельков, П.С. Яни и др.).

Отдельную основу исследования составили труды специалистов, рассматривающих вопросы судебного нормотворчества и его соотношения

с толкованием уголовного закона (М.М. Бабаев, А.В. Галахова, Н.В. Генрих, А.М. Гусев, Е.Н. Дробышева, А.В. Елинский, А.В. Иванчин, И.А. Клепицкий, А.В. Мадьярова, М.А. Михеенкова, Б.П. Морозов, П.Е. Недбайло, Ю.Е. Пудовочкин, О.А. Ругина, О.А. Савельева, И.В. Шульга, Б.В. Яцеленко).

Теоретическую базу диссертационного исследования также составляют научные труды российских исследователей применительно к отдельным преступлениям, в которых раскрываются частные вопросы толкования тех или иных положений уголовного закона (М.В. Арзамазцев, А.В. Архипов, В.Г. Беляев, А.И. Бойцов, Д.А. Гарбатович, Г.А. Есаков, А.В. Зарубин, А.А. Зубцов, М.А. Любавина, С.Ф. Милюков, М.А. Пичугина, С.Н. Смирнова, М.И. Третьяк, А.А. Щербаков, И.В. Шишко, В.В. Хилюта, И.Ю. Янина).

Эмпирическую основу исследования составили:

– 175 решений по уголовным делам, включая решения Верховного Суда РФ и судов общей юрисдикции, размещенных в справочных правовых системах Российской Федерации, вынесенных преимущественно за период с 2019 по 2025 г. по различным вопросам толкования и применения уголовного закона (в частности, использования судами тех или иных способов толкования уголовного закона, соблюдения правил толкования, отражения правовых позиций Верховного Суда РФ в тексте судебных решений и др.);

– 41 постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Верховного Суда СССР (включая 8 утративших силу), 11 Обзоров судебной практики Верховного Суда РФ и 3 Ответов на вопросы, поступившие из судов, по применению положений федерального законодательства, принятые в период с 1994 по 2024 г.;

– 26 Постановлений и Определений Конституционного Суда РФ по вопросам толкования и применения уголовного закона, принятые за период с 2001 по 2024 г.;

– 8 проектов федеральных законов Российской Федерации и материалов законопроектной работы по ним, которые использовались судами при вынесении решений по уголовным делам, необходимые для анализа использования исторического способа толкования уголовного закона в судебной практике;

– статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ за период с 2022 по 2024 г. по количеству отмененных судебных решений в связи с неправильным применением уголовного закона.

Научная новизна исследования определяется тем, что автором внесен вклад в разработку проблемы судебного толкования уголовного закона в виде получения следующих новых научно обоснованных знаний о:

- понятии судебного толкования уголовного закона (в диссертации уточнен терминологический аппарат, используемый в уголовно-правовой доктрине, и сформулировано авторское определение судебного толкования уголовного закона);
- допустимых принципах и способах судебного толкования уголовного закона, а также о пределах судебного толкования в рамках классификации толкования по объему;
- разрешении выявленных противоречий между теоретическими положениями о грамматическом и системном способах толкования уголовного закона и судебным правоприменением;
- конкретных формах осуществления Верховным Судом Российской Федерации, включая его органы и структурные подразделения, деятельности, обеспечивающей единообразное применение уголовного закона;
- направлениях решения проблем, препятствующих достижению единообразия и определенности при судебном толковании уголовного закона, включая темпоральную рассогласованность между правотворческой деятельностью законодателя и разъяснительной деятельностью Верховного Суда Российской Федерации.

Более конкретно новизна диссертационного исследования выражена в следующих положениях, **выносимых на защиту**:

1. Судебное толкование представляет собой интеллектуальную деятельность суда (судьи) по уяснению действительного смысла положений уголовного закона, осуществляемую в связи с необходимостью вынесения правоприменительного акта по конкретному уголовному делу в предусмотренном уголовно-процессуальным законом порядке, внешней формой выражения которой является судебное решение или самостоятельный акт, разъясняющий положения уголовного закона.

В силу ограничения деятельности правоприменительных органов конкретными формами, разъяснение уголовного закона неразрывно связано с судебным правоприменением, однако выходит за рамки процесса судебного толкования, поскольку связано не с собственно уяснением уголовного закона, а с передачей установленного смысла иным субъектам правоприменительной деятельности, а также широкому кругу иных адресатов.

Анализ и выяснение смысла законоположений должны служить достижению главной цели толкования – установлению действительной законодательной воли, выраженной в тексте уголовного закона на момент его принятия. В случае опровержения презумпции соответствия духа и буквы закона приоритет должен отдаваться последнему.

2. Из всех предложенных в уголовно-правовой доктрине принципов судебного толкования уголовного закона значимыми для правоприменения представляются только два: принцип законности судебного толкования и принцип *in dubio pro reo*. В действительности только эти принципы могут быть использованы в случае обнаружения правового положения, не в полной мере определенного в уголовном законе и допускающего вариативность своего толкования.

Под принципом законности судебного толкования следует понимать подконституционность толкования, которая выражается в том, что, если судебное толкование положения уголовного закона расходится с толкованием этого же положения Конституционным Судом Российской Федерации, такое понимание не может считаться действительным смыслом уголовного закона и не должно использоваться в правоприменительной практике.

Принцип *in dubio pro reo* в своем материально-правовом содержании может быть определен как требование от суда толковать все выявленные им неустранимые сомнения в положениях уголовного закона в пользу обвиняемого лица, что, в свою очередь, вытекает из требований определенности уголовно-правового запрета.

3. При судебном толковании уголовного закона непосредственно применяются два основных способа толкования – грамматический и системный.

Если грамматическое толкование приводит к прямому и однозначному пониманию смысла положения уголовного закона, результаты такого толкования должны иметь приоритетное значение для правоприменителя. Отступление в указанных случаях от полученных выводов путем указания на общий смысл или логику уголовного закона недопустимо, поскольку это противопоставляет смысл закона и его текст, в котором он должен быть воплощен.

Смысл положения уголовного закона, выявленный с помощью грамматического толкования, может быть скорректирован лишь в рамках системного толкования уголовного закона. При этом необходимо отграничивать бланкетные термины от автономных уголовно-правовых понятий, которые не требуют в своем толковании

обращения к иноотраслевому законодательству. Для их разграничения необходимо определение характера функциональной связи между используемыми в законе терминами.

4. Логический способ толкования можно выделить лишь условно, поскольку логика выступает в качестве общей методологии других способов толкования.

Приемы исторического (телеологического) толкования вправе лишь подкреплять, но не опровергать полученные в результате иного толкования смыслы. Обращение к нему в целях корректировки или замены смысла уголовного закона, выявленного в результате грамматического или системного толкования, недопустимо, поскольку нарушает принцип законности.

Выделение сравнительного толкования лишено оснований, поскольку в этом случае речь идет о толковании отдельных положений уголовного закона, выявлении их смысла, а в дальнейшем – о сопоставлении двух истолкованных смыслов между собой. В данном случае при определении действительного смысла уголовного закона используется принцип законности толкования.

Функциональный способ конкретизирует оценочные признаки состава преступления, описанного в законе, относится к процессу квалификации преступлений и выходит за рамки толкования.

Эволютивное толкование также недопустимо при судебном толковании уголовного закона, поскольку наделяет судебную власть несвойственными ей в романо-германской правовой системе функциями – регламентацией уголовно-правовых отношений, что снижает гарантии принципа законности, предсказуемости и определенности уголовного закона.

5. Соотношение смыслов нормы, получаемых в результате грамматического и системного способов толкования уголовного закона, можно прояснить с помощью логического правила соотношения понятий друг с другом как род (подчиняющее) и вид (подчиняющееся), что определяет объем толкования уголовного закона.

Расширительное толкование уголовного закона судами допустимо лишь в случае опоры на системное толкование. В ином случае толкование подменяется запрещенной аналогией, при которой правоприменитель опирается на общий смысл уголовного закона или его принципы.

6. Наряду с принятием постановлений Пленумом Верховного Суда РФ и Ответов на вопросы, поступившие из судов, по поводу применения положений уголовного законодательства, необходимо выделить следующие формы деятельности Верховного Суда РФ, обеспечивающие единообразие судебной практики: принятие решений Президиумом Верховного Суда РФ по конкретному уголовному делу, а также принятие решений Судебной коллегией Верховного Суда РФ, представленных в Обзорах судебной практики Верховного Суда РФ, поскольку в них, как в практикообразующих решениях, могут содержаться результаты нормативного и фактически обязательного для судов общей юрисдикции толкования уголовного закона.

7. Правовые позиции, сформулированные в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам, входят в допустимый предмет конституционного нормоконтроля, осуществляемого Конституционным Судом РФ, поскольку данные акты Верховного Суда РФ содержат в себе нормативные положения, а ведомственная субординация в системе органов судебной власти определяет фактическую обязательность разъяснений Верховного Суда РФ по отношению к судам общей юрисдикции.

8. Для обеспечения единообразия судебной практики правовые позиции Верховного Суда РФ нуждаются в определении границ своей универсальности и применимости при толковании аналогичных признаков в других уголовно-правовых нормах или в смежных правовых ситуациях. Достижению указанных целей способствует дополнительная мотивированность изложенных правовых позиций в виде раскрытия смысла уголовно-правовой нормы Верховным Судом РФ самостоятельно или путем обращения к правовой доктрине и формулирования итогового квалификационного правила.

9. Статья 10 УК РФ должна предусматривать возможность придания обратной силы не только непосредственно уголовному закону, но и уголовному закону в его истолковании, содержащемся в правовых позициях Пленума Верховного Суда РФ и Президиума Верховного Суда РФ.

В случае изменения уголовного закона, при котором неприменимость правовой позиции Верховного Суда РФ, сформулированной в период действия прежнего уголовного закона, в явном виде не вытекает из характера законодательных изменений,

действует презумпция актуальности правовой позиции Верховного Суда РФ, что следует учитывать судами при отправлении правосудия.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Изложенные в диссертационном исследовании научные идеи, положения и выводы, не претендуют на полноту и всеобъемлющий характер и учитывая их дискуссионность, могут способствовать развитию дальнейшей научной дискуссии по вопросу толкования уголовного закона в практической деятельности судов. Проведенное исследование также способствует развитию теории уголовного права в части определения конкретных форм и фактического влияния правовых позиций Верховного Суда РФ на судебную практику применения уголовного закона, углублению знаний о соотношении источников уголовного права и интерпретационных актов.

Практическое значение диссертации состоит в том, что содержащиеся в ней выводы и предложения могут быть использованы в правотворческой деятельности в целях дальнейшего совершенствования российского уголовного законодательства, а также в правоприменительной деятельности судебных и иных органов для повышения качества толкования уголовного закона и унификации правоприменения. Кроме того, положения работы могут найти применение в учебном процессе при преподавании уголовного права в образовательных учреждениях, осуществляющих подготовку юристов, в системе подготовки и повышения квалификации судей и их помощников.

Степень достоверности результатов диссертации. Достоверность результатов обусловлена методологией исследования, в том числе примененным при разрешении рассматриваемых проблем системным подходом, обширной нормативной и теоретической базой исследования, значительной эмпирической базой, включающей большой массив материалов уголовных дел, рассмотренных российскими судами общей юрисдикции. Научные выводы и положения диссертации соотнесены с ранее полученными результатами диссертационных исследований других авторов; с научными разработками и подходами, сложившимися в других областях знания, – теории государства и права, конституционном праве, уголовно-процессуальном праве.

Апробация результатов исследования.

Настоящее исследование подготовлено и обсуждено на кафедре уголовно права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Основные выводы и положения исследования отражены автором в пяти научных статьях, опубликованных в рецензируемых изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ.

Отдельные положения и результаты, полученные в ходе настоящего диссертационного исследования, были изложены автором в докладах и научных сообщениях на следующих научно-практических мероприятиях: 1) V Бизнес-конференция «Уголовная ответственность руководителей организаций, владельцев бизнеса и участников стартап-проектов», состоявшаяся в рамках X Московского международного юридического форума «Устойчивое развитие России: правовое измерение» с докладом на тему: «Мошенничество руководителей компаний: дискуссионные вопросы правоприменения» (Москва, 2023 г.); 2) конференция «Уголовно-правовые средства обеспечения устойчивости экономики России», состоявшаяся в рамках XI Московского международного юридического форума «Формирование многополярного мира: вызовы и перспективы» с докладом на тему: «Подходы судов РФ к определению размера хищений» (Москва, 2024 г.). Помимо этого положения и выводы диссертационного исследования докладывались автором и обсуждались участниками заседаний Клуба уголовного права «De lege lata» в рамках круглого стола на тему «Замена похищенного имущества менее ценным: подходы судов» (2025 г.).

Структура диссертации определяется указанным объектом, целью и задачами исследования и состоит из введения, трех самостоятельных глав, включающих девять параграфов, заключения и библиографического списка.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СУДЕБНОГО ТОЛКОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

§ 1. Понятие, объект и цель судебного толкования уголовного закона

Определение центральных понятий является отправной точкой любого исследования, поскольку позволяет получить своего рода «координаты» для дальнейшего анализа. В этой связи целесообразно начать с определения понятия «толкование». Поскольку данный термин используется различными отраслями права и в целом является общеправовым, следует обратиться к общей теории права.

Так, в учебнике теории государства и права Н.И. Матузов и А.В. Малько указывают, что толкование представляет собой *выяснение* точного смысла и содержания правовой нормы⁷. Близкая по содержанию позиция представлена в работе М.М. Рассолова, который под толкованием понимает *уяснение* содержания нормы права, то есть раскрытие тех элементов, качеств и свойств, которыми соединял законодатель норму с внешними законами выражения своей мысли и воли⁸.

Другую позицию занимали М.С. Стrogович и С.А. Голунский. Авторы указывали, что толкование должно иметь юридическое значение, то есть быть общеобязательным, в связи с чем данное понятие ограничивалось исключительно *разъяснением* смысла или же содержания правовой нормы в рамках активной деятельности правоприменительных органов⁹.

Представлена в юридической науке и третья точка зрения. Так, Н.А. Пьянов определяет толкование как деятельность по *установлению* и *объяснению* подлинного смысла правовых норм с целью обеспечения их надлежащей реализации и дальнейшего совершенствования¹⁰. По мнению указанного автора, уяснение (как понимание текста самим интерпретатором) и разъяснение правовой нормы (как передача уясненного смысла другим лицам) при толковании находятся в единстве друг с другом.

Обобщая анализ существующих в науке определений, можно обнаружить, что все они так или иначе примыкают к одной из трех приведенных выше позиций. Одни авторы

---

⁷ Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права : учебник. М. : Дело, 2022. С. 340.

⁸ Рассолов М.М. Проблемы теории государства и права : учебное пособие. М. : Юнити : Закон и право, 2010. С. 271.

⁹ Голунский С.А., Стrogович М.С. Теория государства и права : учебник для юридических высших учебных заведений. М. : Юриздан, 1940. С. 260.

¹⁰ Пьянов Н.А. Теория государства и права : учебное пособие. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2011. С. 197.

(Н.А. Власенко¹¹, Д.Ю. Полдников¹², В.Р. Шарифуллин¹³, Ю.К. Краснов¹⁴) под толкованием понимают исключительно уяснение смысла правовой нормы. Другие же (например, Ю.Г. Ткаченко¹⁵) ограничивают толкование лишь его разъяснением. Сторонники третьего подхода (С.С. Алексеев¹⁶, А.В. Мелехин¹⁷, Л.П. Рассказов¹⁸) утверждают, что толкование состоит из двух указанных элементов.

Обращение к отраслевой литературе позволяет сделать вывод о том, что и в уголовно-правовой науке также нет единства мнений по данному вопросу. При этом, помимо спора о соотношении компонентов уяснения и разъяснения в понятии толкования, встречаются также подходы, в своем содержании уравнивающие толкование и процесс квалификации, а также выделяющие юридическую силу как определяющее свойство толкования.

Так, в еще дореволюционной литературе С.В. Познышев определял толкование как *уяснение истинного смысла закона*¹⁹. Аналогичное по существу понимание можно встретить в работе Е.В. Васьковского²⁰.

Классическое, на первый взгляд, определение содержалось в учебнике по Общей части уголовного права 1938 г., в котором под толкованием также понималось *уяснение истинного смысла закона, воли законодателя, выраженной в уголовном законе*²¹. Особенность позиции заключалась в том, что толкованием считалась деятельность только такого субъекта, чьи интерпретационные акты имели обязательную юридическую силу. На тот момент таковым признавался Президиум Верховного Совета СССР.

---

¹¹ Теория государства и права : учебник / под ред. д.ю.н., проф. А.А. Клишаса. М. : Статут, 2019. С. 358.

¹² Основы права : учебник для неюридических вузов и факультетов. / под ред. В.Б. Исакова. М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. С. 223.

¹³ Проблемы теории права и правореализации : учебник / под ред. Л.Т. Бакулина. М. : Статут, 2017. С. 121.

¹⁴ Краснов Ю.К., Надвикова В.В., Шкатулла В.И. Юридическая техника : учебник. М. : Юстицинформ, 2014. С. 218.

¹⁵ Ткаченко Ю.Г. Нормы советского социалистического права и их применение. М. : Госюриздан, 1955. С. 22–23.

¹⁶ Теория государства и права : учебник для студентов вузов / Алексеев С.С. и др.; отв. ред. В.Д. Перевалов. 3-е изд. М. : Норма, 2009. С. 489 // URL: [https://dl.libcats.org/genesis/335000/c151a495424c5fa2c66b9f838473a2d9/as/\[Alekseev_S.S.\]_Teoriya_gosudarstva_i_prava\(libcats.org\).pdf](https://dl.libcats.org/genesis/335000/c151a495424c5fa2c66b9f838473a2d9/as/[Alekseev_S.S.]_Teoriya_gosudarstva_i_prava(libcats.org).pdf) (дата обращения 11.03.2025)

¹⁷ Мелехин А.В. Теория государства и права : учебник с учебно-методическими материалами. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Маркет ДС, 2009. С. 312.

¹⁸ Рассказов Л.П. Теория государства и права : углубленный курс : учебник. М. : РИОР : ИНФРА-М, 2015. С. 421.

¹⁹ Познышев С.В. Учебник уголовного права : Очерк основных начал общей и особенной части науки уголовного права. Общая часть. М. : Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. С. 34.

²⁰ Васьковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов : для начинающих юристов. М. : Бр. Башмаковы, 1913. С. 8.

²¹ Уголовное право. Общая часть / А.А. Герцензон, Н.Д. Дурманов, М.М. Исаев и др. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. С. 221.

Деятельность остальных субъектов рассматривалась как использование приемов и способов, способствующих правильному пониманию закона. По всей видимости, авторы разделяли понимание закона и его толкование, определяя последнее лишь через уяснение, что, как представляется, только усложнило терминологическую путаницу.

Однако среди исследователей немало и тех, кто придерживался усредненного подхода. Например, толкование, с точки зрения А.С. Шляпочникова, выступающего в поддержку позиций М.Д. Шаргородского, это объяснение уголовного закона, выяснение его смысла, определение его содержания, вложенного законодателем²². Содержание толкования, по его мнению, включает в себя две стороны: *уяснение и разъяснение* смысла уголовного закона, которые воплощают в себе единый процесс познания. Вслед за О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородским указанный автор также считал, что в рамках правоприменения нет никаких оснований проводить грань между этими понятиями²³.

Современные авторы также не пришли к единому мнению, несмотря на то, что в отдельных работах можно встретить и противоположные безапелляционные утверждения. Так, А.В. Галахова утверждает, что доктринальные попытки расчленить единый процесс толкования правовых норм на процесс и результат (на *уяснение и разъяснение*) «не нашли отклика в работах, посвященных толкованию уголовного закона»²⁴. Аналогичную позицию, рассматривающую толкование как единый процесс уяснения и разъяснения, занимает С.Н. Смирнова²⁵, И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов²⁶, А.И. Бойцов²⁷. Однако такие авторы, как А.В. Наумов²⁸, Г.А. Есаков²⁹, Б.В. Яцеленко³⁰ продолжают определять толкование лишь как *уяснение смысла закона*.

---

²² Шляпочников А.С. Толкование советского уголовного закона = Толкование уголовного закона. М. : Госюризатд, 1960. С. 73.

²³ Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Некоторые вопросы науки теории государства и права // Вестник Ленинградского университета. № 17. Вып. 3. 1956. С. 135.

²⁴ Галахова А.В. Толкование Особенной части УК РФ в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. 2-е изд., испр. и доп. М. : РАП, 2008. С. 9.

²⁵ Смирнова С.Н. Безвозмездность как криминообращающий признак преступлений в сфере экономики: дис. ... канд. юрид. наук. М., : 2015. С. 116.

²⁶ Козаченко И.Я., Новоселов Г.П. Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2025. С. 69.

²⁷ Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. В.С. Прохорова, В.Ф. Щепелькова. 3-е изд., испр. и доп. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. С. 66.

²⁸ Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть : Курс лекций. 6-е изд. перераб. и доп. М. : Проспект, 2017. С. 293.

²⁹ Уголовное право. Общая часть : учебник. Издание 2-е перераб. и доп. / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М. : Юридическая фирма «КОНТРАКТ» : ИНФРА-М, 2008. С. 29.

³⁰ Яцеленко Б.В. Принцип законности в уголовном праве и пределы судебного толкования // Материалы III Межвузовской научно-практической конференции. Современные проблемы уголовной политики. Краснодар. 2012. С. 82.

Выделению двух элементов толкования – «уяснение» и «разъяснение» – поспособствовало, как представляется, еще и то, что совместное Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 24 июля 1929 г. «Положение о Верховном Суде Союза ССР и прокуратуре Верховного Суда Союза ССР» определяло, что Верховному Суду надлежит давать *руководящие разъяснения и толкование общесоюзного законодательства* (п. 3), что указывало на самостоятельность толкования и разъяснения с позиции указанного нормативного правового акта³¹. При этом и в действующей Конституции РФ определено, что право ее толкования принадлежит Конституционному Суду РФ (статья 125), в то время как Верховный Суд РФ дает разъяснения по вопросам судебной практики (статья 126)³². Эти положения служат основанием для дальнейшего поиска корректного соотношения понятий «толкование», «уяснение» и «разъяснение»³³.

Приступая к анализу приведенных позиций, в первую очередь отметим, что разные авторы в своих определениях говорят либо о толковании нормы права, либо о толковании закона. На наш взгляд, подобное обусловлено широтой предмета исследования. Так, если автор рассматривает вопросы толкования с общеорефтических позиций, то он говорит о толковании правовых норм, поскольку последние могут содержаться не только в нормативных правовых актах. Применительно к уголовному праву подавляющее большинство авторов говорит о толковании именно закона (его отдельных положений), что следует поддержать. Норма права и статья закона, как известно, соотносятся как содержание и форма. Подчеркивая данное обстоятельство, Э.Т. Борисов отмечал, что, пока интерпретатору неясен смысл формулировок нормативного акта, в его распоряжении нет еще нормы права как определенного правила поведения, и толковать ее он не сможет³⁴.

Кроме того, для понимания большинства уголовно-правовых норм требуется обращение сразу к нескольким статьям уголовного закона, содержащимся как в Общей, так и в Особенной части. Так, М.Н. Марченко указывал, что положение ст. 23 УК РФ «Уголовная ответственность лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения»

---

³¹ Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 24.07.1929 «Об утверждении положения о Верховном Суде Союза ССР и прокуратуре Верховного Суда Союза ССР». СЗ СССР. 1929. № 50. Ст. 444.

³² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

³³ Нерсесянц В.С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право (о правоприменительной природе судебных актов) // Судебная практика как источник права. 1997. С. 34.

³⁴ Уголовный закон и преступление / под ред. Э.С. Тенчова. Иваново : ИвГУ, 1997. С. 30 (автор параграфа Э.Т. Борисов).

относится ко всем нормам Особенной части и ее отсутствие в Общей части потребовало бы включения в каждую статью Особенной части соответствующей формулировки»³⁵.

При этом, как отмечал Г. Кельзен, сама по себе норма (предписание поведения) не может быть ни ложной, ни истиной, а представляет собой государственное веление, относящееся к сфере должного. Однако правовые нормы получают языковое выражение в словах (например о том, что в соответствии с определенным правопорядком в той или иной ситуации должны наступить соответствующие последствия) и тем самым облекаются в форму правовых предложений, констатирующих факты³⁶. Таким образом, истолковывать – утверждать о наличии того или иного смысла – мы можем применительно только к этим предложениям, что составляет область сущего.

Итак, интерпретатор во всяком случае должен обратиться к тексту уголовного закона и истолковать именно его, чтобы понять и раскрыть смысл уголовно-правовой нормы. В этой связи указание на толкование самой уголовно-правовой нормы, порой встречающееся в литературе³⁷, по нашему мнению, является неточным.

Трудно также согласиться с позицией, в рамках которой под толкованием понимается деятельность лишь тех субъектов, чьи акты имеют обязательную юридическую силу. Данный подход подменяет определение сущностной характеристики исследуемого понятия определением его внешнего атрибута – обязательности, которая ограничена рамками лишь применения права. Однако правильное понимание смысла правовой нормы обеспечивает корректную реализацию права не только при правоприменении, но и в других его формах.

Для того чтобы *соблюдать* право – т.е. воздерживаться от противоправного поведения, лицо должно понимать содержание предусмотренных правил и запретов. Об этом неоднократно высказывался Конституционный Суд РФ в контексте принципа правовой определённости, подчеркивая, что законодатель обязан формулировать уголовно-правовые предписания с достаточной степенью четкости, позволяющей лицу сообразовывать с ними свое поведение – как дозволенное, так и запрещенное – и предвидеть вызываемые им последствия. Данный подход, в частности, представлен

---

³⁵ Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : НИЦ Инфра-М, 2019. С. 739–740.

³⁶ Ганс Кельзен. Чистое учение о праве. 2-е изд. пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. СПб. : ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. С. 94–99.

³⁷ Черданцев А.Ф. Толкование советского права. Теория и практика. М. : Юрид. лит., 1979. С. 139–141.

при анализе размерного признака в рамках контрабанды валюты³⁸, порядка и условий перемещения физическими лицами сильнодействующих веществ³⁹, раскрытии содержания термина «уклонение» от уплаты налогов⁴⁰ и др.

Использование права, например на необходимую оборону, также требует от лица уяснения условий ее правомерности, относящихся как к общественно опасному посягательству, так и к обороне от него. Без выяснения смысла законодательных положений лицо может выйти за допустимые пределы реализации права и само рискует быть привлеченным к уголовной ответственности.

Таким образом, поведение лица в любом случае должно оставаться в рамках существующих нормативных предписаний, а для этого они должны быть им поняты. На данном этапе не является принципиальным, в рамках уяснения или разъяснения осуществляется это понимание (подробнее об этом далее). Важно то, что во всех приведенных случаях толкование не имеет четкой привязки к юридической силе тех или иных актов, а сосредоточено на раскрытии содержания правоотношений.

Сложно согласиться и с предложениями понимать толкование как «нахождение надлежащего правового решения для конкретного случая» (П.И. Люблинский)⁴¹ или же как «установление тождества предусмотренного им (законом – прим. А.Л.) состава преступления и фактического состава в конкретном деянии» (Я.М. Брайнин)⁴².

С позиции утилитарного подхода и в контексте правоприменения подобная цель оправдана, ведь деятельность судов отчасти и состоит в том, чтобы определить норму, подходящую для того или иного случая, требующего своего правового разрешения. Однако нетрудно заметить, что такое понимание толкования сближает его с процессом квалификации, которая в наиболее устоявшемся значении понимается как установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой

---

³⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» // СПС «Консультант Плюс».

³⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 22-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 226¹ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева» // СПС «Консультант Плюс».

⁴⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2003 № 9-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П.Н. Белецкого, Г.А. Никовой, Р.В. Рукавишникова, В.Л. Соколовского и Н.И. Таланова» // СПС «Консультант Плюс».

⁴¹ Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика Уголовного кодекса. Петроград : Типо-лит. Руманова, 1917. С. 209.

⁴² Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. М. : Юридическая литература, 1967. С. 220.

нормой»⁴³. При таком понимании провести различие между рассматриваемыми терминами оказывается весьма затруднительно.

Представляется, что толкование уголовного закона все же предшествует процессу квалификации, поскольку оно призвано способствовать установлению смысла нормы, определению того, какое деяние ею запрещено, и только после установления всех элементов можно констатировать наличие или отсутствие тождества признаков деяния и его описания в положениях уголовного закона. Кроме того, толкование может осуществляться не для конкретного судебно-следственного случая, но и в абстрактном виде, например в рамках постановлений Пленума Верховного Суда РФ.

Отметим, что правильное толкование уголовного закона является необходимым условием корректной квалификации деяния, поскольку оно всецело определяет её юридическую составляющую. Так, правило квалификации, согласно которому специальная норма имеет приоритет перед нормой общей, с неизбежностью требует определения объема правоотношений, охватываемого каждой из норм. Для этого необходимо системное толкование соответствующего законодательного положения, в котором закреплена каждая норма⁴⁴. Только после этого можно сделать вывод о конкуренции, выбрать подходящую норму и заявить о тождественности исследуемого деяния признакам, описанным в уголовном законе.

Далее для определения понятия толкования необходимо рассмотреть вопрос о соотношении в нем элементов «уяснение» и «разъяснение».

Полагаем, что исходной посылкой при данных рассуждениях должно стать понимание основного предназначения толкования – *выявление смысла закона*, вне зависимости от того, кто его будет выявлять и каким толкование окажется по своей сути для интерпретатора (буквальным, подразумеваемым или даже желаемым).

Причины, по которым возникает данная необходимость, могут быть различными: изучение особенностей правового развития древних обществ историком, необходимость имплементации международных норм в отечественный правопорядок законодателем или интерес простого гражданина к законодательству зарубежного государства. Во всех

⁴³ См., напр.: Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений : Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». М. : Издательский Дом «Городец», 2007. С. 7; Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М. : Юрид. лит., 1972. С. 7.

⁴⁴ Учитывая наличие нескольких вариантов обозначения указанного вида толкования, следует отдать предпочтение его наименованию как *системного* способа толкования, подчёркивающего включение правовой нормы в систему права.

указанных случаях субъект будет стремиться осмыслить содержание нормы, но совершенно необязательно, что за этим этапом последует его разъяснение другим лицам или его активная реализация.

Несколько иначе обстоит дело с правоприменительным толкованием, в котором и уяснение и разъяснение закона имеют непосредственную связь с актом реализации правовых норм. В большинстве своем деятельность судов и состоит в принятии правоприменительных решений. Поэтому, чтобы понять, как судья уяснил для себя то или иное положение закона, как он понял его смысл, мы обращаемся к тексту судебного решения, в котором, согласно уголовно-процессуальному законодательству, должны быть приведены мотивы его принятия.

Показательны в этом смысле значения термина «толкование», представленные в толковых словарях⁴⁵. Если термин употребляется в контексте того, что толкуется, то это толкование-объяснение, если речь о том, кому толкуется, то речь о толковании-разъяснении. Нетрудно заметить, что сама постановка вопроса о толковании уголовного закона, это исследование с позиции того, что толкуется.

Безусловно, ввиду связанности суды процессуальными формами осуществления своей профессиональной деятельности, целями принятия правоприменительных актов и требованиями к их содержанию, судебное толкование уголовного закона зачастую можно установить лишь при анализе разъяснений, изложенных в текстах судебных решений, обращенных к конкретному физическому лицу. Однако подобная обусловленность не должна означать объединения уяснения и разъяснения в единый процесс толкования. Судья осуществляет мыслительную деятельность, направленную на понимание текста закона, его сопоставление с другими законодательными положениями, и только при изложении своей позиции, в частности при написании текста решения в совещательной комнате, переходит к разъяснению его смысла для других лиц.

Подобно тому, как нормативный правовой акт является источником права в формальном смысле, правоприменительный акт в этом же смысле является лишь формой, в которой находит свое воплощение осуществленное толкование. Однако, как право сущностно содержится в норме, регулирующей общественные отношения,

---

⁴⁵ См., напр.: Толковый словарь Ожегова : Словари и энциклопедии gufo.me // URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D1%82%D0%BE%D0%BB%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5> (дата обращения 21.03.2025)

а не в законодательном акте, в котором она представлена, так и толкование сущностно содержится в познании смысла нормы, а не в акте правоприменения.

Указанное также справедливо и в случае, когда судебные органы не разрешают конкретных дел, а принимают документы общего характера (обзоры, постановления Пленума, ответы на вопросы судей и др.). Данные документы имеют аналогичную цель – определить надлежащее правоприменение, за тем лишь исключением, что оно относится к индивидуально неопределенной ситуации. Представленные по итогу акты, хоть в своей сущности и являются документами для передачи выявленных смыслов уголовного закона другим лицам (судам, следственным органам, прокуратуре, виновному лицу и др.), разъясняют уже истолкованные судом законодательные положения⁴⁶.

Оsmелимся предположить, что при ответе на данный вопрос некоторые авторы (в особенности это характерно для современных исследователей) исходили из наличия особой специфики судебного или же правоприменительного толкования, что оказывало свое влияние на сформулированные выводы как по вопросу о его понятии, так и по другим смежным вопросам, в частности о его признаках и особой роли⁴⁷.

В теории также предлагаются различные классификации видов судебного толкования, призванные, вероятно, подчеркнуть его особую специфику. К примеру, выделяется толкование Общей и Особенной части Уголовного кодекса⁴⁸ или отраслей уголовно-правовых дисциплин⁴⁹. Однако эти предложения характеризуют судебное толкование лишь с внешней стороны, не затрагивая его сущностных вопросов.

В настоящем диссертационном исследовании судебное толкование рассматривается лишь как часть более общего процесса толкования, в рамках которого какие-либо особенности имеют лишь состав субъектов-интерпретаторов, а также юридические последствия принимаемых по результатам толкования закона актов. Выделение самостоятельных принципов, признаков или роли судебного толкования отдельно от общих положений о толковании трудно обосновать с теоретических

---

⁴⁶ Беляев В.Г. Применение уголовного закона : учеб. пособие. Волгоград : ВЮИ, 1998. С. 16.

⁴⁷ См., напр.: Голенко Д.В. Роль разъяснений Верховного Суда РФ при применении особенной части уголовного закона // Сборник материалов X Международной научно-практической конференции. М. : РГУП. 2023. С.119–124. При анализе судебного толкования уголовного закона, осуществляемого Верховным Судом РФ, автором делается акцент именно на разъяснении уголовного закона нижестоящим судам в рамках формирования единого вектора правоприменения, а не на выяснении действительного смысла законодательных предписаний.

⁴⁸ Савельева О.А. Роль судебного толкования в применении уголовного закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 11.

⁴⁹ Александров А.И. Акты судебного толкования уголовного закона: понятие и основания классификации // Проблемы правоохранительной деятельности. № 3. 2016. С. 77.

и практических позиций. Подобное видится неэффективным, поскольку, как представляется, не привносит новых знаний в учение о толковании и не позволяет получить более глубоких сведений о предмете исследования, т.е. не способствует достижению тех целей, ради которых обычно выделяется и изучается специфика исследуемого предмета.

К примеру, в исследовании О.А. Ругиной приводится попытка выделения специальных признаков судебного толкования уголовного закона, а также обозначения его специфической роли⁵⁰. Автор указывает, что оно осуществляется только судьями, находит свое отражение в специальных актах, имеет своей целью эффективную реализацию уголовно-правовых предписаний, либо их совершенствование, а также способно порождать особые правовые последствия. Однако нетрудно заметить, что под указанные признаки полностью подпадает и само судебное правоприменение, а выделение перечисленных признаков обусловлено ролью субъекта (судьи) и значением принимаемых им актов, что изначально и послужило главной причиной выделения данного вида толкования.

Названным автором представлены следующие аргументы, которые, по ее мнению, свидетельствуют об особом значении судебного толкования:

- наличие в уголовно-правовых нормах бланкетных диспозиций, оценочных понятий, специальных терминов, не всегда понимаемых даже юристами-профессионалами;
- возможность устранения пробелов в законодательстве, посредством чего завершается процесс правовой регламентации общественных отношений;
- адаптация уголовного закона к постоянно меняющимся условиям, что означает его переосмысление в новых условиях;
- именно судебное толкование минимизирует законотворческие огехи, а также обнаруживает недостатки технического и юридического характера в нормах права, сигнализирующие законодателю о необходимости соответствующих изменений;

---

⁵⁰ Ругина О.А. Судебное толкование уголовного закона и его роль в законотворческой и правоприменительной деятельности. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 19–23.

– результаты судебного толкования могут непосредственно учитываться законодательными органами, как при создании новых норм, так и при отмене (изменении) существующих правовых предписаний⁵¹.

Представляется, что указанные причины, за исключением устранения пробелов, всецело относятся к толкованию как таковому. При этом справедливо предположить, что наибольшую реализацию указанные положения могут получить и вовсе в рамках доктринального, а не судебного толкования уголовного закона. Что касается устранения пробелов, то подобная деятельность лежит за пределами толкования закона и является нормотворчеством. Таким образом, ни предлагаемые признаки, ни особое значение, не выявляют особой специфики именно судебного толкования.

Примечательно в этой связи, что в работе, посвященной исследованию вопросов правоприменительного толкования, Б.П. Морозовым выделена самостоятельная глава под названием «Классификация видов правоприменительного толкования уголовного закона»⁵². При этом указанным автором приведены все те же способы и виды толкования, которые традиционно выделяются в научной литературе при раскрытии общих подходов и правил толкования.

Нельзя не согласиться в этом отношении с позицией П.С. Яни, который утверждает, что с точки зрения логики, при соблюдении интерпретационного алгоритма, способы и приемы толкования, осуществляемого как ученым, так и практиком, не будут отличаться, и, как следствие, результаты толкования должны совпадать⁵³, что подчеркивает отсутствие оснований рассматривать судебное толкование как самостоятельное правовое явление, сущностно отличаемое от толкования в целом.

Таким образом, большая часть выделяемых особенностей обусловлена либо самим предназначением судебной деятельности, либо свойствами правоприменительных актов, что хоть и связано с толкованием, однако выходит за его пределы. Следовательно, особенности судебного правоприменения не меняют содержательный характер толкования.

Резюмируя изложенное, считаем возможным дать следующее определение толкование уголовного закона – это **интеллектуальная деятельность интерпретатора**,

---

⁵¹ Ругина О.А. Там же. С. 23.

⁵² Морозов Б.П. Правоприменительное толкование уголовного закона : монография. Новосибирск : НВИ ВВ, 2016. С. 86–137.

⁵³ Яни П.С. Вопросы толкования уголовного закона // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 2012. № 4. С. 68.

направленная на уяснение действительного смысла текста закона. Данное уяснение необходимо для всех форм реализации права и не ограничивается исключительно правоприменением. При этом в содержание процесса толкования не входит дальнейшее разъяснение смысла правовой нормы другим субъектам, хотя в рамках правоприменения данные процессы неразрывно связаны.

Судебное толкование уголовного закона, в свою очередь, представляет собой интеллектуальную деятельность суда (судьи) по уяснению действительного смысла положений уголовного закона, осуществляемую в связи с необходимостью вынесения правоприменительного акта по конкретному уголовному делу в предусмотренном уголовно-процессуальным законом порядке, внешней формой выражения которой является судебное решение или самостоятельный акт, разъясняющий положения уголовного закона.

Наличие нескольких форм выражения судебного толкования обуславливается разделением компетенций и задач внутри судебной системы Российской Федерации. Так, если основным назначением судов общей юрисдикции является разрешение конкретных уголовных дел, то Верховный Суд РФ помимо указанной функции также уполномочен давать разъяснения общего характера по вопросам судебной практики⁵⁴.

Определившись с тем, что представляет собой судебное толкование уголовного закона, следует рассмотреть такие базовые для настоящего диссертационного исследования понятия, как **объект и цель толкования**.

Взаимосвязанные положения ст. 1 и ч. 1 ст. 3 УК РФ определяют, что уголовное законодательство нашей страны состоит из действующего Уголовного кодекса, принятого в 1996 г. (с последующими изменениями и дополнениями) и им (и только им) определяются преступность, наказуемость и все иные уголовно-правовые последствия совершенного деяния. Таким образом, для определения заложенных смыслов и значений мы должны толковать исключительно текст уголовного закона, который и выступает объектом толкования⁵⁵.

Итоговый результат всех проведенных с текстом мыслительных операций должен привести интерпретатора к одному – к пониманию заложенного в тексте закона правила

⁵⁴ Часть 4 ст. 19 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) «О Верховном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 550.

⁵⁵ В отдельных случаях предметом толкования может являться и текст иных нормативных правовых актов, к которым отсылает уголовный закон.

поведения. Поскольку сама идея законодательной власти выражается в делегировании обществом государству права определять в том числе область преступного и наказуемого, представляется, что такая законодательная воля и ее видение модели правового регулирования могут функционно считаться истиной. Работая с текстом, интерпретатор пытается прояснить то, как отразилась в нем законодательная воля. По меткому выражению П.С. Яни, интерпретационную процедуру можно с некоторыми оговорками уподобить разархивированию информации⁵⁶.

Что касается цели толкования, то она представляет собой установление действительной законодательной воли, но только той, которая нашла свое отражение в тексте закона⁵⁷. Данное уточнение важно, поскольку оно ограничивает рамки указанной воли, облекая ее в осозаемую форму закона – его текст.

Подобная взаимообусловленность в своем содержании очень близка к соотношению материального и формального признаков преступления: только то преступно, что причиняет существенный вред общественным отношениям или создает угрозу причинения такого вреда этим отношениям, то есть обладает общественной опасностью, но каким бы опасным ни было деяние, если оно не запрещено уголовным законом, то преступлением оно не является. Придание приоритетного значения идеи над буквой закона (или наоборот) при толковании, в сущности, парализует право как эффективный регулятор общественных отношений.

Одной из наиболее часто воспроизводимых в научной литературе при раскрытии данного вопроса является позиция К. Биндинга о том, что с момента публикации закон покоится только на себе самом, поскольку представляет собой отчуждение и противопоставление законодательной воли тексту закона с безусловным приоритетом последнего⁵⁸. Данное изречение, возвышающее при толковании формальный аспект

---

⁵⁶ Яни П.С. Указ. соч. С. 68. Стоит, однако, иметь в виду, что, используя указанное сравнение, автор рассматривал вопрос наличия в уголовном праве «общеупотребительных терминов». Вместе с тем общее рассуждение автора позволяет привести указанную позицию в качестве подтверждения раскрываемой мысли в данной части диссертационного исследования.

⁵⁷ См., напр.: Шершеневич Г.Ф. Избранное: В 6 т. Т. 4 включая Общую теорию права / Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. М. : Статут, 2016. С. 631–633; Рождественский А.А. Основы общей теории права : Курс лекций. М. : В.С. Спиридовон, 1912. С. 75; Таганцев Н.С. Курс уголовного права. СПб., 1902. С. 88; Звечаровский И.Э. Уголовное право России: курс Общей части, во многом определяющей действенность положений его части Особенной : учебник. М. : Проспект, 2024. С. 105.

⁵⁸ Цит. по: Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 146.

над материальным, как поддерживалось⁵⁹, так и критиковалось⁶⁰ в доктрине. В то же время в литературе неоднократно встречается указание на необходимость опоры именно на дух закона, в частности при его технических недостатках и необходимости «корректирующего» толкования⁶¹, а также при расширительном и ограничительном толковании уголовного закона⁶².

Не считая возможным в полной мере согласиться ни с одной из указанных точек зрения, отметим, что истина, как это часто бывает, находится посередине. Концентрация исключительно на букве закона нивелирует право как социальный институт, основная цель которого – регулировать реальные общественные отношения, а не закреплять умозрительные концепции. Вместе с тем акцент лишь на духе закона игнорирует многовековые достижения принципа законности и формализации властеотношений.

Однако при объединении двух названных аспектов следует учитывать, что реальный законодатель бывает непоследователен, а изданный им текст может быть несовершенным или вовсе окажется способен привести к еще большим проблемам и противоречиям. Многими исследователями и сегодня отмечается утрата действующим Уголовным кодексом системности, отступление от принятых правил юридической техники, наличие пробелов, либо, напротив, избыточность криминализации и др.⁶³.

Например, в ч. 3 и 4 ст. 263¹ УК РФ «Нарушение требований в области транспортной безопасности» предусмотрено совершение неосторожного преступления группой лиц по предварительному сговору и организованной группой, что явно

---

⁵⁹ См., напр., Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Выпуск первый. Общая часть. М. : Унив. тип., 1907. С. 73.

⁶⁰ Люблинский П.И. Указ. соч. С. 126.

⁶¹ Там же. С. 198–202. При этом следует учитывать, что сама дискуссия о роли «духа» закона при его толковании является следствием происходившего в конце 18 века политического переустройства в Европе. Стремясь ограничить произвол государственных чиновников, такие мыслители как Монтескье, Беккария, Вольтер говорили о духе закона, как о толковании, не следующим из текста законодательного акта, а представляющим собой понимание его общего смысла судьей, приводящим к непредсказуемому и произвольному правоприменению, вследствие чего его считали недопустимым. На сегодняшний день право судей толковать закон никем не подвергается сомнению, поэтому следует уточнить, что под духом закона в контексте данного диссертационного исследования понимается воля законодателя, то есть то намерение, которым он руководствовался при принятии текста закона.

⁶² Российское уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. Г.А. Есакова. 2-е изд., испр. и доп. М. : Проспект, 2023. С. 31 (автор главы Г.А. Есаков).

⁶³ См., напр.: Лопашенко Н.А. Уголовная политика по принципу «Чего изволите?», или уголовный закон как средство решения всех проблем // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 2015. № 1. С. 44–55; Крылова Н.Е. К вопросу гармонизации и гуманизации уголовного закона // Уголовное право. 2011. № 6. С. 26; Мевлуд Д.Д. Современные проблемы уголовной политики // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 6. С. 122–126; Гравина А.А. Тенденции развития уголовного законодательства на современном этапе // Журнал российского права. 2016. № 11. С. 95–106.

противоречит понятию соучастия, закрепленному в ст. 32 УК РФ⁶⁴. Данная (по существу, «мертвая») норма об ответственности за нарушение требований в области транспортной безопасности с момента ее принятия ни разу не применялась судами.

В ст. 58 УК РФ «Назначение осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения» отсутствует указание на вид исправительного учреждения, который следует назначать лицам, осужденным за совершение тяжкого преступления в случае, если ранее оно отбывало наказание в виде лишения свободы, но первое преступление не могло учитываться при определении рецидива.

Статья 18 УК РФ «Рецидив преступлений» не содержит правил определения вида рецидива в случае совершения лицом одного особо тяжкого преступления при его осуждении ранее за тяжкое преступление к реальному лишению свободы.

При этом даже тщательная проработка закона не гарантирует отсутствия законодательных просчетов. Так, принятию современного Уголовного кодекса предшествовала длительная и кропотливая работа⁶⁵. Однако в первой редакции закона отсутствовало указание на правила назначения наказания, в случае совершения лицом совокупности преступлений, одно из которых является преступлением небольшой тяжести, а другое преступлением любой иной категории.

Очевидно, что законодатель не намеревался выводить из области уголовно-правового регулирования все вышеуказанные случаи. Однако именно такой вывод следует из толкования текста закона. Таким образом, воля законодателя и буква закона могут вступать в противоречие, и эта ситуация с неизбежностью требует своего разрешения.

Как представляется, учет «духа» как социально-политического содержания закона допустим, но лишь в тех пределах, которые допускаются самим текстом закона. Например, при выборе срока или размера наказания судье позволительно и даже необходимо учитывать текущую политico-правовую и экономическую ситуацию в стране, «взвесить» общественную опасность преступления в конкретный исторический

---

⁶⁴ Отдельные исследователи полагают, что положения ч. 3 и 4 ст. 263¹ УК РФ о соучастии характеризуют само нарушение требований по соблюдению транспортной безопасности, которое может быть осознанным (см., напр.: Янина И.Ю. К вопросу о толковании нарушения требований в области транспортной безопасности, осуществленного групповым способом. // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. № 2. С. 365–369). Однако такое нарушение не образует преступление без указанных в законе последствий, выступающих криминообразующим признаком данного преступления. В связи с этим институт уголовного права, каковым является институт соучастия, не может быть применен к поведению, которое не является уголовно наказуемым.

⁶⁵ См., напр.: Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, С.Т. Келина. М. : Наука. 1987. 276 с.

период. При этом, оставаясь в диапазоне соответствующей санкции или обосновывая применение положений ст. 64 УК РФ о назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено за совершение данного преступления, судья останется в формально-юридических рамках законности. Аналогичная возможность для судьи учесть социально-политическое содержание норм предусматривается и в иных случаях, например при оценке тяжести последствий, существенности вреда, значительности ущерба и др.

Однако следует отметить, что никакое социально-политическое обоснование не должно изменять пределы преступного и наказуемого, как и менять прямо предусмотренный в тексте уголовного закона порядок правового регулирования. В противном случае законность будет подменена целесообразностью, как это было, например, при применении печально известного постановления ЦИК СССР и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности»⁶⁶. Толкование так называемого «Закона о трех колосках» позволяло устанавливать максимальную меру уголовной ответственности за хищение всякого государственного, колхозного или кооперативного имущества, вопреки прямому указанию самого закона о его применении лишь к случаям хищений грузов на железнодорожном и водном транспорте, а также имущества колхозов и кооперативов.

В этой связи воля законодателя и выраженный в ней социально-политический подход должны следовать из текста закона с присущим ему формально-юридическим подходом. Однако в случае возникновения противоречий, наличие которых не исключено, приоритет должен отдаваться тексту уголовного закона.

Например, как отмечает в своем диссертационном исследовании А.А. Зубцов, при разработке ст. 172² УК РФ «Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества» законодатель стремился противодействовать мошенничеству на самых ранних его этапах, не дожидаясь причинения реального имущественного ущерба потерпевшим. Вместе с тем отсутствие в диспозиции ст. 172² УК РФ указания на цель хищения денежных средств исключило возможность применения указанной нормы в случае осведомленности вкладчиков о том, что они

---

⁶⁶ Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 07.08.1932 «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» // СЗ СССР. 1932. № 62. Ст. 360.

участвуют в финансовой пирамиде. В результате ст. 172² УК РФ охватила самостоятельную область общественных отношений, не связанную с хищениями⁶⁷.

Аналогичным образом можно охарактеризовать практику применения ст. 200³ УК РФ «Привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости». В исследовании М.А. Пичугиной подчеркивается, что одной из целей законодателя при введении ст. 200³ в Уголовный кодекс являлось стимулирование застройщиков к возмещению вреда дольщикам, поскольку возмещение сумм привлеченных денежных средств является основанием для освобождения виновного лица от уголовной ответственности в соответствии с примечанием 2 к ст. 200³ УК РФ. Однако, в силу волевого решения законодателя, состав преступления был сформулирован по типу формального, и наличие ущерба не требуется доказывать, поскольку он не является обязательным признаком состава преступления и не влияет на квалификацию деяния по ст. 200³ УК РФ⁶⁸.

В обоих случаях толкование уголовного закона выводится из его текста и является приоритетным, хоть оно и не соответствует изначальному замыслу законодателя.

Указанное при этом не содержит в себе противоречия в определении цели толкования. Изначально целесообразно исходить из презумпции соответствия воли законодателя и буквы закона. Если по тем или иным причинам интерпретатор устанавливает их расхождение, то приоритет текста закона обусловлен принципом законности, который обязаны соблюдать суды при правоприменении. Однако при этом уяснение воли законодателя все равно остается основной целью толкования уголовного закона. Констатация подобных расхождений может говорить о том, что законодателю не удалось донести свою мысль в том виде, в котором он хотел это сделать, и может указывать ему на необходимость принятия новых норм, а также корректировки или отмены уже принятых законоположений.

Принятие законов – достаточно трудоемкий процесс, и зачастую право не успевает за общественными отношениями, развивающимися в реальной жизни. Сегодня мы видим,

---

⁶⁷ Зубцов А.А. Уголовно-правовое противодействие организации финансовых пирамид и участию в них : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 15–16, 68.

⁶⁸ Пичугина М.А. Уголовная ответственность за привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости (ст. 200³ УК РФ) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 84.

как перед правовой системой один за другим ставятся вопросы регулирования и охраны криптовалюты, оценки решений искусственного интеллекта, правового регулирования ответственности за дипфейки и др. Подобное приводит к тому, что новые или каким-либо образом трансформированные общественные отношения требуют уточнений порядка своего правового регулирования. В случае, если законодатель не уточнит свою волю по данному вопросу, действовать будет прежний закон. Но какую волю должно выражать толкование закона?

В уголовно-правовой доктрине советского периода представлены две основные позиции:

- толкование закона должно выражать волю законодателя на момент принятия соответствующего закона (учитывая изменчивость переменных норм)⁶⁹;
- толкование закона должно выражать волю законодателя на момент применения соответствующего закона⁷⁰.

В современных исследованиях данный вопрос раскрывается с использованием терминов «статическое» и «динамическое» толкование⁷¹. Первое относится к раскрытию воли законодателя на момент принятия закона, второе относится ко времени применения закона.

Установив первостепенное значение текста уголовного закона, мы должны иметь в виду, что постановка подобного вопроса уместна только в случае, если применение обоих из указанных подходов будет опираться на текст и выводиться из него с помощью допустимых способов толкования, не дающих однозначный и четкий ответ о содержании нормы. Только после этого следует переходить к конкретизации воли самого законодателя.

С нашей точки зрения, учет воли законодателя на момент применения соответствующего закона в меньшей степени отвечает главной цели толкования – выявлению смысла закона, который *был в него вложен*.

Учитывая, что законодатель – это некий абстрактный коллегиальный орган, члены которого сменяют друг друга на протяжении всего действия уголовного закона, считаем

---

⁶⁹ См., напр.: В.Н. Кудрявцев. Теоретические проблемы квалификации преступления // Тезисы докладов научной конференции: «Проблемы советского уголовного права в период развернутого строительства коммунизма». Л. 1963. С. 22; Брайнин Я.М. Указ. соч. С. 221.

⁷⁰ См., напр.: Шаргородский М.Д. Закон и суд // Вопросы уголовного права и процесса: Учен. зап. ЛГУ. № 202. Серия юрид. наук. Л. 1956. С. 18.

⁷¹ См., напр.: Морозов Б.П. Указ. соч. С. 34; Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм : монография. М. : НОРМА, ИНФРА-М, 2015. С. 15.

необходимым добавить, что наиболее близкая связь идеи законодателя и текста закона обнаруживается лишь *в момент его принятия*. Существенно проще определить волю законодателя, толкуя текст закона в контексте существовавших на тот момент социально-политических, экономических, правовых, криминологических, правоприменительных и других предпосылок. Однако с течением времени условия, в которых действует закон, меняются, и возникает необходимость в его переосмыслении и выяснении того, возможно ли применение старого закона к новым общественным отношениям, отсутствовавшим на момент его принятия. Сложно с уверенностью утверждать, что в момент принятия закона законодатель рассчитывал на столь долгосрочное и универсальное применение установленных правил, поскольку предусмотрел все возможные общественные изменения.

Однако, как подчеркивают М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин и В.К. Андрианов, рассматривающие проблему внешних и внутренних противоречий уголовного закона как условий его развития, «внешнее противоречие, порождаемое несоответствием уголовного законодательства жизни современного общества вследствие существенного изменения социально-политической обстановки должно разрешаться путем приведения законодательства (а не толкования – прим. А.Л.) в соответствие криминальным вызовам современности»⁷². В этой связи справедливо предположить, что, если актуальный законодатель молчит, значит он не считает необходимым изменять и адаптировать уголовный закон к новым реалиям.

При этом необходимо учитывать, что сама по себе воля законодателя в любом случае *не может быть истолкована в её абсолютном виде*. Как отмечает В.Ф. Щепельков, любое разъяснение закона (за исключением случаев, когда закон толкует сам автор) есть разъяснение того, как интерпретатор сам понял ту или иную норму⁷³. В таких условиях воля законодателя всегда остается в определенной мере скрытой и может определяться лишь с той или иной долей вероятности. Повышению указанной вероятности служит обращение к пояснительным запискам, стенограммам рабочих групп и заседаний, на которых проходило обсуждение законопроекта, заключениям на законопроект, архивным данным и так далее, что, однако, лишь подкрепляет

---

⁷² Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е., Андрианов В.К. Уголовная политика : учебное пособие. М. : РГУП, 2018. С. 55.

⁷³ Энциклопедия уголовного права. Том 2. Уголовный закон. СПб. : Изд. проф. Малинина, 2005. С. 266.

или опровергает предположение интерпретатора о том, какой порядок установил легитимный орган – законодатель. В случае толкования закона исходя из времени его применения, в особенности при существенном изменении конкретных исторических условий, пропадает даже такой «дополнительный» ориентир, что вносит еще больше предположений и субъективных оценок в процесс толкования, несовместимых с его основной целью.

В завершение данного параграфа сформулируем следующие выводы.

Для раскрытия смысла уголовного закона интерпретатор толкует не саму уголовно-правовую норму, а положение Уголовного кодекса, в котором она изложена. Само по себе толкование не ограничено лишь правоприменительной сферой и необходимо также для иных форм реализации правовых предписаний, таких как соблюдение или использование, что позволяет ограничивать данный процесс лишь уяснением положений закона. В этой связи толкование уголовного закона следует определить как интеллектуальную деятельность интерпретатора, направленную на уяснение действительного смысла уголовного закона.

Разъяснение представляет собой процесс передачи другим субъектам смысла истолкованного положения уголовного закона. Указанное хоть и выходит за рамки процесса толкования, однако в рамках судебного правоприменения непосредственно с ним связано в силу ограниченности правоприменительных органов конкретными формами осуществления своей деятельности.

В этой связи судебное толкование уголовного закона представляет собой интеллектуальную деятельность суда (судьи) по уяснению действительного смысла положений уголовного закона, осуществляемую в связи с необходимостью вынесения правоприменительного акта по конкретному уголовному делу в предусмотренном уголовно-процессуальном законом порядке, внешней формой выражения которой является судебное решение или самостоятельный акт, разъясняющий положения уголовного закона.

Объектом толкования является текст уголовного закона, что обусловлено эксклюзивностью Уголовного кодекса как единственного источника уголовного права. Анализ и выяснение смысла законоположений позволяет добиться главной цели толкования – установления действительной законодательной воли, выраженной в тексте уголовного закона на момент его принятия. При этом в случае опровержения презумпции

соответствия духа и буквы закона приоритет должен отдаваться последнему в силу требований принципа законности.

§ 2. Принципы судебного толкования уголовного закона

На протяжении многолетней истории развития учения о толковании как закона в целом, так и уголовного закона в частности различными авторами неоднократно предпринимались попытки выработать принципы толкования. Одни исследователи ограничивались их простым перечислением или кратким пояснением, другие предлагали систему, состоящую из принципов общего и специально-отраслевого характера.

К примеру, советский ученый А.С. Шляпочников указывал на необходимость выделения общих положений-принципов толкования уголовного закона, под которыми автор понимал: принцип социалистической законности, обеспечение интересов государства и созданного правопорядка при толковании; запрет толкования уголовного закона во вред установленным правам и интересам личности⁷⁴.

Развитие данной идеи можно проследить и в современных трудах. Как с сожалением заявил Б.П. Морозов, в современной уголовно-правовой науке вопрос о принципах толкования практически не освещается, что, по мнению автора, пагубно сказывается на правотолковательной практике⁷⁵. В связи с этим Б.П. Морозовым предлагается выделение общих и специальных отраслевых принципов толкования.

Однако с необходимостью выделения большинства принципов толкования согласиться сложно ввиду отсутствия в этом научной или практической целесообразности.

В первую очередь следует отметить, что принцип в его правовом понимании является основополагающей идеей, пронизывающей все существо правового регулирования в соответствующей области⁷⁶. Принцип определяет саму природу и назначение правового регулирования и, в то же время, может служить ориентиром

---

⁷⁴ Шляпочников А.С. Указ. соч. С. 112–125.

⁷⁵ Морозов Б.П. Указ. соч. С. 26. Если ознакомиться с рядом крупных работ по данной тематике, опубликованных за последние 25 лет, можно заметить, что ни в одной из них действительно не освещается в качестве предмета исследований вопрос о принципах толкования уголовного закона. См., напр.: Мадьярова А.В. Место и роль разъяснений Верховного Суда Российской Федерации в механизме уголовно-правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2001. 236 с.; Ругина О.А. Указ. соч. 192 с.; Савельева О.А. Роль судебного толкования в применении уголовного закона : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 181 с.; Бойко А.И. Язык уголовного закона и его понимание: монография. М. : Юрлитинформ, 2010. 316 с.; Пычева О.В. Герменевтика уголовного закона. Ульяновск : УлГУ, 2005. 167 с.

⁷⁶ Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В.С. Прохорова, В.Ф. Щепелькова. 3-е изд., испр. и доп. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. С. 20 (автор главы А.И. Бойцов).

в случаях, когда существующие правовые предписания недостаточно детализированы. Полагаем, что в рамках толкования принцип также должен устанавливать основные начала, задающие данному процессу вектор и идейно предопределяющие его содержание. Однако устанавливать подобные требования отдельно к процессу толкования – значит искусственно разделять объект толкования и заложенный в нем смысл неким «предпониманием» нормы.

Как указала в своей работе А.М. Разогреева, квалификация преступлений – деятельность, которая не требует морально-психологического обоснования, являясь лишь логическим силлогизмом⁷⁷. Данное суждение можно полностью отнести и к процессу толкования.

Задачей толкования, как уже отмечалось, является установление смысла нормы, следовательно, смысл предопределен лишь свойствами самого права, в той мере, в которой норма является правовой. В этой связи выделение самостоятельных идейных начал толкования лишено оснований. Мы можем выделить лишь наиболее подходящие, по мнению того или иного автора, способы толкования, позволяющие достигнуть основную цель – раскрыть смысл нормы, но не более того.

Так, поскольку право – это система норм, мы прибегаем к системному подходу при толковании закона и раскрытии смысла нормы, т.к. учитываем само свойство права. Если указанная система предусматривает иерархию, то, сопоставляя итоги толкования и разрешая противоречия, мы признаем верным толкование того акта, который имеет более высокую юридическую силу, поскольку это свойство самой системы права.

Однако если гипотетически будет принят подзаконный нормативный правовой акт, разрешающий, к примеру, бесконтрольное и безвозмездное изъятие частной собственности, то толкование этого акта не сможет выйти за рамки смысла, придаваемого ему с помощью грамматического и системного анализа, даже если оно не будет обеспечивать интересы государства и общества. Подобная норма имеет высокие риски оказаться неконституционной, но это характеристика самого позитивного законодательства. Его толкование же останется корректным.

---

⁷⁷ Разогреева А.М. Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации по вопросу квалификации преступлений с «негодным» субъектом: опыт дискурс-анализа // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 223.

Рассмотрим с указанных позиций предложенные А.С. Шляпочниковым принципы. В качестве главного автор выделял принцип социалистической законности. В общем виде данный принцип подчеркивал необходимость выявления, а не искажения законодательной воли при правоприменении⁷⁸. Иными словами, по мнению указанного автора, необходимо исполнять закон таким, какой он есть, а не каким его желает видеть судебная практика.

Несмотря на то, что уголовное законодательство современного периода претерпело множество изменений, представляется, что изложенное понимание принципа законности не противоречит современным подходам. В этой связи рассмотрим пример автора, раскрывающий предложенный принцип толкования.

В Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г.⁷⁹ и в законодательстве самих союзных республик различалось правовое регулирование уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство. Статья 17 Основ выводила этот вид прикосновенности к преступлению за рамки пособничества, указывая на необходимость криминализации данных действий специальным законом. Некоторые юристы посчитали, что применение ст. 17 УК РСФСР 1926 г.⁸⁰, предусматривавшей уголовную ответственность за заранее не обещанное укрывательство в качестве пособничества, и после принятия Основ являлось правомерным, с чем не соглашался А.С. Шляпочников⁸¹.

На наш взгляд, в приведенном примере нет оснований утверждать ни о соблюдении, ни о нарушении принципа законности именно при толковании. Приоритет нормативного акта, имеющего более высокую юридическую силу, является требованием законности внутри самого нормативного материала, а не его толкования. Дальнейшие мыслительные операции являются итогом сопоставления результатов толкований, который предопределен общими требованиями к системности и иерархичности правовых норм. Именно поэтому и можно признать толкование, представленное в Основах 1958 г., приоритетным, однако никакого принципа законности («социалистической законности») при толковании применено не было.

---

⁷⁸ Шляпочников А.С. Указ. соч. С. 112-113.

⁷⁹ Закон СССР от 25.12.1958 «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1958. № 1. Ст. 6.

⁸⁰ Постановление ВЦИК от 22.11.1926 (ред. от 27.04.1959) «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

⁸¹ Шляпочников А.С. Указ. соч. С. 114.

Аналогичный подход прослеживается и при анализе других предложенных принципов. Приведенные автором примеры никаких специальных принципов толкования не отражают и не формулируют, поскольку требования обеспечения интересов государства и защиты личности должны предъявляться к самим нормам, в производном отношении к которым будет находиться их толкование. Указанные требования следует учитывать законодателю в момент, когда последний определяет, какие общественные отношения заслуживают уголовно-правовой охраны, а какие нет. Подчиненность толкования самой норме (системе норм) и его производность от них не позволяют прийти к выводу о наличии в действиях лица состава какого-либо преступления, насколько бы это ни соответствовало «обеспечению интересов государства или общества», если нормативно закрепленного состава преступления не существует.

Как справедливо отмечает Н.Е. Крылова на примере ст. 163 УК РФ «Вымогательство», у собственника могут вымогать имущество способом, не указанным в ст. 163 УК РФ, например с угрозой лишить потерпевшего жилья. Однако это не означает возможности применения в таких случаях аналогии закона для оперативной и надлежащей защиты имущественных прав граждан⁸². При этом в указанных случаях безусловно происходит умаление имущественной сферы потерпевшего помимо его воли. Однако требования закона сформулированы таким образом, что расширить смысл норм под предлогом необходимости обеспечения защиты прав граждан не представляется возможным. Аналогичным образом эту проблему нельзя решить, формулируя принцип толкования. Если из текста закона не следует искомое правило – толкование бессильно.

В этой связи трудно согласиться с утверждениями о необходимости выделения основных принципов толкования уголовно-правовых норм. Как представляется, изложенные положения предъявляют свои требования в первую очередь к законодателю и сконструированному им тексту.

Аналогичный недостаток в виде неопределенности в содержательном наполнении общеправовых и специальных принципов толкования, как представляется, налицо существует и в современной литературе. Так, Б.П. Морозов заявляет, что общепризнанными

---

⁸² Крылова Н.Е. Криптовалюта: уголовно-правовые аспекты регулирования и охраны // Коммерческое право. Научно-практический журнал. 2021. № 3. С. 77.

базовыми принципами толкования являются: объективность, всесторонность, законность, обоснованность и единообразие толкования⁸³.

Объективность требует восприятия толкуемой нормы такой, какой она есть на самом деле, чтобы правильно и точно воспринималась мысль законодателя, исключая идеологическую пристрастность и политическую ангажированность. Однако подобное является не требованием к толкованию, а его конечной целью – понимание действительного смысла нормы или же нормы «как она есть», а все остальное, в т.ч. различные способы толкования, служат средствами достижения этой цели.

Принцип всесторонности, как заявляется, запрещает понимание нормы вне ее связей с другими нормами, а также иными правовыми реалиями. Однако данный подход и составляет суть системного (системно-логического) способа толкования, основанного на одноименном свойстве самого права. Выделение его в качестве отдельного принципа, как представляется, не привносит в процесс толкования ничего нового.

Принцип единообразия толкования понимается автором как признание приоритетности толкования, даваемого судом, презумпция правильности и истинности которого может быть опровергнута лишь вышестоящим судом. Представляется, что автором допущено противоречие, в котором подчеркивается необходимость соблюдения объективности и поиска подлинного смысла, и в то же время, критерий истинности подменяется «авторитетом» интерпретатора, где статус разъяснения становится важнее его качества. Таким образом, в данном контексте обнаруживается различие между толкованием как поиском истинного смысла и толкованием как актом действия уполномоченного субъекта.

Законность понимается как требование не искажать подлинный смысл толкуемых норм и не создавать новые нормы права. Однако создание новых норм права вовсе не является и не может являться толкованием, поскольку выходит за его пределы, и никак не может его характеризовать, а требование «не искажать подлинный смысл» уже представлялось названным автором при характеристике принципа объективности и содержательно оказалось смешанным с целью толкования.

---

⁸³ Морозов Б.П. Указ. соч. С. 26.

На наш взгляд, принцип законности при толковании уголовного закона следует понимать иначе. Под законностью традиционно понимается соответствие того или иного явления (поведения, решения, нормативного акта и др.), предъявляемым к нему нормативным требованиям⁸⁴. Следовательно, необходимо наличие некой модели соответствия, предопределяющей содержательное наполнение уголовно-правовой нормы. Как представляется, такой моделью выступает толкование уголовного закона, осуществляемое Конституционным Судом РФ. Как отмечала Н. Ф. Кузнецова, одним из установлений принципа законности в уголовном праве является подконституционность Уголовного закона⁸⁵. Данный тезис можно распространить и на его толкование.

В случае, если уголовно-правовая норма изложена в тексте уголовного закона не в полной мере ясно, а ее толкование обнаруживает вариативность, то действительный или же «истинный» смысл нормы должен соответствовать тому толкованию, которое дает Конституционный Суд. Данный подход можно проследить в уголовно-процессуальном законодательстве на примере п. 1 ч. 4 ст. 413 УПК РФ «Основания возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств»⁸⁶. Согласно указанному положению вступившее в законную силу решение суда должно быть отменено, если в нем используется нормативный правовой акт в истолковании, расходящимся с тем, которое дает Конституционный Суд. Таким образом, толкование уголовного закона Конституционным Судом содержательно предопределяет смысл уголовно-правовой нормы в случае ее неопределенности, и правоприменительное толкование должно ему соответствовать. Подобное и выражает в себе принцип законности при толковании.

Система специальных принципов, выделенная автором, также выглядит неубедительно. Так, Б.П. Морозовым предлагаются к выделению принципы защиты прав и свобод личности, обеспечения правопорядка, гуманизма и истолкования сомнений в пользу обвиняемого⁸⁷. Однако для их раскрытия и иллюстрации автор приводит примеры судебных ошибок, связанных с неверным определением фактических

---

⁸⁴ Матузов Н.И., Малько А.В. Указ. соч. С. 412.

⁸⁵ Кузнецова Н.Ф. Указ. соч. С. 66, 70.

⁸⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

⁸⁷ Морозов Б.П. Указ. соч. С. 32.

обстоятельств дела или неверной оценкой субъективной стороны виновного. Подобное не имеет отношения к толкованию уголовно-правовых норм, а представляет собой классические квалификационные ошибки.

В частности, приведенный автором пример, согласно которому Верховный Суд установил, что водитель автомобиля действовал с косвенным умыслом, а не легкомысленно, демонстрирует лишь переоценку фактических обстоятельств дела при корректном понимании (толковании) всеми нижестоящими судами положений Уголовного кодекса, посвященных содержанию форм вины. «Этот пример ясно показывает, насколько важно для достижения целей поддержания правопорядка правильно вменить соответствующее преступление»⁸⁸ – с тезисом автора трудно спорить, однако в данном случае это никак не связано с толкованием.

В то же время отдельного внимания заслуживают иные специальные уголовно-правовые принципы толкования, выделяемые в литературе.

Так, М.Д. Шаргородским предлагалось выделять следующие принципы: толкование всех сомнений в пользу обвиняемого, ограничительное толкование исключительных законов, законов, устанавливающих усиление ответственности, а также изъятий из общих правил, а также принцип расширительного толкования законов, устанавливающих смягчение ответственности⁸⁹. Аналогичные предложения можно встретить и в более ранних работах, например в трудах А.Ф. Кистяковского⁹⁰, С.В. Познышева⁹¹ и П.И. Люблинского⁹².

Следует также отметить, что, несмотря на совпадение наименований данных принципов с классификацией видов толкования уголовного закона по объему, эти понятия имеют различное значение. Забегая вперед, укажем, что определение объема толкования уголовного закона – это вывод о смысле того или иного законоположения по отношению к его словесному выражению в тексте закона. В рамках данного вывода интерпретатор опирается на результаты грамматического или системного толкования закона. Использование принципа толкования, напротив, предполагает отсутствие подобной

---

⁸⁸ Морозов Б.П. Там же. С. 35.

⁸⁹ Шаргородский М.Д. Толкование уголовного закона // Ученые записки. Серия юридических наук. № 106. Выпуск 1. Л. 1948. С. 317.

⁹⁰ Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник уголовного права. СПб. : Лань, 2014. С. 45–46.

⁹¹ Познышев С.В. Учебник уголовного права: Общая часть. Очерк основных начал общей и особенной части уголовного права. Т. 1. М. : Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. С. 37; Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Выпуск первый. Общая часть. М. : Унив. тип, 1907. С. 76.

⁹² Люблинский П.И. Указ. соч. С. 183.

опоры и учета лишь «общих начал». Как представляется, центральное место занимает принцип *in dubio pro reo* – толкование всех сомнений в пользу обвиняемого. Остальные принципы, выделенные приведенными авторами, являются лишь частными случаями первого. Отметим, что указание на необходимость соблюдения данного принципа при толковании присутствует и у современных авторов⁹³.

Вместе с тем в научной литературе можно встретить мнение, согласно которому данный принцип имеет исключительно уголовно-процессуальное значение и применяется лишь при оценке фактических обстоятельств уголовного дела. Так, Л.В. Головко указывает, что применение уголовного закона (независимо от сложностей его толкования) может быть правильным или неправильным, но не может быть благоприятным или неблагоприятным⁹⁴. Любые связанные с толкованием уголовного закона интеллектуальные сложности, по мнению указанного автора, ничего в данном случае не меняют и не относятся к рассматриваемому принципу.

Однако с подобным утверждением трудно согласиться. Как неоднократно подчеркивалось Конституционным Судом РФ, в силу особой роли уголовного закона как крайнего средства реагирования на противоправное поведение, любое преступление, а равно и наказание за его совершение, должны быть четко определены в законе. Уголовная ответственность может считаться законно установленной и отвечающей предписаниям лишь при условии, что составообразующие признаки преступления точно и недвусмысленно определены в уголовном законе, непротиворечиво вписывающемся в общую систему правового регулирования⁹⁵.

Согласно приведенной позиции Суда, при неопределенном установлении тех или иных признаков состава преступления и наличии в этой связи сомнений в четком выявлении государственной воли, уголовная ответственность не может считаться установленной. Безусловно, такой подход опирается на требования принципа законности, поскольку напрямую связан с определенностью и предсказуемостью уголовно-правового запрета. Однако в своем решении Суд фактически делает выбор в пользу наиболее

---

⁹³ См., напр.: Российское уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. Г.А. Есакова. 2-е изд., испр. И доп. М. : Проспект, 2023. С. 32–33 (автор главы Г.А. Есаков).

⁹⁴ Головко Л.В. Принцип *in dubio pro duriore* и теория неустранимых сомнений, или О пользе изучения швейцарской уголовно-процессуальной доктрины // Закон. 2016. № 8. С. 78.

⁹⁵ См., напр.: Определение Конституционного Суда РФ от 30.11.2023 № 3259–О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фоминцева Дмитрия Валерьевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 292 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

благоприятного для граждан варианта регулирования отношений с государством. При этом свой выбор Суд также связывает с непреодолимостью возникших сомнений, поскольку последняя не должна устраниться путем обращения к тексту уголовного закона или с помощью осуществляемого судами толкования⁹⁶. Таким образом, Судом применяется принцип *in dubio pro reo* при толковании уголовного закона.

Указанные требования о четкости и определенности распространяются на все статьи уголовного закона, включая статьи, посвященные применению мер уголовно-правового характера, правилам назначения наказания и др., поскольку и в этих случаях уголовный закон также выступает в качестве крайнего средства реагирования в отношениях между гражданином и государством. Следовательно, подход, продемонстрированный Конституционным Судом, должен применяться в случае возникновения неустранимых сомнений при толковании любых положений Уголовного кодекса. Рассмотрим несколько примеров.

Буквальный анализ ч. 1 ст. 82 УК РФ не дает четкого понимания, о каких тяжких и особо тяжких преступлениях против личности идет речь при ограничении возможности отсрочить отбывание наказания для беременных женщин и родителей, имеющих ребенка в возрасте до 14 лет. С одной стороны, учитывая примечание к ст. 73 УК РФ «Условное осуждение», можно утверждать, что законодатель говорит о перечне преступлений, расположенных в одноименных главах и разделах УК РФ. В противном случае данный перечень был бы уточнен примечанием к ст. 82 УК РФ, как это сделано в ст. 73 УК РФ.

Кроме того, доктринальное толкование определяет, что «преступление против...» характеризует основной объект посягательства. При этом в той же ч. 1 ст. 82 УК РФ законодатель дополнительно указывает перечень преступлений террористической направленности, совершение которых также препятствует применению отсрочки отбывания наказания. Большинство из указанных преступлений, к примеру ст. 205 УК РФ «Террористический акт», также предусматривает посягательство на дополнительный объект в виде личности. Следовательно, законодателю не было бы необходимости повторно указывать данное преступление в ст. 82 УК РФ, если по его замыслу оно входит в перечень преступлений против личности.

---

⁹⁶ Там же.

С другой стороны, в целом ряде преступлений, например в составе разбоя (ст. 162 УК РФ) или посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ), личность выступает обязательным дополнительным объектом посягательства, которому наряду с основным объектом также причиняется вред – от умышленного легкого вреда здоровью до умышленного причинения смерти. Принцип справедливости (ст. 6 УК РФ) приводит к выводу о необходимости учета не места преступления в соответствующей главе Уголовного кодекса, а его направленности против личности как исключительно, так и в совокупности с другими объектами уголовно-правовой охраны. Кроме того, по той же логике необходимо учитывать и неосторожные преступления, совершение которых хоть и не направлено само по себе против личности, однако в результате также причиняет ей вред.

Примечательно, что аналогичный по существу вопрос вызвал затруднения и в правоприменительной практике. Так, одним из оснований увольнения педагогического работника согласно ст. 331 и 351¹ Трудового кодекса РФ⁹⁷ является, в том числе, совершение им преступления против жизни или здоровья. По одному из дел суд первой инстанции указал, что преступление, предусмотренное ст. 163 УК РФ «Вымогательство», является преступлением против собственности, а следовательно, не входит в перечень преступлений, установленных Трудовым кодексом в качестве оснований увольнения. В результате суд восстановил истца на работе. Вместе с тем Верховный Суд Республики Коми указал, что «несмотря на то, что преступление, ответственность за которое предусмотрена статьей 163 УК РФ, включено законодателем в главу 21 УК РФ [...], при наличии и установлении посягательства на дополнительный объект данного преступления в виде личной неприкосновенности и здоровья, что имело место в данном случае, оно содержит квалифицирующие признаки преступления против жизни и здоровья, которое является препятствием для осуществления педагогической деятельности»⁹⁸.

В отсутствие легальной дефиниции «преступление против личности», используемые способы толкования не позволяют прийти к однозначному ответу о предусмотренном законодателем регулировании. Однако правило толкования

⁹⁷ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

⁹⁸ Определение Верховного суда Республики Коми от 07.06.2012 по делу № 33-2069АП/2012г // СПС «Консультант Плюс».

неустранимых сомнений в пользу виновного приводит к выводу о необходимости ограничения указанного перечня преступлений исключительно разделом VII Уголовного кодекса, как выбора наиболее благоприятного для виновного подхода, что и нашло свое отражение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2023 г. № 47 «О практике применения судами законодательства об отсрочке отбывания наказания» (п. 7)⁹⁹.

Принцип толкования сомнений в пользу обвиняемого во многом нашел свое отражение в правилах квалификации преступлений и применяется в том числе на современном этапе. К примеру, предусматривая уголовную ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ), законодатель оставил без внимания случаи, при которых подобное деяние совершается матерью в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет. Строгое системное толкование приведет нас к выводу о необходимости квалификации указанных действий по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ «убийство малолетнего лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии», на что обращалось внимание в научной литературе¹⁰⁰. Однако, как известно, если лицо, совершившее общественно опасное деяние, не может нести ответственность в рамках привилегированного состава преступления, например в силу недостижения необходимого для этого возраста, то оно не может нести ответственность и за более тяжкое преступление (в данном случае – простое или квалифицированное убийство). Данное квалификационное правило, как представляется, выведено из принципа расширительного толкования «смягчающего закона».

Аналогичный подход применяется и при квалификации умышленного причинения легкого или средней тяжести вреда здоровью в рамках необходимой обороны или крайней необходимости. Так, существующая в научной литературе позиция, допускающая квалификацию указанных действий по общим нормам главы 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья» с учетом смягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ «совершение преступления при нарушении условий правомерности необходимой обороны...», по нашему мнению, справедливо не получила поддержки у правоприменителя, учитывавшего приведенный принцип толкования

---

⁹⁹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 2.

¹⁰⁰ Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа : монография. СПб. : Знание, 2000. С. 218.

привилегированных норм¹⁰¹. В частности, Верховный Суд отметил, что превышение пределов необходимой обороны будет считаться преступлением только в случае умышленного причинения тяжкого вреда здоровью виновного или смерти¹⁰².

Однако следует отметить, что в обратной ситуации (хоть и схожей по своему правовому смыслу) принцип ограничительного толкования усиливающих ответственность законов работает не всегда. Так, в случае убийства, совершенного в целях хищения наркотиков, ядерных материалов или оружия, правоприменителю необходимо решить вопрос о том, квалифицируется ли подобное убийство по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ как сопряженное с разбоем.

В отсутствие прямых разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, обращаясь к правоприменительной практике, можно заключить, что, разрешая конкретные уголовные дела, Верховный Суд дает положительный ответ на указанный вопрос¹⁰³. Однако разбой предусмотрен ст. 162 УК РФ и является преступлением против собственности. Ряд предметов преступлений, предусмотренных ст. 221, 226 и 229 УК РФ, например самостоятельно изготовленные наркотические средства, не могут представлять собой собственность, поскольку не имеют стоимости. В этой связи, каким бы способом ни совершалось их хищение, данное деяние не охватываются диспозицией ст. 162 УК РФ как общей нормой. Представляется, что принцип ограничительного толкования признаков состава преступления, усиливающих ответственность, должен исключать возможность квалификации убийства в подобных случаях как сопряженного с разбоем.

В завершение данного параграфа сформулируем следующие выводы.

Выделение системы общеправовых и специальных отраслевых принципов судебного толкования уголовного закона не представляется обоснованным, поскольку указанное не предопределяет содержательное наполнение процесса судебного толкования и его результатов. Требования данных принципов обращены к законодателю, который должен их учитывать при конструировании текста уголовного закона.

---

¹⁰¹ Курс уголовного права. Общая часть : учебник. Т. 1. Учение о преступлении / под ред.: Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М. : Зерцало, 2002. С. 289; Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния : монография. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. С. 94.

¹⁰² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023) // СПС «Консультант Плюс».

¹⁰³ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11.05.2023 № 44-УД23-7сп-А4 // СПС «Консультант Плюс».

В то же время представляется возможным выделить два принципа, которые могут быть использованы судами при толковании уголовного закона в случае обнаружения правового положения, не в полной мере определенного в уголовном законе и допускающего вариативность своего толкования, – это принцип законности и принцип *in dubio pro reo*.

Под принципом законности толкования уголовного закона понимается его подконституционность, которая выражается в том, что, если толкование судом положения Уголовного кодекса расходится с толкованием этого же положения Конституционным Судом РФ, то такое понимание не может считаться действительным смыслом уголовного закона и не должно использоваться в правоприменительной практике.

Принцип *in dubio pro reo* в своем материально-правовом содержании требует толкования всех неустранимых сомнений в положениях уголовного закона в пользу виновного лица, что вытекает из требования определенности, предъявляемого к формулировкам уголовно-правового запрета.

ГЛАВА 2. СПОСОБЫ И ОБЪЕМ ТОЛКОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

§ 1. Грамматический способ толкования уголовного закона

Несмотря на то, что в подавляющем большинстве работ по толкованию закона центральное место отводится раскрытию его способов, среди исследователей нет единства мнений о том, какие именно способы толкования следует выделять. Как отмечает Н.Ф. Кузнецова, в теории права называют до семи его видов¹⁰⁴.

Как правило, конкретные наименования и условные группы способов определяются авторским видением того или иного исследователя. Вместе с тем никто из авторов не отрицает лексического, морфологического или этимологического анализа слов, употребленных в тексте закона при толковании последнего. В этой связи грамматический способ толкования можно назвать классическим, применяемым всякий раз при толковании законодательных актов, в том числе Уголовного кодекса.

Советский ученый А.С. Шляпочников отмечал, что «научное познание истинного смысла любого закона, в том числе и уголовного, не может не строиться в первую очередь на тщательном изучении его словесной оболочки, то есть его текста, не опираться при этом на правила грамматики»¹⁰⁵.

В свою очередь М.Д. Шаргородский определял грамматическое толкование как «выяснение буквального содержания». Лицо, применяющее закон, по мнению названного автора, обязано исходить из того, что законодатель применяет слова и выражения, строит фразы и ставит знаки препинания в точном соответствии с общими правилами филологии и грамматики того языка, на котором данный законодательный акт написан и поэтому грамматическое толкование закона есть не что иное, как правильное буквальное восприятие его текста¹⁰⁶.

Таким образом, **грамматический способ** толкования представляет собой такой прием уяснения смысла уголовно-правового положения, который концентрируется на установлении значений используемых в тексте слов, знаков препинания и учете правил морфологии.

Рассмотрим его основные требования, выработанные в правовой доктрине:

¹⁰⁴ Кузнецова Н.Ф. Указ. соч. С. 90.

¹⁰⁵ Шляпочников А.С. Указ. соч. С. 155.

¹⁰⁶ Шаргородский М.Д. Указ. соч. С. 305.

- по общему правилу все используемые в тексте слова и выражения должны пониматься согласно их общепринятыму значению с учетом времени издания нормативного правового акта;
- используемые слова и выражения не могут считаться излишними (то есть все употребляемые слова в том или ином положении закона должны уточнять и конкретизировать его смысл);
- значение, определяемое в законодательной дефиниции имеет приоритет перед другими значениями термина;
- определенный для целей иного отраслевого законодательства специальный термин не должен пониматься аналогично в рамках уголовного законодательства без достаточных на то оснований;
- если прямо не предусмотрено иное, один термин не должен иметь разные значения, как и одно и то же значение не должно обозначаться разными терминами;
- при отсутствии разъяснения специального юридического термина в соответствующем законе для его раскрытия следует обратиться к юридической науке и к практике¹⁰⁷.

Вместе с тем большинство из указанных правил, относящихся к грамматическому толкованию, может преодолеваться в судебных решениях, путем указания на общий смысл уголовного закона. Например, практика судебного толкования не всегда ориентируется на приоритет законодательных дефиниций.

Так, законодательное определение термина «хищение» (примечание 1 к ст. 158 УК РФ) содержит указание на то, что «под хищением *в статьях настоящего Кодекса* понимаются [...]. При этом термин «хищение» употребляется законодателем в целом ряде статей Уголовного кодекса, предусматривающих ответственность за посягательства на иные объекты уголовно-правовой охраны, нежели отношения собственности, например при хищении либо вымогательстве ядерных материалов или радиоактивных веществ (ст. 221 УК РФ), хищении либо вымогательстве оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 226 УК РФ), хищении либо вымогательстве наркотических средств или психотропных веществ, а также растений,

---

¹⁰⁷ См., напр.: Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М. : Госюриздан, 1960. С. 365–375; Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. М. : Госюриздан, 1962. С. 57–75; Васьковский Е.В. Указ. соч. С. 43–49; Черданцев А.Ф. Указ. соч. С. 93–96.

содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ст. 229 УК РФ). Хищение может выступать самостоятельным последствием другого преступления, а кроме того законодатель в ряде случаев говорит о «похищении».

Вместе с тем квалификация хищения предметов преступлений, предусмотренных ст. 221, 226 и 229 УК РФ, сопряжена с трудностями в определении такого обязательного признака любого хищения, как размер ущерба, поскольку похищаемые предметы могут быть изъяты из оборота или не иметь экономической стоимости как таковой. Однако данное обстоятельство не является препятствием для судов при принятии ими соответствующих решений, например в рамках уголовных дел о хищении наркотических средств¹⁰⁸. Так, в одном из решений суд указал, что «по делам о хищении наркотических средств законодатель не предусмотрел установление собственника наркотических средств, поскольку потерпевшим оно не признается», в связи с чем судом были отклонены все доводы стороны защиты об отсутствии состава преступления, предусматривающего ответственность за хищение наркотических средств, по причине отсутствия признаков, предусмотренных примечанием 1 к ст. 158 УК РФ, в действиях виновного¹⁰⁹.

Подобный подход иногда называют примером ограничительного толкования, поскольку, по мнению отдельных ученых, фразу «в статьях настоящего Кодекса» следует понимать как «в статьях настоящей главы»¹¹⁰. Однако с этим трудно согласиться. По нашему мнению, в данном случае суды отступают от буквы закона, поскольку иным путем нельзя изменить смысл: «статьи настоящего Кодекса» на «статьи только одной главы Кодекса».

Следует также отметить, что в ряде случаев суды разграничивают между собой деяния, предусмотренные ст. 228 УК РФ «Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей,

---

¹⁰⁸ См., напр.: Приговор Сампурского районного суда Тамбовской области от 28.02.2019 по делу № 1-35/2018 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁰⁹ Приговор Невьянского городского суда Свердловской области от 27.07.2023 по делу № 1-103/2023 // СПС «Консультант Плюс»

¹¹⁰ Уголовное право. Общая часть : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М. : Юридическая фирма «КОНТРАКТ», ИНФРА-М, 2008. С. 29.

содержащих наркотические средства или психотропные вещества» и 229 УК РФ, именно в связи с отсутствием в материалах уголовного дела сведений о собственнике наркотических средств, которому причинен ущерб¹¹¹. Однако в данных решениях суды делают акцент не на самом ущербе (и его размере) как признаке хищения, а на противоправности изъятия наркотика вопреки воле собственника.

Как представляется, общественная опасность указанных преступлений состоит в незаконном обороте общеопасных предметов, стоимостная характеристика которых не имеет определяющего значения. Примечательно, что в ст. 221 и 226 УК РФ законодатель даже не предусмотрел размерного признака состава преступления, а в рамках ст. 229 УК РФ он определен массой наркотического средства и других указанных в статье предметов преступления. Иными словами, экономическая характеристика предмета хищения выведена законодателем из конструкции соответствующих составов преступлений, что дополнительно смещает акцент с экономического ущерба на сам факт незаконного оборота таких предметов.

В этой связи использование в диспозиции рассматриваемых статей выражения «незаконное изъятие и (или) обращение» вместо термина «хищение» разрешило бы указанную проблему, как и проблему определения момента окончания данных преступлений, которое судебная практика не связывает с получением возможности распорядиться похищенным. Однако в настоящее время, поскольку законодатель использует конкретный термин «хищение» в статьях о преступлениях, состоящих в незаконном обороте общеопасных предметов, мы вынуждены констатировать, что суды, вкладывая иной смысл в этот термин, отходят от буквы закона.

Диаметрально противоположная практика сложилась в отношении термина «должностное лицо», определение которого содержится в примечании 1 к ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями». Несмотря на прямое указание законодателя о распространении этого определения лишь на главу 30 УК РФ, применительно, например к преступлениям в сфере экономической деятельности (ст. 169 УК РФ «Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности» и ст. 170 УК РФ «Регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом»), должностное лицо определяется судами исключительно путем ссылки

---

¹¹¹ См., напр.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.10.2024 по делу № 89-УД24-10-К7 // СПС «Консультант Плюс».

на примечание 1 к ст. 285 УК РФ¹¹². При этом в решениях не содержится никаких указаний на то, что данное положение толкуется по аналогии или иным образом.

Отход от законодательной дефиниции можно обнаружить и в отношении одного из двух центральных понятий всего уголовного права – понятия преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 14 УК РФ. Так, в диспозиции ч. 1 ст. 174¹ УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления» прямо предусмотрен запрет на совершение финансовых операций с имуществом, полученным в результате совершения *преступления*. Вместе с тем Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» разъяснил, что применительно к ст. 174 и 174¹ УК РФ преступный источник происхождения имущества может определяться не только вступившим в законную силу обвинительным приговором суда за совершение предикатного преступления, но и постановлением органа предварительного расследования о приостановлении расследования уголовного дела в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого (п. 4)¹¹³. Подобное указание, как представляется, подменяет установление факта совершения преступления констатацией лишь одного общественно опасного деяния.

Оставляя за рамками вопросы доказывания, отметим, что понятие преступления имеет материально-правовую природу. В отсутствие специальных законодательных уточнений оно должно пониматься во всем Уголовном кодексе в соответствии с определением, представленным в ст. 14 УК РФ. Следовательно, для констатации преступления необходимо наличие, как минимум, виновности, то есть психического отношения субъекта преступления к совершенному общественно опасному деянию. Говорить о предикатном преступлении крайне сложно, если предварительное расследование по уголовному делу приостанавливается в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, что означает как отсутствие субъекта преступления, так и неустановление признаков его виновности.

---

¹¹² См., напр.: Приговор Саровского городского суда Нижегородской области от 01.06.2023 по делу № 1-13/2023 (1-175/2022); Приговор Ленинского районного суда города Смоленска от 27.02.2019 по делу № 1-7/2019 // СПС «Консультант Плюс».

¹¹³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

Прекращение уголовного дела в связи с недостижением лицом возраста уголовной ответственности, согласно позиции Верховного Суда, также не препятствует констатации факта преступного происхождения имущества, несмотря на то, что подобное «предикатное деяние», в силу ст. 20 УК РФ, не может считаться преступлением¹¹⁴.

Таким образом, под термином «преступление» в ч. 1 ст. 174¹ УК РФ судебная практика фактически понимает общественно опасное деяние, что нельзя признать допустимым с точки зрения грамматического толкования уголовного закона. Подобное расширение объема уголовно-правовой нормы должно происходить исключительно путем законодательных изменений.

Используемые в тексте уголовного закона слова с точки зрения судебной практики могут оказаться фактически «излишними».

Анализ ст. 242 УК РФ «Незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов» позволяет прийти к выводу о том, что указание на незаконность действий лишено какого-либо правового содержания. Бланкетный, на первый взгляд, признак не отсылает к каким-либо правилам и не отграничивает незаконный режим оборота порнографической продукции от законного, ввиду отсутствия последнего в правовом поле.

В своем Определении от 29 января 2009 г. № 41 Конституционный Суд РФ указал, что ст. 242 УК РФ не содержит в себе неопределенность уголовно-правового запрета, поскольку прямо определяет, какие действия составляют объективную сторону предусмотренного данной статьей преступления, а также указывает на наличие прямого умысла как обязательного условия привлечения правонарушителя к ответственности¹¹⁵. При этом Суд воздержался от анализа всех признаков состава преступления, предусмотренных в ст. 242 УК РФ, несмотря на то, что в жалобе заявителя прямо указывалось на отсутствие правовой определенности в связи с наличием в диспозиции статьи признака «незаконности» оборота предметов преступления¹¹⁶.

---

¹¹⁴ Более того, недостижение лицом возраста уголовной ответственности, в силу прямого указания ч. 3 ст. 27 УПК РФ, также является основанием для прекращения уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления, что дополнительно подчеркивает невозможность квалификации дальнейших действий с полученным имуществом по ст. 174¹ УК РФ.

¹¹⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 29.01.2009 № 41-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Капцуговича Севастьяна Игоревича на нарушение его конституционных прав статьей 242 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

¹¹⁶ Нельзя при этом не отметить некоторую непоследовательность Конституционного Суда РФ, поскольку через два года в Постановлении от 31.03.2011 г. № 3-П Суд определит, что «[...] само по себе употребление в диспозиции ч. 3 ст. 138 УК РФ термина «незаконные» [...] свидетельствует о том, что регулятивные нормы [...]

Таким образом, слово «незаконные» в диспозиции ч. 1 ст. 242 УК РФ оказалось фактически лишенным своего содержания и в этом смысле может считаться излишним¹¹⁷. Примечательно, что будучи главным консультантом Управления конституционных основ уголовной юстиции Конституционного Суда России, А.В. Елинский в своем исследовании подтвердил данный вывод, указав, что в Российской Федерации отсутствуют официально опубликованные нормативные правовые акты, которые бы регламентировали, какая деятельность, связанная с распространением порнографических материалов или предметов, является законной¹¹⁸. В связи с этим данный признак целесообразно исключить из названия и диспозиции ст. 242 УК РФ.

Правило о единообразном понимании терминов также не абсолютно. Данное правило в первую очередь адресовано законодателю, на что неоднократно указывалось в правовой доктрине¹¹⁹. Если из текста самого нормативного правового акта не следует различный смысл одного и того же термина, оснований для подобного вывода со стороны правоприменителя, как представляется, быть не должно. Однако судебная практика демонстрирует иной подход.

В частности, термин «сбыт» используется в ст. 175 УК РФ «Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем», ст. 186 УК РФ «Изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг», ст. 222 УК РФ «Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов», ст. 228¹ УК РФ «Незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих

содержатся в других федеральных законах и иных нормативных правовых актах, которыми наполняется содержание данной нормы уголовного закона и в системном единстве с которыми, а также с учетом смежных составов административных правонарушений она подлежит применению».

¹¹⁷ При этом необходимо учитывать, что в отдельных случаях использование порнографических материалов является допустимым и законным, в частности в рамках экспертной или криминалистической деятельности. Однако в связи с наличием в указанных случаях специальной цели, подобное использование трудно признать «оборотом», о котором говорится в ст. 242 УК РФ в виде распространения, публичной демонстрации или рекламирования.

¹¹⁸ Елинский А.В. Уголовное право в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. М. : Волтерс Кluver, 2011. С. 201.

¹¹⁹ См., напр.: Кондрашова Т.В. К вопросу об единстве терминологии в уголовном законодательстве и праве // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского: Власть и право. 2003. Вып. 2 (7). С. 322; Милославская Д. Трудности семантической интерпретации юридического текста // Российская юстиция. 2000. № 3. С. 45.

наркотические средства или психотропные вещества», ст. 324 УК РФ «Приобретение или сбыт официальных документов и государственных наград».

В одном случае под сбытом понимается *физическая передача (отчуждение)* предмета преступления одним лицом другому. Так, Пленум Верховного Суда, раскрывая данный термин, указывает, что сбыт это:

– нарушающие установленный порядок действия лица по передаче этих предметов (официальных документов и государственных наград – прим. А.Л.) другим лицам возмездно или безвозмездно (абз. 3 п. 5 постановления от 17 декабря 2020 г. № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324–327¹ Уголовного кодекса Российской Федерации»¹²⁰;

– любая форма возмездного или безвозмездного получения или передачи имущества, заведомо добывшего преступным путем (п. 16 постановления от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добывшего преступным путем»¹²¹;

– безвозвратное (в отличие от незаконной передачи) отчуждение другому лицу (приобретателю) в результате совершения какой-либо противоправной сделки (возмездной или безвозмездной), т.е. продажа, дарение, обмен и т.п. (абз. 10 п. 11 постановления от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»¹²².

В другом случае сбыт понимается как *введение в оборот* предмета преступления. Так, согласно п. 5 постановления от 28 апреля 1994 г. № 2 «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг», сбыт поддельных денег или ценных бумаг состоит в использовании их в качестве средства платежа при оплате товаров и услуг, размене, дарении, даче взаймы, продаже и т.п.¹²³.

В третьем случае сбытом признается незаконная *деятельность, направленная на возмездную или безвозмездную реализацию* (продажа, дарение, обмен, уплата долга, дача взаймы и др.) предмета преступления другому лицу. Данное понимание сбыта

---

¹²⁰ Российская газета. 2020. 30 декабря.

¹²¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

¹²² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 5.

¹²³ Российская газета. 1994. 14 июля.

приведено Пленумом в п. 13 постановления от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (редакция от 30 июня 2015 г.)¹²⁴.

Каждый из подходов серьезным образом влияет как на определение объема объективной стороны состава преступления, так и на момент его юридического окончания. Однако законодательные основания для подобных различий отсутствуют. Если в отношении фальшивомонетничества подобный подход оправдан видовым объектом преступления и подобный вывод следует из контекста, в котором употреблен данный термин, поскольку кредитно-денежной системе Российской Федерации не причиняется никакого вреда до тех пор, пока поддельный денежный знак не начнет замещать собой настоящие денежные средства, то применительно к сбыту наркотических средств и психотропных веществ вышеуказанное понимание сбыта можно объяснить только уголовно-политическими причинами, побудившими Верховный Суд сформулировать соответствующее разъяснение.

Термин «деяние» в разных статьях Уголовного кодекса может означать указание: 1) на все признаки состава преступления; 2) только на его объективную сторону; 3) только на общественно опасное действие или бездействие лица; 4) на поведение, запрещенное иной отраслью права, то есть не являющееся уголовно-противоправным.

Различное понимание одного и того же термина можно обнаружить даже в рамках одной статьи. Так, ст. 285 УК РФ предусматривает «использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это *действие* совершено [...].» Таким образом, термин «действие» характеризует только действие или бездействие должностного лица. Указание на «*то же действие*» в части второй данной статьи, в отсутствие какой-либо законодательной конкретизации, также должно отсылать лишь к использованию полномочий. Однако в действительности подобная отсылка охватывает и предусмотренные законом мотивы и указанные в части первой статьи общественно опасные последствия в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, т.е. охватывает состав преступления в целом.

---

¹²⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

В то же время в ч. 3 и 4 ст. 263¹ УК РФ «Нарушение требований в области транспортной безопасности» термин «деяние» применительно к группе лиц по предварительному сговору и организованной группе охватывает само по себе нарушение специальных требований, которое в отсутствие криминообразующих признаков не влечет уголовную ответственность.

На данную терминологическую небрежность обращала внимание Н.Ф. Кузнецова и предлагала рассматривать деяние как действие или бездействие и общественно опасные последствия. При необходимости указания только на действие или бездействие следует употреблять формулировку «то же нарушение»¹²⁵. Соглашаясь с указанным предложением, укажем, что данный подход следует расширить и охватить термином «деяние» не только объективную сторону состава преступления, включающую общественно опасные последствия, но и состав преступления в целом, содержащий соответствующие субъективные признаки. Такое решение позволит исключить приведенное выше противоречие.

Термин «сопряженность» употребляется в Уголовном кодексе более пятидесяти раз и в подавляющем большинстве случаев сопряженность означает некое неотъемлемое свойство самого деяния или же органическое единство двух элементов друг с другом. Например, сопряженность общественно опасного посягательства с насилием, опасным для жизни обронающегося или другого лица, применительно к институту необходимой обороны (ст. 37 УК РФ) характеризует само посягательство в момент его совершения. Сопряженность незаконной банковской деятельности с тем или иным размером дохода (ст. 172 УК РФ) говорит о том, что этот доход составляет суть самой банковской деятельности.

Однако при сопряженности убийства с похищением человека, изнасилованием или совершением насильственных действий сексуального характера Пленум Верховного Суда истолковал данный термин как предусматривающий органическое единство указанных преступлений во времени, так и допускающий их связь лишь через специальные цели или мотивы. Согласно постановлению от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» под убийством, сопряженным с изнасилованием или насильственными действиями сексуального

---

¹²⁵ Кузнецова Н.Ф. Указ. соч. С. 93.

характера, следует понимать убийство в процессе совершения указанных преступлений или с целью их сокрытия, а также совершенное, например, по мотивам мести за оказанное сопротивление при совершении этих преступлений (абз. 2 п. 13)¹²⁶. Тем самым Пленум допустил возможность совершения сопряженных преступлений с разницей, например в десятки лет после убийства, что отмечается и в специальной литературе¹²⁷. Подобное решение нарушило единство понимания термина не только в рамках системы уголовного законодательства, но даже в рамках одной статьи Уголовного кодекса, поскольку сопряженность с разбоем, вымогательством или бандитизмом определяется тем же постановлением Пленума как совершение убийства только *в процессе* совершения указанных преступлений (абз 3 п. 11).

Не имея возможности подробнее остановиться на конструкции сопряженности одного преступления с другим и уголовно-политической обоснованности усиления ответственности за одно преступление в связи с совершением другого преступления, отметим, что непоследовательность в определении одного и того же термина с точки зрения грамматического толкования не может быть поддержана. Учитывая смысл, который использует законодатель, употребляя данный термин в других статьях уголовного закона, сопряженность в рамках п. «в» и п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ должна пониматься как совершение убийства *в процессе* совершения соответствующих преступлений.

Правило, согласно которому два различных термина не могут означать одно и то же, также может преодолеваться судебной практикой.

Ввиду отсутствия в диспозициях норм ст. 134 УК РФ «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» указания на совершение иных действий сексуального характера, помимо мужеложства и лесбиянства, в отношении лиц, достигших двенадцатилетнего возраста, но не достигших шестнадцатилетнего возраста, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» приравнял данные действия к развратным в рамках ст. 135 УК РФ (п. 17)¹²⁸. Таким

¹²⁶ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.

¹²⁷ Лопашенко Н.А. Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика : монография. М. : Юрлитинформ, 2018. С. 340.

¹²⁸ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 2.

образом, как «иные действия сексуального характера», так и «развратные действия» – оба термина в равной степени охватывают, к примеру, добровольное совершение мужчиной полового акта *per anum* с девушкой, не достигшей шестнадцатилетнего возраста¹²⁹.

Исправлению ошибки могло бы способствовать указание на «иные действия сексуального характера» (помимо мужеложства и лесбиянства) в рамках ч. 2 ст. 134 УК РФ, либо в ч. 1 ст. 135 УК РФ наряду с развратными действиями. На данный момент, исходя из грамматического толкования приведенных положений, рассматриваемые действия *уголовно ненаказуемы*, что, конечно, не соответствует уголовно-правовой охране половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Необходимо отметить, что изложенные правила грамматического толкования о единстве термина и его значения «проверяются на прочность» в основном с помощью сравнения как минимум двух различных положений уголовного закона, а следовательно, путем системного толкования. Однако и в рамках сугубо грамматического анализа можно обнаружить ряд отступлений от указанных правил.

К примеру, суды допускают отступление от смысла общеупотребительных слов при толковании уголовного закона.

Так, базовое знание правил русского языка позволяет интерпретатору понять объем условий, наличие которых норма связывает с тем или иным уголовно-правовым последствием. В частности, используя логические правила дизъюнкции и конъюнкции посредством союзов «или», «и», интерпретатор понимает, альтернативны ли условия, предусмотренные законом, или они должны существовать в совокупности.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что союз «или» может означать как строгую дизъюнцию, имеющую исключающе-разделительное значение (либо одно, либо второе), так и нестрогую дизъюнцию, имеющую соединительно-разделительное значение (либо одно, либо второе, либо все сразу)¹³⁰. При этом оба смысла могут обозначаться

---

¹²⁹ Следует уточнить, что добавление признака насилия не может свидетельствовать о самостоятельности рассматриваемых деяний, поскольку в данном случае оно не меняет свою характеристику. Насилие как способ совершения объективной стороны преступления лишь определяет или усиливает общественную опасность деяния, но не меняет саму суть совершаемых действий. Так, половое сношение, мужеложство и лесбиянство сохраняют свою содержательную природу как в рамках ст. 134, так и в ст. 131, 132 УК РФ.

¹³⁰ Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика : учебник для юридических вузов. 6-е изд., перераб. и доп. М. : ТК Велби, Из-во Проспект, 2008. С. 80.

союзом «или», что затрудняет определение содержания того или иного правила с помощью грамматического толкования уголовного закона.

Лишь в некоторых случаях можно с уверенностью утверждать, что законодатель использует союз «или» с целью разделения явлений между собой, а именно, в случае употребления в тексте закона связки «и/(или)». К примеру, формулировка ст. 230¹ УК РФ «Склонение спортсмена к использованию субстанций *и (или)* методов, запрещенных для использования в спорте» позволяет утверждать, что употребление союза «или» в соединительно-разделительном значении исключает необходимость дополнительного употребления союза «и», поскольку нестрогая дизъюнкция охватывает случаи соединения элементов друг с другом (в данном случае субстанций и методов, запрещенных для использования в спорте). Однако законодатель употребил два союза, следовательно, союз «или» имеет лишь исключающе-разделительное значение. Опираясь на изложенное, можно было бы предположить, что союз «или» в рамках Уголовного кодекса должен толковаться через строгую дизъюнкцию, однако данный вывод не столь однозначен.

К примеру, ст. 24 УК РФ «Формы вины» определяет, что преступное деяние совершается умышленно или по неосторожности. В данном случае применительно к конкретному преступлению правоприменителю необходимо выбрать один из двух вариантов формы вины и исключить второй. Иными словами, законодатель использует строгую дизъюнкцию. Вместе с тем ст. 163 УК РФ «Вымогательство» предполагает возможность для виновного угрожать одновременно как применением насилия, так уничтожением чужого имущества, так и распространением порочащих потерпевшего сведений. В данном случае употребленный в диспозиции статьи союз «или» означает нестрогую дизъюнкцию.

В контексте обсуждаемой проблемы представляет интерес приговор Ленинского районного суда Нижнего Новгорода, в котором суд указал, что «употребление законодателем в диспозиции данной нормы (ст. 161 УК РФ) разделительного союза «или» фактически идентично употреблению соединительного союза «и», в том смысле, что применяемое при грабеже насилие должно быть не опасным ни для жизни, ни для здоровья»¹³¹.

---

¹³¹ Приговор Ленинского районного суда города Нижнего Новгорода от 26.02.2024 по делу № 1-50/2024 // СПС «Консультант Плюс».

В то же время Верховный Суд Республики Башкортостан в своем решении отметил: «Учитывая, что диспозиция ст. 162 УК РФ подразумевает альтернативу, законодатель указывает, что насилие при разбое может быть опасным для жизни или здоровья, в связи с чем необходимо было выбрать один признак»¹³².

Оба решения представляются верными и обоснованными. Однако в первом случае союз «или» выполнял соединительную функцию, а во втором исключающую. По всей видимости, одних лишь грамматических правил толкования уголовного закона оказывается недостаточно для понимания значения, в котором употребляется данный союз в конкретном положении уголовного закона.

Вместе с тем противоречия можно обнаружить и при толковании союза «и», который имеет единственное значение, объединяющее элементы между собой в рамках конъюнкции. Так, О.В. Зуга в своей работе приводит несколько примеров, в которых соединительный союз «и» толкуется в качестве разделительного союза «или», в частности при толковании ч. 2 ст. 30 УК РФ и ст. 64 УК РФ¹³³.

Действительно, использование соединительного союза «и» в ч. 2 ст. 30 УК РФ («уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям») должно, строго говоря, приводить к выводу о том, что уголовная ответственность может наступать только в случае, если лицо готовится сразу к двум преступлениям: как к тяжкому, так и к особо тяжкому. Отсутствие одного из элементов должно исключать уголовную ответственность за приготовление. Однако на практике норма, предусмотренная ч. 2 ст. 30 УК РФ, как известно, толкуется через дизъюнкцию.

Аналогичная ситуация складывается в отношении положений ст. 64 УК РФ «Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление», которые в своем буквальном прочтении требуют наличия и исключительных обстоятельств и других обстоятельств, снижающих общественную опасность преступления. Вместе с тем в действующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации

¹³² Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 05.05.2016 по делу № 22-4263/2016 // СПС «Консультант Плюс».

¹³³ См. Зуга О.В. Проблемы восприятия и интерпретации сочинительных конструкций с союзами и, или в законодательных актах Российской Федерации // Политическая лингвистика. 2020. № 3 (81). С. 189–197.

уголовного наказания» разъясняется, что основанием применения ст. 64 УК РФ являются лишь исключительные обстоятельства (п. 40)¹³⁴.

Положения ст. 75 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием», ст. 76 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим» и ст. 76² УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа» устанавливают, что условием освобождения лица от уголовной ответственности является, в том числе то, что *это лицо* возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред.

Так, в ст. 75 УК РФ указано, что «лицо, [...] может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления добровольно явилось с повинной [...] возместило ущерб...». В ст. 76 и 76² УК РФ законодатель указывает на то, что лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, должно возместить ущерб, используя личное местоимение «оно».

Не вызывающее, на первый взгляд, разнотений положение закона было приведено в приговоре Кировского районного суда г. Ярославля, в котором суд указал, что: « [...] исходя из грамматического толкования приведенных выше норм, ущерб должен быть возмещен лицом, обвиняемым в совершении преступления [...], похищенная золотая цепь была возвращена потерпевшему в результате действий сотрудников органа внутренних дел, которые изъяли названный предмет хищения из ломбарда»¹³⁵. На этом основании суд отказал обвиняемому в назначении судебного штрафа.

Вместе с тем Пленум Верховного Суда в постановлении от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» рекомендует судам учитывать, что «возмещение ущерба и (или) заглаживание вреда (статьи 75–76² УК РФ) могут быть произведены не только лицом, совершившим преступление, но и по его просьбе (с его согласия) другими лицами» (п. 3)¹³⁶.

¹³⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

¹³⁵ Приговор Кировского районного суда города Ярославля от 16.08.2023 по делу № 1-204/2023 // СПС «Консультант Плюс».

¹³⁶ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

Такое разъяснение прямо противоречит букве уголовного закона и, на наш взгляд, не должно применяться судами нижестоящих инстанций в силу безусловной приоритетности закона¹³⁷.

Анализ правоприменительной практики показывает, что в ходе судебного толкования общеупотребительное слово может приобрести черты специального отраслевого термина, что, в свою очередь, видоизменит его объем для целей уголовного закона.

Так, ст. 158 УК РФ «Кражा» определяет кражу как тайное хищение чужого имущества. «Тайный», согласно толковым словарям, значит скрытый, неизвестный¹³⁸. Однако Пленум Верховного Суда в постановлении от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» отметил, что тайность сохраняется в том числе тогда, когда при краже присутствует близкий родственник виновного, а последний «рассчитывает в связи с этим на то, что в ходе изъятия имущества он не встретит противодействия со стороны указанного лица» (п. 4)¹³⁹. Вместе с тем данное лицо не является соучастниками кражи. Иными словами, хищение происходит в присутствии свидетеля, и виновный об этом знает, однако оно все же остается кражей.

В качестве обоснования такой позиции Пленум указывает, что виновный, совершая подобным образом хищение, рассчитывает, что он не встретит сопротивления со стороны близкого родственника. Однако непонятно, почему, используя данный принцип, Пленум ограничил круг возможных лиц лишь близкими родственниками. Ведь кража может совершаться в присутствии невесты или жениха, сожителя, родственника, не являющегося близким, и др. Неясно, являются ли в таком случае незаконными приговоры судов, согласно которым виновные осуществляли кражу в присутствии своих друзей, которые также не противодействовали хищению. При этом, как утверждается на страницах научной печати, в судебной практике таких дел немало¹⁴⁰.

Представляется, что при наличии достаточно конкретного и определенного термина в его буквальном толковании Пленум неоправданно усложнил понимание текста

¹³⁷ Вопрос фактического влияния правовых позиций Верховного Суда РФ будет рассмотрен в третьей главе настоящего диссертационного исследования.

¹³⁸ См., напр.: Толковый словарь Ожегова : Словари и энциклопедии gufo.me // URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D1%82%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D1%8B%D0%B9> (дата обращения 21.03.2025).

¹³⁹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.

¹⁴⁰ Полный курс уголовного права. В 5-ти томах. Т. 3. Преступления в сфере экономики. / под ред. А.И. Коробеева. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008. С. 115–116.

закона и довольно произвольно определил круг лиц, которые, по его мнению, не будут оказывать противодействие похитителю.

Кроме того, хищение останется тайным, даже в случае его обнаружения третьими лицами, которые не препятствуют совершающему хищению. Как указывает Пленум, «когда указанные лица видели, что совершается хищение, однако виновный, исходя из окружающей обстановки, полагал, что действует тайно, содеянное также является тайным хищением чужого имущества» (п. 2). Иными словами, хищение в действительности не является тайным, а объективный по своей сути признак начинается опираться на субъективное восприятие самого виновного, что также не соответствует общеупотребительному смыслу слова «тайный».

Отдельно следует остановиться на практике толкования признака «безвозмездность», присущего любой форме хищения (примечание 1 к ст. 158 УК РФ). Согласно общеупотребительному значению данного понятия, безвозмездность представляет собой «бесплатность, неоплачиваемость»¹⁴¹. О безвозмездности можно говорить в том случае, когда отсутствует какое-либо встречное возмещение.

После появления данного признака в законодательстве (в рамках примечания к ст. 144 УК РСФСР 1960 г.¹⁴²) судебная практика не испытывала особых трудностей в понимании безвозмездности, толкуя ее в указанном общеупотребительном смысле. Показательно, что в постановлении Пленума Верховного Суда СССР 1972 г. «О судебной практике по делам о хищении государственного и общественного имущества» безвозмездность, хотя и упоминалась как обязательный признак хищения, но не раскрывалась¹⁴³. Однако, начиная с 1974 г., Верховный Суд СССР указал, что «безвозмездность будет иметь место и тогда, когда налицо неадекватное возмещение причиненного ущерба собственнику»¹⁴⁴. «Неадекватность возмещения» можно было понимать как абсолютную несопоставимость похищаемого имущества и передаваемого взамен возмещения по своей стоимости. Позднее постановлением Пленума Верховного

¹⁴¹ См., напр.: Толковый словарь Ожегова : Словари и энциклопедии [gufo.me](https://gufo.me/dict/ozhegov/)
// URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D0%B1%D0%B5%D0%B7%D0%B2%D0%BE%D0%B7%D0%BC%D0%B5%D0%B7%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D0%B9> (дата обращения 21.03.2025).

¹⁴² Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

¹⁴³ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1973. М., 1974.

¹⁴⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1974. № 4.

Суда СССР 1981 г. высшая судебная инстанция СССР распространила данный подход на квалификацию других форм хищения – присвоения и растраты¹⁴⁵.

В настоящее время в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» также содержится указание на то, что безвозмездность наличествует и тогда, когда хищение имущества происходит с одновременной заменой его *менее ценным*, что влечет за собой учет всей суммы изъятого имущества при определении размера похищенного (абз. 2 п. 30)¹⁴⁶.

В новейшей истории уже предпринимались попытки оспорить подобный подход с помощью конституционного нормоконтроля. В этой связи следует отметить Определение Конституционного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 1037-О-О, в котором Суд фактически воздержался от анализа положений примечания 1 к ст. 158 УК РФ в части определения признака безвозмездности хищения при неэквивалентности встречного возмещения¹⁴⁷. Суд указал, что проверка законности и обоснованности правоприменительных решений связана с установлением фактических обстоятельств дела и констатировал отсутствие у себя компетенции для решения данного вопроса.

Вопреки приведенной позиции, представляется, что затронутая проблема, а именно: толкование «общеупотребительного» слова противоположно его функциональному экономическому смыслу, создает правовую неопределенность и снижает гарантии принципа законности.

В Особом мнении судьи Конституционного Суда РФ А.Л. Кононова к указанному Определению справедливо отмечается: «В результате явно недостаточной определенности терминологии уголовного закона понятие безвозмездности в правоприменительной практике толкуется вопреки его очевидному смыслу [...]. Такое толкование придало норме еще меньшую определенность, поскольку включает многие другие не вполне ясные для квалификации деяния понятия [...]. Оспариваемые нормы уголовного закона, в силу своей неопределенности, создают реальную опасность их произвольного применения».

---

¹⁴⁵ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1982. № 1.

¹⁴⁶ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

¹⁴⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 02.07.2009 № 1037-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ходорковского Михаила Борисовича на нарушение его конституционных прав статьей 160 и примечанием 1 к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

Изложенное судьей А.Л. Кононовым мнение за шестнадцать лет не потеряло своей актуальности, поскольку в результате отхода от общеупотребительного смысла слова и его наполнения оценочным значением в отсутствие легальной дефиниции, судебная практика сформировала по меньшей мере три подхода к пониманию меньшей ценности и, следовательно, безвозмездности как признака хищения¹⁴⁸.

В рамках первого подхода под меньшей ценностью понимается меньшая *стоимость* представленного взамен имущества, услуг или работ. Так, Красногорский городской суд Московской области в своем приговоре прямо указал, что «вменению в качестве ущерба (следовательно, и оценке в качестве предмета преступления – А.Л.) подлежит вся сумма перечисленного аванса, поскольку она была заменена «менее ценным имуществом, [...] *стоимость которого значительно менее ценная*, чем особо крупный размер хищения выделенных на строительство бюджетных средств»¹⁴⁹.

В другом подходе представлено прямо противоположное мнение. Показательна позиция Второго кассационного суда общей юрисдикции, согласно которой «менее ценное имущество не связано с определением его стоимостного исчисления и определения соотношения стоимости поставленного и непоставленного технологического оборудования»¹⁵⁰. Суд определил меньшую ценность через непригодность использования поставленного оборудования заказчиком и полным его несоответствием условиям технического задания, а также целям проекта.

Однако и этот подход не абсолютен в своем содержании. Даже в случаях, когда суды приходили к выводу о полном соответствии альтернативного возмещения предъявляемым условиям, обвинение в хищении все равно находило свое отражение в приговоре. Примечательно, что сумма ущерба в таком случае определялась как разница между стоимостью требуемого и фактически поставленного имущества¹⁵¹.

Парадоксально, но указание на непригодность встречного возмещения также не наполнило данный признак конкретным содержанием, а лишь продолжило

---

¹⁴⁸ См. подробнее: Ленюский А.А. Замена похищенного имущества менее ценным: подходы судов // Уголовное право. 2025. № 1. С. 51–60.

¹⁴⁹ Приговор Красногорского городского суда Московской области от 05.07.2022 по делу № 1–4/2022 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁵⁰ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 05.10.2022 по делу № 77–3085/2022 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁵¹ См., напр.: Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 25.04.2023 по делу № 22–2791/2023; Апелляционное определение Омского областного суда от 02.02.2022 по делу № 22–27/2022 // СПС «Консультант Плюс».

неопределенную цепочку: «безвозмездность – меньшая ценность – непригодность», вынуждая правоприменителя искать ответы самостоятельно. В частности, потребовались решения для случаев частичной и полной непригодности встречного возмещения, его качественных и количественных недостатков, а также случаев возмещения имущества денежными средствами.

За редкими исключениями качественные недостатки встречного возмещения, полностью препятствующие эксплуатации товара, позволяли судам говорить о полной безвозмездности. К примеру, суды признавали в качестве ущерба от хищения *всю сумму контракта* в случае поставки бывших в употреблении pontoonов вместо новых¹⁵²; просроченных парашютов вместо новых¹⁵³; шин со сниженными показателями нагрузки и скорости¹⁵⁴. Однако при количественных недостатках, когда часть товара, работ или услуг соответствовала заявленным требованиям, вновь обнаруживались различные позиции судов.

В одних случаях надлежаще выполненная часть работ учитывалась судами при оценке безвозмездности и вычиталась из общей суммы размера похищенного¹⁵⁵, а в других нет¹⁵⁶. Денежные средства, выступающие в качестве частичного возмещения, без какой-либо дополнительной мотивировки либо учитывались судами при снижении общего размера хищения¹⁵⁷, либо, наоборот, не учитывались и признавались средством достижения преступной цели¹⁵⁸.

Наконец, есть и третий подход, в рамках которого суды не сравнивают стоимость или пригодность поставляемого товара, а подходят к вопросу исключительно формально: любое несоответствие встречного возмещения требованиям заказчика является

---

¹⁵² Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 23.01.2024 по делу № 77-533/2024 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁵³ Приговор Саровского городского суда Нижегородской области от 28.04.2022 по делу № 1-2/2022 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁵⁴ Приговор Ленинского районного суда города Севастополя от 23.11.2022 по делу № 1-40/2022 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁵⁵ См., напр.: Приговор Чугуевского районного суда Приморского края от 07.03.2023 по делу № 1-1/2023, Приговор Промышленного районного суда города Смоленска от 28.03.2023 по делу № 1-8/2023 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁵⁶ Приговор Куйбышевского районного суда города Самары от 11.04.2023 по делу № 1-7/2023 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁵⁷ См., напр.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.11.2022 по делу № 5-УД22-126-К2; Апелляционное определение Воронежского областного суда от 22.03.2023 по делу № 22-737/2023 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁵⁸ См., напр.: Приговор Абдулинского районного суда Оренбургской области от 17.08.2023 по делу № 1-41/2023; Апелляционное определение Верховного суда Республики Хакасия от 09.06.2023 по делу № 22-888/2023 // СПС «Консультант Плюс».

предоставлением менее ценного имущества. При этом все доводы стороны защиты о пригодности имущества к эксплуатации¹⁵⁹, о надлежащих характеристиках поставленного сырья¹⁶⁰ в рамках данного подхода отвергались судами по одному лишь обстоятельству: представленное заказчикам возмещение не соответствует условиям контрактов.

На практике ни один из представленных подходов не имеет явного преимущества. Порой разные точки зрения судов встречаются в рамках даже одного уголовного дела. Так, Воронежский областной суд в качестве суда апелляционной инстанции рассматривал следующий случай. Осужденные поставили по контракту песок с модулем крупности «очень мелкий» вместо предусмотренного модуля «крупный». Суд указал, что в результате этих действий «было получено не просто менее ценное имущество, а имущество, не отвечающее требованиям заказчика» и определил ущерб в качестве всей суммы контракта»¹⁶¹.

Интересно то, что суд первой инстанции по этому же делу определил в качестве ущерба лишь разницу стоимости фактически поставленного и предусмотренного договором песка. Согласно апелляционному определению, суд первой инстанции руководствовался тем обстоятельством, что контрактные и договорные обязательства по поставке песка в комбинаты благоустройства для приготовления противогололедной смеси были выполнены в полном объеме. Поставленный песок по его показателям был пригоден для приготовления противогололедной смеси. Однако, как уже указывалось, вышестоящий суд данный подход не разделил.

Таким образом, общеупотребительное, на первый взгляд, слово «возмездность» в результате судебного толкования получило совершенно иное, оценочное значение, что привело к противоречивой судебной практике.

В целом следует констатировать, что правила грамматического толкования не гарантируют единообразие в уяснении смысла законодательного положения судами даже на начальном этапе процесса толкования.

---

¹⁵⁹ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 05.12.2023 по делу № 77-5492/2023 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁶⁰ Приговор Междуреченского городского суда Кемеровской области от 13.02.2023 по делу № 1-17/2023 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁶¹ Апелляционное определение Воронежского областного суда от 07.12.2022 по делу № 22-3076/2022 // СПС «Консультант Плюс».

Общий подход к проблеме грамматического толкования представлен в апелляционном постановлении Забайкальского краевого суда, в котором указано, что: «согласно правилам грамматического толкования [...] словам необходимо придавать при толковании то значение, которое они имеют в русском литературном языке, приданье же им иного значения должно быть обосновано иными способами толкования, логикой или легальными дефинициями»¹⁶².

Таким образом, как можно понять из апелляционного постановления, общеупотребительное значение слов может быть изменено не только с помощью отсылочных и бланкетных дефиниций, но и с помощью любого другого способа толкования. При таких обстоятельствах грамматическое толкование может быть расценено судами как неприоритетное даже в тех случаях, когда положения закона прописаны достаточно четко и понятно. При этом любое грамматическое «препятствие», имеет риск быть преодоленным судебной практикой посредством формулировок: «смыслу закона», «исходя из логики», «ограничительно или расширительно толкуя норму...» и др.

Интересна в этой связи ситуация, которая сложилась при применении судами норм, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ «Незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов» и п. «г» ч. 2 ст. 242¹ УК РФ «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних». До изменений, внесенных в статьи Федеральным законом от 6 марта 2022 г. № 38-ФЗ, указанные нормы усиливали уголовную ответственность за распространение порнографических материалов, если оно совершалось с использованием средств массовой информации, *в том числе* информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»). Однако после вступления в силу указанных изменений данный союз был заменен на союз «либо»: «с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, *в том числе* сети «Интернет»¹⁶³.

К моменту указанных изменений Особенная часть Уголовного кодекса содержала похожие формулировки относительно СМИ и сети «Интернет», однако в них уже давно

---

¹⁶² Апелляционное постановление Забайкальского краевого суда от 10.09.2024 по делу № 22-2072/2024 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁶³ Федеральный закон от 06.03.2022 № 38-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 10. Ст. 1395.

использовались союзы «или»/«либо» (например, п. «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ «Жестокое обращение с животными», п. «б» ч. 2 ст. 258¹ УК РФ «Незаконные добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации», ч. 1 и ч. 2 ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»). Таким образом, до 6 марта 2022 г. законодатель применял дифференцированный подход, который в итоге оказался разделен не всеми судами.

Так, в приговорах по конкретными делам в ситуации, когда сторона защиты указывала, что профиль подсудимого в социальной сети «ВКонтакте», как и вся сеть в целом, не являются СМИ, в связи с чем вменение соответствующего квалифицирующего признака состава преступления является незаконным, суды, напротив, утверждали, что «заявитель неверно толкует закон»¹⁶⁴, «доказывая заявителя несостоительны»¹⁶⁵, «доказывая не основаны на законе»¹⁶⁶. В других случаях суды, наоборот, исключали соответствующий квалифицирующий признак из объема обвинения, ссылаясь на то, что социальная сеть «ВКонтакте» не является СМИ¹⁶⁷. Как указывали суды, данный квалифицирующий признак распространяется только на те Интернет-ресурсы, которые зарегистрированы в качестве средств массовой информации¹⁶⁸.

Следовательно, во втором случае суды учитывали буквальное значение выражения «в том числе», а затем распространяли требования, предъявляемые бланкетным законодательством к СМИ, еще и к сети «Интернет», используя системное толкование. Так, совокупные положения абз. 16 ст. 2 и ст. 8 Закона РФ «О средствах массовой информации» определяют, что сайт становится сетевым изданием и приобретает статус СМИ, только после его регистрации в таком качестве¹⁶⁹.

---

¹⁶⁴ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 29.09.2022 по делу № 77-4928/2022 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁶⁵ Приговор Калужского районного суда Калужской области от 03.12.2021 по делу № 1-1247/2021 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁶⁶ Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 16.08.2017 по делу № 22-4553АП/2017 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁶⁷ Приговор Золотухинского районного суда Курской области от 02.07.2020 по делу № 1-28/2020; Приговор Балаковского районного суда Саратовской области от 20.08.2020 по делу № 1-3-40/2020 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁶⁸ См., напр.: Приговор Бежицкого районного суда города Брянска от 05.02.2019 по делу № 1-26/2019 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁶⁹ Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 23.17.2025) «О средствах массовой информации» // Российская газета. 1992. 8 февраля.

Необычную позицию занял Саратовский областной суд. В своем апелляционном определении суд указал, что «грамматическое толкование положений части первой статьи 242¹ УК Российской Федерации позволяет сделать вывод, что использование в ней союза «в том числе» означает, что для целей указанной статьи законодатель считает информационно-телекоммуникационные сети разновидностью средств массовой информации»¹⁷⁰.

По всей видимости, Суд решил, что в рамках п. «г» ч. 2 ст. 242¹ УК РФ законодатель ввел автономное понятие уголовного права, признав всю сеть «Интернет» разновидностью СМИ. Однако подобного рода автономные понятия, если их смысл кардинально отличается по сравнению с общеупотребительным, требуют прямых разъяснений в самом тексте уголовного закона, в частности в примечаниях к соответствующим статьям. Очевидно, что вывод суда первой инстанции совершенно не отражает подход законодателя к регулированию правоотношений в сети «Интернет», а системное толкование положений как уголовного, так и бланкетного законодательства, не давало оснований признавать весь Интернет разновидностью СМИ.

На указанную проблему правоприменения пытались обратить внимание Конституционного Суда в 2018 г. В своей жалобе один из заявителей указывал, что рассматриваемая норма неконституционна в той части, в которой позволяет применять квалифицирующий признак «совершение преступления в сети «Интернет», игнорируя волю законодателя на его применение лишь в отношении средств массовой информации¹⁷¹. Однако Конституционный Суд отказался рассматривать данный вопрос.

На наш взгляд, в случае, если грамматическое толкование приводит к прямому и однозначному пониманию смысла положения уголовного закона, а его сопоставление с другими положениями не приводит к коллизиям и необходимости уточнения его смысла, суды не могут под видом толкования менять содержание уголовно-правовой нормы. Однако если грамматическое толкование оказывается недостаточным, а раскрытие смысла уголовного закона является неполным, необходимо прибегать к иным способам толкования.

---

¹⁷⁰ Апелляционное определение Саратовского областного суда от 11.11.2021 по делу № 22-2817/2021 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁷¹ Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2018 № 2047-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Слабодчикова Андрея Ивановича на нарушение его конституционных прав частью первой и пунктами «а», «г» части второй статьи 242¹ Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

Разумеется, для подобного вывода необходима серьезная теоретическая подготовка и глубокое знание текста уголовного закона. Например, при первичном ознакомлении с текстом уголовного закона невозможно понять, является ли грамматическое толкование слова «лицо» достаточным для понимания содержания ч. 2 ст. 35 УК РФ «Преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления». В каждом конкретном случае правоприменителю необходимо решить, может ли общеупотребительный смысл слова быть использован, и по каким основаниям необходимо обращаться к системному толкованию уголовного закона.

Представляется, что по этой причине для проверки тех или иных предположений о смысле нормы необходим комплексный подход. Правоприменитель в этом случае «примеряет» различные способы толкования и анализирует полученные результаты. Однако грамматическое толкование является базисом, на основе которого остальные способы подтверждают или конкретизируют выявленный на его основе смысл.

В завершение данного параграфа сформулируем следующие выводы.

Большая часть правил, выработанных в рамках грамматического способа толкования уголовного закона, не соблюдается судами в полной мере в процессе правоприменения. Отмечены отступления судов от определенных законодателем дефиниций, создание полисемичных терминов, а также отход от общеупотребительных значений используемых в тексте уголовного закона слов, что негативным образом сказывается на процессе толкования уголовного закона и не позволяет достичь его главной цели - уяснение воплощенной в нем законодательной воли. В связи с чем представляется возможным определить следующие границы применения грамматического способа толкования уголовного закона.

Если грамматическое толкование приводит к прямому и однозначному пониманию смысла положения уголовного закона, результаты такого толкования должны иметь приоритетное значение для правоприменителя. Отступление в указанных случаях от полученных выводов путем указания на общий смысл или логику уголовного закона недопустимо, поскольку это противопоставляет смысл закона и его текст, в котором он должен быть воплощён.

§ 2. Системный способ толкования уголовного закона

Наиболее эффективным способом дополнить и конкретизировать результаты грамматического анализа является **системное толкование уголовного закона**, которое представляет собой рассмотрение закона в системе законодательства (положение нормы в системе права) в сопоставлении его или его части с другими частями того же закона или с другими законами¹⁷².

Установление логических связей в процессе системного толкования может приводить к выводам о дополнительном характере нормы, о том, что норма представляет собой исключительное установление, о ее отменительном характере¹⁷³. Большая часть всех квалификационных правил, разрешающих коллизии и конкуренцию уголовно-правовых норм, в своей основе опирается на системное толкование уголовного закона и выявление соотношения норм между собой. К примеру, правила части и целого, общей и специальной нормы, квалифицированного и привилегированного составов, опираются именно на системное толкование уголовного закона. При этом взаимосвязь может определяться не только прямым содержанием статей, но также их местоположением в соответствующих главах и разделах Уголовного кодекса.

Если при формулировке текста уголовного закона законодатель допускает какие-либо дефекты, приводящие к неоднозначному толкованию этого текста, то системное толкование, будучи более комплексным и в то же время достаточно гибким, способно их преодолеть.

Возвращаясь к вышеприведенному примеру, заметим, что слово «лицо», представленное в ч. 2 ст. 35 УК РФ, использовано законодателем не совсем удачно. Грамматическое толкование и вовсе приводит к выводу о том, что договорившиеся лица могут участвовать именно в сговоре, а не в самом преступлении. В этой связи данный термин необходимо толковать с учетом положений ч. 1 ст. 24, ст. 33 и ч. 1 ст. 35 УК РФ, которые определяют, что совершить преступление или участвовать в его совершении может только субъект преступления с определенным набором интеллектуально-волевых установок, т.е., выражаясь терминами института соучастия, «исполнитель»¹⁷⁴.

¹⁷² Шаргородский М.Д. Указ. соч. С. 311.

¹⁷³ Энциклопедия уголовного права. Том 2. Уголовный закон. СПб. : Изд. проф. Малинина, 2005. С. 309–315.

¹⁷⁴ Однако нужно отметить, что практика толкования данной нормы знает и другое понимание. Так, п. 10 постановления Пленума Верховного суда РФ от 27.01.1999 № 1 определяет, что «наряду с соисполнителями другими участниками преступной группы могут выступать пособники, организаторы

Показательна «дополняющая» роль системного толкования уголовного закона и в другом примере. Как уже указывалось, неточность законодательных формулировок породила несколько вариантов толкования термина «действие», употребляемого в уголовном законе (подробнее об этом в предыдущем параграфе). Однако проведенный анализ позволил обнаружить еще один случай, в котором данный термин наполняется иным содержанием.

Одним из оснований применения принудительных мер медицинского характера (ст. 97 УК РФ) является совершение лицом действия, предусмотренного Особенной частью Уголовного кодекса, в состоянии невменяемости. Однако различное понимание термина привело к противоречивой судебной практике в случаях, когда в действиях невменяемых содержались признаки преступлений, составообразующим элементом которых являлись в том числе специальные мотивы, цели, а также признак заведомости в отношении какого-либо факта, к примеру, в случае совершения деяний, подпадающих под признаки ст. 128¹ УК РФ «Клевета», ст. 306 УК РФ «Заведомо ложный донос», ст. 207 УК РФ «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма», ст. 317 УК РФ «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа»¹⁷⁵.

Одни суды толковали данный термин в рамках ст. 97 УК РФ узко, понимая под ним исключительно объективную сторону состава преступления. Так, рассматривая уголовное дело, в котором невменяемое лицо причинило побои (ст. 116 УК РФ), Второй кассационный суд общей юрисдикции определил: «При оценке общественно опасного действия в действиях Т. оценивается не мотив, а лишь наличие признаков деяния, применительно к установленным обстоятельствам конкретного уголовного дела»¹⁷⁶. На этом основании суд применил к лицу принудительные меры медицинского характера. Все доводы стороны защиты о том, что невменяемость должна исключать наличие мотивов и целей, а, следовательно, в действиях лица содержатся признаки административного правонарушения, были отклонены.

и подстрекатели». Буквальный анализ данного разъяснения определяет, что Верховный Суд РФ рассматривает сложное соучастие как возможный элемент преступной группы, что противоречит ч. 1 ст. 35 УК РФ, определяющей, что группа – это лица (субъекты), выполняющие объективную сторону преступления. Современная практика не идет по данному пути, однако разъяснение нуждается в корректировке с целью недопущения неверного толкования нормы.

¹⁷⁵ См. подробнее: Ленюский А.А., Харченко А.О. Юридическая оценка действий невменяемых лиц по субъективным признакам // Уголовный процесс. 2024. № 7. С. 61–67.

¹⁷⁶ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25.02.2021 по делу № 77–502/2021 // СПС «Консультант Плюс».

В похожих случаях и другие суды давали аналогичную оценку побоям (ст. 116 УК РФ)¹⁷⁷, распространению ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации (ст. 207³ УК РФ)¹⁷⁸, ложному сообщению об акте терроризма (207 УК РФ)¹⁷⁹. При этом судам было известно, что невменяемые лица страдали шизотипическими расстройствами, аномалиями мышления, галлюцинациями, параноидальными идеями, что исключало возможность последних понимать даже характер своих действий, не говоря уже о возможности их оценивать с точки зрения ложности или мотивированности.

Вместе с тем обнаружить системный подход к толкованию уголовного закона можно в решениях тех судов, которые пытались установить природу общественной опасности деяния, за совершение которого лицам грозило применение принудительных мер медицинского характера. Так, данный подход к толкованию термина прослеживается в решении Московского областного суда, который возвратил уголовное дело прокурору по факту совершения посягательства на жизнь сотрудника органов прокуратуры РФ (ст. 295 УК РФ). Один из доводов, который привел суд, заключался в том, что «суду непонятно, каким образом следователь в действиях невменяемого лица, не осознающего фактический характер своих действий, установил цель посягательства на жизнь прокурора и мотив в виде мести за законную деятельность прокурора»¹⁸⁰.

Другой суд в своем решении указал, что «действия П. были совершены им не с целью уклонения от надзора, а в связи с тяжелым психическим заболеванием, в силу которого П. был лишен возможности совершать целенаправленные и последовательные действия, то есть одну из составных частей диспозиции статьи 314¹ УК РФ, в связи с чем его действия не образуют состава общественно опасного

---

¹⁷⁷ Апелляционное определение Брянского областного суда от 18.05.2021 по делу № 2-24/2021, Постановление Химкинского городского суда Московской области от 26.12.2019 по делу № 1-803/2019, Апелляционное постановление Хорошевского районного суда города Москвы от 07.06.2021 по делу № 10-10/2021 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁷⁸ Постановление Шамильского районного суда Республики Дагестан от 27.07.2023 по делу № 1-32/2023 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁷⁹ Апелляционное определение Московского областного суда от 21.01.2020 по делу № 22-90/2020 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁸⁰ Постановление Московского областного суда от 12.12.2019 по делу № 6-4/201 // СПС «Консультант Плюс». Примечательно, что вышестоящий суд данное решение отменил, посчитав, что наличие специальных мотивов подлежит установлению «посредством оценки направленности действий, совершенных невменяемым лицом (Определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 25.02.2020 по делу № 55-129/2020 // СПС «Консультант Плюс»).

действия»¹⁸¹. Аналогичный подход можно встретить и в постановлении Центрального районного суда Симферополя Республики Крым: «В решении суда первой инстанции указаны два взаимоисключающих обстоятельства — заведомость ложного доноса и невменяемость его исполнителя»¹⁸². В результате решение было отменено, а уголовное дело прекращено в связи с отсутствием в деянии Ж. состава преступления.

Такая позиция заслуживает поддержки, поскольку именно этот вывод следует из системного толкования ст. 97 УК РФ. Применение мер медицинского характера по своей природе необходимо для безопасности как окружающих, так и самих лиц, в связи с чем, чтобы подпадать под предмет уголовно-правового регулирования, действия, совершаемые последними, должны представлять общественную опасность. Аналогичное положение нашло свое отражение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» (п.2)¹⁸³.

Системный анализ ст. 116 УК РФ и ст. 6.1.1 КоАП РФ, с учетом позиции Конституционного Суда, согласно которой общественная опасность может отражаться не всеми, а отдельными элементами состава преступления, свидетельствует о том, что общественная опасность побоев обуславливается именно специальными мотивами или фактом их публичной демонстрации¹⁸⁴. Аналогичный анализ ст. 128¹ УК РФ и ст. 152 ГК РФ определяет, что общественной опасностью обладает распространение лишь *заведомо ложной* информации. Невменяемые лица подобного осознания лишены, поскольку отсутствие признаков субъекта, непонимание лицами фактического характера своих действий, их социального значения или невозможность ими руководить, влекут за собой отсутствие интеллектуально-волевых установок, необходимых для формирования мотивов и целей, а также для отражения в сознании лица факта заведомости.

Общие требования принципов справедливости и равенства всех перед законом и судом не допускают ситуацию, при которой (с учетом прочих равных условий) действия

---

¹⁸¹ Постановление Президиума Верховного Суда Удмуртской республики от 17.01.2014 по делу № 44У-13/2014 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁸² Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым от 18.04.2017 по делу № 1-34/2017 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁸³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 7.

¹⁸⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212¹ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» // СПС «Консультант Плюс».

вменяемого физического лица, сообщающего о заведомо ложном акте терроризма, в отсутствие у него хулиганских мотивов или цели дестабилизации органов власти, не получат уголовно-правовой оценки, а аналогичные действия невменяемого лица приведут к применению к нему уголовно-правовых мер.

В этой связи именно системное толкование уголовного закона, а именно учет взаимосвязи ч. 1 ст. 97 УК РФ с другими предписаниями, находящимися как в самом уголовном законе, так и в иных нормативных правовых актах, позволяет прийти к выводу о недопустимости толкования термина «действие» в ч. 1 ст. 97 УК РФ в качестве действий, образующих только объективную сторону состава преступления, без учета иных признаков состава, формирующих общественную опасность того или иного преступления. Таким образом, термин «действие» в рамках ст. 97 УК РФ определяется как поведение, представляющее общественную опасность.

Отдельного внимания в аспекте системного толкования занимает *учет бланкетности уголовно-правовых норм*, требующей от правоприменителя обращения к нормативным правовым актам иной отраслевой принадлежности. Ранее, в рамках раскрытия правил грамматического толкования, нами приводились примеры, когда даже общеупотребительные слова вызывали трудности у судов при их толковании. Куда сложнее обстоит дело, когда правоприменитель сталкивается с отдельными терминами, определение которых отсутствует в уголовном законе, но раскрыто в иных нормативных правовых актах.

С одной стороны, правила грамматического толкования требуют не распространять без достаточных оснований значение термина из одной отрасли права на другие его отрасли¹⁸⁵. С другой стороны, бланкетность, подчеркивающая системное свойство права, наоборот, требует учета тех положений, которые содержатся в нормах иной, как правило, регулятивной отрасли, для целей уголовного закона.

В случае, если такая бланкетность представлена в явном виде (например, в рамках ст. 264 УК РФ бланкетный признак «нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств» не вызывает трудностей в своем определении), толкование и конкретизация запрета путем обращения к регулятивному законодательству не вызывает сомнений.

---

¹⁸⁵ Черданцев А.Ф. Указ. соч. С. 5–6.

В то же время очевидно бланкетный термин «госпитализация» не имеет своего нормативного определения в законодательстве о здравоохранении, что влечет за собой трудности в определении содержания объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 128 УК РФ «Незаконная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях». Неясно, являются ли госпитализацией действия только по помещению потерпевшего в стационар или они охватывают еще и продление данной меры¹⁸⁶. В отсутствие нормативной основы любой ответ будет являться лишь предположением правоприменителя.

В уголовном законе существует также и скрытая бланкетность, которая подразумевает ссылку на нормативные предписания иной отрасли права, или же она вытекает из смысла статьи Уголовного кодекса¹⁸⁷. К примеру, такая скрытая ссылка заложена в ст. 168 УК РФ «Уничтожение или повреждение имущества по неосторожности» и требует установления правил обращения с источниками повышенной опасности. Подобная неявная форма изложения нормативного материала, как представляется, несколько усложняет процесс определения содержания уголовно-правовой нормы, поскольку необходимость обращения к иному нормативному правовому акту становится менее очевидной.

Особенно остро проблема определения бланкетных признаков стоит в контексте вопроса *об автономии уголовного законодательства* и используемых в нем терминов, что напрямую влияет на определение пределов системного толкования уголовного закона.

Примечательно, что обозначенная проблема не получила своего подробного раскрытия в контексте учения о толковании. В большинстве случаев подобные вопросы рассматриваются при конкретизации признаков состава отдельных преступлений Особенной части Уголовного кодекса. И, как ни парадоксально, наиболее остро данный вопрос возникает при толковании центральных понятий гражданского права, выступающих основой целых правовых институтов (например, понятий «доход», «ущерб», «имущество», «сделка» и др.).

---

¹⁸⁶ Манукян А.Р. Совершенствование уголовной ответственности за незаконную госпитализацию в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях // Проблемы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 4. С. 316–321.

¹⁸⁷ Пикуров Н.И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава : Монография. М. : Российская академия правосудия, 2009. С. 26.

Данный вопрос в своих исследованиях затрагивали Б.В. Волженкин¹⁸⁸, Т.В. Пинкевич¹⁸⁹, И.В. Шишко¹⁹⁰, однако по большей части замечания исследователей представляли собой постановку проблемы или изложение общих положений по вопросу согласованности охранительного и регулятивного законодательства.

В исследовании Г.А. Есакова содержатся размышления более общего характера. Указанный автор, как и большинство исследователей, отдает приоритет в определении понятий регуляторным отраслям права, однако допускает отступление от такого подхода на практике в случае, когда судом соблюдены условия принятия подобного решения, а именно: «надлежащая мотивировка, теоретическая подкрепленность и отсутствие нарушения принципа законности в связи с восполнением пробелов законодательства судебным толкованием»¹⁹¹. Обозначенные условия крайне важны, однако и они задают лишь общие рамки, но не формулируют четких правил системного взаимодействия уголовно правовых положений в подобных случаях.

Учитывая сформированные в области уголовного права подходы, в рамках которых хищение недвижимости является приобретением *права на имущество*¹⁹², а хищение *безналичных денежных средств*, т.е. «обязательственного требования к кредитной организации»¹⁹³, оценивается как хищение имущества, можно с уверенностью говорить, что уголовное право применяет собственные подходы к толкованию термина «имущество». При этом попытки установить какую-то внутренне согласованную систему привели Г.А. Есакова к выводу о том, что судебная практика формируется *ad hoc*¹⁹⁴.

Рассуждая о том, что судебная практика отошла от понятия предмета хищения в его традиционном вещном понимании, а следовательно, и общего понятия хищения,

---

¹⁸⁸ Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России : учебное пособие. СПб. : Юридический центр, 2007. С. 98–102.

¹⁸⁹ Пинкевич Т.В. Криминологические и уголовно-правовые основы борьбы с экономической преступностью. М. : Российская криминологическая ассоциация, 2003. С. 84.

¹⁹⁰ Так, в частности, И.В. Шишко указывает, что нередко один и тот же термин в рамках одной отрасли, но применительно к разным нормативным правовым актам понимается различно. В этой связи бланкетный термин должен пониматься в соответствии только с тем нормативным правовым актом, который непосредственно регулирует общественные отношения, охраняемые конкретной бланкетной нормой. (Шишко И.В. Экономические правонарушения. Вопросы юридической оценки и ответственности. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. С. 220–222).

¹⁹¹ Есаков Г.А. Экономическое уголовное право: Общая часть : монография. 2-е изд. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 53.

¹⁹² См. п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

¹⁹³ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.2014 № 31-П «По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Глория»» // СПС «Консультант Плюс».

¹⁹⁴ Есаков Г.А. Указ. соч. С. 147.

К.В. Ображиев в своем исследовании выделяет два возможных направления развития уголовного законодательства для «примирения» гражданско-правового и уголовно-правового понятийных аппаратов¹⁹⁵. *Унифицированный* подход предполагает установление единого правового режима охраны как вещей, так и иных имущественных прав в рамках понятия хищения¹⁹⁶. *Дифференцированный* подход предусматривает создание двух параллельных режимов – хищения для вещей и новых составов преступлений для иных объектов гражданских прав, в том числе имущественных прав¹⁹⁷.

В рамках другого примера В.В. Хилюта обращает внимание на толкование термина «услуга имущественного характера» применительно к составу взяточничества, раскрытого в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (п. 9)¹⁹⁸. Автор полагает, что Пленумом искусственно создана ситуация, когда в данный термин входит более широкое понятие «имущественная выгода», хотя все должно быть с точностью до наоборот¹⁹⁹.

Подобная независимость судей в установлении содержания специального термина иной отраслевой принадлежности или даже общеупотребительного слова в самом широком виде ставит под вопрос необходимость системного толкования уголовного закона. Так, если в целях устранения коллизий, восполнения пробелов или решения сиюминутных прикладных задач суд может вычленить из регулятивного законодательства термин и придать ему собственное значение, то уголовное право рискует потерять четкие границы собственного предмета правового регулирования. Ведь при автономизации понятий видоизменяется не только терминология, но и соответствующая область отношений, подпадающая под действие нормы, поскольку судья разрывает бланкетную связь между охранительным и регулятивным законодательством. В одних случаях значение термина может оказаться уже своего бланкетного «двойника» и уголовно-правовая охрана будет распространяться лишь на часть (сторону) того, что охватывается регулятивным законодательством. В других же случаях может произойти расширение

¹⁹⁵ Ображиев К.В. Преступные посягательства на цифровые финансовые активы и цифровую валюту: проблемы квалификации и законодательной регламентации // Журнал российского права. 2022. № 2. С. 71–87.

¹⁹⁶ См. подробнее: Архипов А.В. Цифровые объекты как предмет хищения // Уголовное право. 2020. № 6. С. 16–23.

¹⁹⁷ См. подробнее: Хилюта В.В. Преступления против оборота объектов гражданских прав: концептуально-теоретические основы моделирования: дис. ... докт. юрид. наук. Минск, 2021. С. 6.

¹⁹⁸ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

¹⁹⁹ Хилюта В.В. Пределы автономности уголовного права // Lex Russica. 2019. № 4. С. 117–128.

тех или иных признаков состава преступления, что приведет к необоснованному увеличению объемов криминализации.

Возвращаясь к указанному выше примеру о понимании «услуг имущественного характера», следует привести обоснование позиции высшей судебной инстанции, изложенное в сборнике комментариев к постановлениям Пленума Верховного Суда РФ²⁰⁰. Правильность позиции Верховного Суда обосновывалась, с одной стороны, отсутствием бланкетности термина «услуги имущественного характера» (несмотря на то, что центральное понятие «услуги» все же выводится из ст. 779 ГК РФ), а с другой стороны, указанием на то, что «в ином случае были бы существенно ограничены пределы действия норм об ответственности за взяточничество, что противоречило бы декларируемым властью задачам и нашим международным обязательствам». Представляется, что последняя причина ближе к истинному положению вещей.

В итоге, как указывает В.В. Хилюта: «Складывается такое впечатление, что правоприменитель сегодня может посредством толкования (уповая на автономность уголовного права) подправить любые ограхи законодателя и найти тому разумное объяснение»²⁰¹. Однако, сколь целесообразен и справедлив ни был бы такой подход, необходимо констатировать, что под предлогом автономности уголовно-правовых норм нивелируется системное свойство права. Кроме того, данное положение вещей неизбежно ставит вопросы о разделении властей, предсказуемости уголовно-правового запрета и, как следствие, о соблюдении принципа законности.

Отметим, что разрешение данного вопроса необходимо не только с точки зрения уголовно-правовой науки, но и для решения конкретных практических задач. Показательно в этой связи уголовное дело в отношении С.Ф. Шатило, осужденного за совершение преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ «Ограничение конкуренции». В ситуации, когда законодательное определение термина «доход» в рамках ст. 178 УК РФ отсутствовало, правоприменитель самостоятельно установил, что для целей указанной статьи под доходом следует понимать всю сумму выручки, извлеченную участниками картельного соглашения, без вычета расходов²⁰².

²⁰⁰ Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам; под общ. ред. В.М. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. М. : НОРМА, 2014. С. 154.

²⁰¹ Хилюта В.В. Указ. соч. С. 124.

²⁰² Апелляционное определение Самарского областного суда от 15.07.2021 по делу № 22-1635/2021 // СПС «Консультант Плюс».

Не согласившись с подобных подходом, С.Ф. Шатило обратился в Конституционный Суд, которому пришлось разрешать возникшую правовую неопределенность.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2023 г. № 19-П особый интерес представляет указание на то, что «из принципов правовой определенности и равенства всех перед законом следует невозможность толковать разным (по существу, противоположным) образом одну и ту же *по своему функциональному назначению* экономико-правовую категорию, по крайней мере если из конкретной правовой нормы с учетом ее места в системе правового регулирования не следует, что законодатель осознанно придавал этой категории иное значение, чем в иных нормах и правовых институтах»²⁰³. Учитывая приведенный ранее пример, в котором Конституционный Суд воздержался от анализа признака безвозмездности применительно к хищениям, следует отметить, что постановление Суда по заявлению С.Ф. Шатило – серьезный шаг в определении пределов автономии уголовного закона.

Наша позиция по данному вопросу заключается в следующем. Как представляется, уголовное право вправе формулировать свои собственные понятия, значения которых могут отличаться в других отраслях права. Исходной посылкой данного утверждения является то, что уголовное право не является в чистом виде санкцией за нарушение норм других отраслей права²⁰⁴. Вместе с тем подобная деятельность должна осуществляться только в определенных рамках, предотвращающих возможные злоупотребления и произвольное толкование уголовного закона.

Пожалуй, бесспорной является ситуация, при которой сам законодатель наполняет тот или иной термин уголовного права собственным содержанием. Наиболее часто подобное можно встретить в примечаниях к различным статьям Уголовного кодекса. Так, примечание к ст. 139 УК РФ «Нарушение неприкосновенности жилища» внесло весьма нетипичное понимание жилища как любого строения или помещения, предназначенного для временного проживания. В результате правопримениителю нет необходимости устанавливать бланкетную связь между нормами уголовного

²⁰³ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2023 № 19-П «По делу о проверке конституционности части первой и пункта «в» части второй статьи 178 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пункта 1 примечаний к данной статье в связи с жалобой гражданина С.Ф. Шатило» // СПС «Консультант Плюс».

²⁰⁴ Концепция о том, что уголовное право представляет собой некоего «жандарма права», сформулированная еще Ж.Ж. Руссо в целях ограничения полномочий судебной власти, многократно подвергалась критике и в современных правовых системах практически не используется. Подробнее об этом: Михеенкова М.А. Принцип автономии уголовного права и процесса в классической континентальной доктрине // Закон. 2013. № 6. С. 73–78.

и жилищного законодательства, поскольку уголовный закон демонстрирует свое понимание данного термина.

Однако куда сложнее определить особое уголовно-правовое значение иноотраслевого термина в отсутствие прямой законодательной оговорки, что подтверждают вышеприведенные примеры.

Наиболее убедительно по данному вопросу высказался Н.И. Пикуров. Анализируя взаимосвязь терминов гражданского и уголовного законодательства, автор указал на необходимость устанавливать в подобных случаях *функциональные* связи между терминами. Так, рассматривая термин «сделка» применительно к ст. 174¹ УК РФ, названный автор отмечает, что норма использует конструктивную (но не функциональную – примечание А.Л.) связь с нормами гражданского права (его термин), которая позволяет раскрыть содержание действия в целях избежания подробного описания различных способов отчуждения имущества²⁰⁵. Иными словами, законодатель не стремился ограничить сферу действия ст. 174¹ УК РФ лишь теми действиями, которые соответствуют понятию сделки в гражданском законодательстве, а указал исключительно на ее внешнюю форму в виде договора двух или более лиц о передаче имущества. По этой причине незаконная по своей природе сделка в рамках легализации имущества, добытого преступным путем, и не должна соответствовать требованиям гражданского права.

Используя аналогичный подход к термину «имущество», следует учитывать, что для гражданского права он выполняет роль ключевого понятия отрасли, в то время как в рамках уголовного права он отражает один из элементов состава некоторых преступлений²⁰⁶. Следовательно, свое специальное понимание термина «имущество» применительно к хищениям не является нарушением правил системного толкования уголовного закона. Более того, в отсутствие бланкетной связи с гражданским законодательством данное слово, строго говоря, перестает быть термином, поскольку последний не должен менять своего четкого содержания вне зависимости от места употребления.

Функциональная связь слов проявляется, прежде всего, через контекст, в рамках которого эти слова употребляются. Так, если для целей миграционного законодательства

---

²⁰⁵ Пикуров Н.И. Указ. соч. С. 110.

²⁰⁶ Пикуров Н.И. Указ. соч. С. 113.

слово «гражданин» имеет принципиально важное значение и представляет собой термин, то для уголовного законодательства, защищающего публичный интерес в виде жизни, здоровья, имущества и иных благ каждого человека, указание на «нарушение прав и законных интересов граждан» означает указание на их нарушение применительно к любому физическому лицу, а не только к гражданину Российской Федерации. В то же время в рамках ст. 275 УК РФ «Государственная измена» указание на гражданина Российской Федерации позволяет ограничить круг субъектов указанного преступления.

Нетрудно заметить, что функциональная связь устанавливается через определение целевого назначения нормы и понимания объекта уголовно-правовой охраны, что можно расценить как завуалированноеteleологическое толкование, которое в данном контексте имеет преимущество перед системным способом, поскольку опровергает бланкетный характер уголовно-правовой нормы. Однако это не так. Представляется, что функциональное назначение того или иного термина определяется местом его положения в уголовном законе, дополнительными признаками состава преступления, соотношением того или иного варианта толкования с принципами уголовного права и логическим толкованием.

Так, термин «сделка», используемый в ст. 179 УК РФ «Принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения», на первый взгляд, является исключительно гражданско-правовым. Однако, учитывая положения ст. 163 УК РФ «Вымогательство», правоприменитель совершиенно обоснованно исключает из данного термина все безвозмездные сделки, причиняющие ущерб имущественным интересам потерпевшего.

Абсурдно было бы считать, что в рамках ст. 127¹ УК РФ «Торговля людьми» купля-продажа обозначает гражданско-правовой договор, предусмотренный главой 30 ГК РФ, со всеми его особенностями, предусмотренными гражданским законодательством, включая, к примеру, определение момента передачи «товара», или последствий за нарушение условий о его ассортименте. Целевое назначение соответствующего договора никак не связано с незаконными действиями по передаче потерпевших от одного лица к другому, следовательно, правоприменитель не связан в этой части никакими бланкетными признаками.

Однако, как уже отмечалось, автономия уголовного права должна иметь под собой четкие основания, будь то прямая воля законодателя или учет функциональных связей

используемых в уголовном законе терминов. В противном случае, когда правоприменительная практика изменяет содержание очевидно бланкетного термина, исходя из иных соображений, высоки риски нарушения принципа законности.

Одним из наиболее ярких примеров рассогласованности в понимании бланкетного (или мнимобланкетного) признака является термин «ущерб». Как отмечается в доктрине уголовного права, исследователи не пришли к единому мнению о том, что включает в себя понятие ущерба в экономических преступлениях – утрата или повреждение имущества, неполучение должных доходов или оба указанных компонента вместе²⁰⁷. В этом аспекте особый интерес представляет подход правоприменительной практики по вопросу возмещения ущерба при совершении налоговых преступлений.

Так, в ст. 76¹ УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба» определено, что условием освобождения лица от уголовной ответственности за совершение впервые преступлений, предусмотренных ст. 198–199¹, 199³, 199⁴ УК РФ, является возмещение в полном объеме ущерба бюджетной системе Российской Федерации. Толкуя данную норму, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» определил, что под возмещением ущерба необходимо понимать уплату в полном объеме недоимки, пеней и штрафа в размере, определяемом в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах с учетом представленного налоговым органом расчета размера пеней и штрафов (абз. 1 п. 14)²⁰⁸. Следует отметить, что Пленум, как это определено по тексту разъяснений, руководствовался соответствующими примечаниями к ст. 198 и 199 УК РФ и взаимосвязанными положениями ч. 1 ст. 76¹ УК РФ и ч. 2 ст. 28¹ УПК РФ.

Принимая во внимание предмет регулирования уголовно-процессуального законодательства, представляется, что положения ч. 2 ст. 28¹ УПК РФ не должны учитываться при определении (или конкретизации) оснований и условий освобождения от уголовной ответственности, поскольку данный вопрос – предмет исключительно материального уголовного права.

²⁰⁷ Полный курс уголовного права. В 5-ти томах. Т. 3. Преступления в сфере экономики. / под ред. А.И. Коробеева. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008. С. 250.

²⁰⁸ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

Что касается приведенных положений Уголовного кодекса, очевидно, что они не взаимосвязаны, а, наоборот, взаимоисключают друг друга, поскольку содержат в себе совершенно разные условия для освобождения лица от уголовной ответственности, а разъяснение Пленума призвано разрешить возникшее противоречие и примирить коллизионные нормы, однако не в пользу общей системности права. Безусловно, учитывая соответствующие примечания к ст. 198–199¹, 199³ и 199⁴ УК РФ, можно утверждать, что законодатель имел в виду погашение всех обязательств лица перед налоговыми органами, однако избрал для этого не вполне подходящий термин.

При обращении к положениям гражданского законодательства (ст. 15 ГК РФ) мы обнаружим, что, во-первых, недополученное государством имущество в виде налоговых отчислений никак не может считаться ущербом, а представляет собой *упущенную выгоду*, а во-вторых, включенный в объем понятия штраф, без сомнения является мерой ответственности за допущенные нарушения и не охватывается ни реальным ущербом, ни упущенной выгодой. В конечном итоге содержание ущерба, применительно к ст. 76¹ УК РФ, образует упущенная выгода государства, а также штрафные выплаты карательного характера, что совершенно не соотносится с понятием ущерба в гражданском законодательстве.

В отсутствие законодательных оговорок данный термин должен пониматься так, как он установлен регулятивным законодательством. Ведь функциональное назначение термина «ущерб» (как в рамках ст. 15 ГК РФ, так и в рамках ст. 76.1 УК РФ) представляется в виде возмещения вреда, причиненного противоправным поведением виновного. Попытки привнести новый смысл в то или иное понятие, основываясь не на букве закона или его системном толковании, будет не чем иным, как стремлением внести в закон такой смысл, который на него не опирается.

Проведенный анализ судебной практики позволил сформулировать следующие основные выводы.

Смысл положения уголовного закона, выявленный с помощью грамматического толкования, может быть скорректирован в рамках системного толкования уголовного закона, которое, с одной стороны, имеет дополняющую роль, а с другой, обладает приоритетом в силу своей специальности и конкретизации.

Вместе с тем при использовании данного способа толкования следует учитывать наличие в Уголовном кодексе автономных уголовно-правовых понятий, которые внешне

выглядят как заимствованные из других отраслей права термины, однако не требуют в своем толковании обращения к иноотраслевому законодательству. Для разграничения данных правовых явлений необходимо определение характера функциональной связи между терминами.

Однако в отсутствие законодательных оговорок и соответствующих функциональных связей, термин должен пониматься так, как он установлен регулятивным законодательством, поскольку при необоснованной автономизации понятий, определенных в бланкетном законодательстве, в области уголовного права видоизменяется не только терминология, но и соответствующая сфера отношений, подпадающая под действие уголовно-правовой нормы. В таком случае правоприменитель рискует разорвать бланкетную связь между охранительным и регулятивным законодательством и привнести в закон такой смысл, который не выводится из его текста.

§ 3. Иные способы толкования уголовного закона

Помимо грамматического и системного способов толкования в науке уголовного права и судебной практике выделяются и другие способы. В первую очередь рассмотрим **логическое толкование**, которое зачастую авторы относят к группе классических и традиционно выделяемых способов. При этом в научной литературе нет общепринятого подхода к его определению.

В одних источниках под логическим толкованием понимается процесс установления содержания нормы права или извлечение из нормы права ответа на вопрос юридического характера, поставленного практикой, в ходе которого интерпретатор с помощью различных логических приемов оперирует материалом *только самой нормы*, не обращаясь к другим средствам толкования²⁰⁹.

В советский период утверждалось, что логическое толкование представляет собой выяснение смысла норм *путем сопоставления их между собой* на основе общих принципов советского законодательства в целом или отдельной его отрасли, путем сопоставления нормы с *общим юридическим ее основанием* и путем сопоставления *элементов норм в системе общих требований закона*²¹⁰.

Подобное различие взглядов, как представляется, обусловливается различным пониманием цели логического толкования. Значительное число исследователей исходили

---

²⁰⁹ Черданцев А.Ф. Указ. соч. С. 43.

²¹⁰ Недбайло П.Е. Указ. соч. С. 399.

из того, что его целью является раскрытие *истинного смысла* закона, который не во всех случаях может быть найден путем грамматического толкования. Как указывал М.Д. Шаргородский, грамматическое толкование выявляет только то, что прямо написано в тексте закона, тогда как логическое толкование имеет своей целью различными методами выявить то, что законодатель желал, но что текстом закона прямо не выразил²¹¹. Аналогичную мысль можно встретить и в работе Е.В. Васьковского, в которой реальное толкование выделяется в противовес словесному²¹².

В зависимости от того, какой, по мнению исследователя, набор приемов позволял раскрыть действительный смысл закона, авторы определяли содержательное наполнение логического способа толкования, что и обусловливало различия итоговых определений. Так, к примеру, в качестве разновидностей логического способа толкования П.И. Люблинский и М.Д. Шаргородский выделяли исторический и систематический способы²¹³, М.М. Агарков и А.С. Шляпочников выделяли исторический, систематический и телеологический способы²¹⁴, а С.И. Вильнянский говорил о систематическом и телеологическом способах²¹⁵.

Учитывая основное предназначение любого способа толкования – раскрыть волю законодателя, изложенную в тексте закона, представляется, что выяснению действительного смысла служат все способы толкования, включая грамматический. Следует также согласиться с А.С. Пиголкиным – активным противником выделения логического толкования в качестве самостоятельного способа – в том, что подобное понимание «теоретически оправдывает противопоставление буквы и духа закона, поскольку выделяет внешний (словесный) и внутренний действительный смысл текста закона²¹⁶. В этой связи выделение логического способа толкования в противопоставление грамматическому и его определение в широком смысле слова, трудно поддержать.

Компромиссную позицию занимал Я.М. Брайнин. Выделяя логическое толкование, указанный автор понимал его в узком и широком смысле, относя к последнему все существующие способы толкования, поскольку логическое толкование «растворяет

²¹¹ Шаргородский М.Д. Указ. соч. С. 310.

²¹² Васьковский Е.В. Указ. соч. С. 57. Названное иначе, по своему содержанию реальное толкование идентично тому, что в другими авторами в будущем определено как логическое толкование.

²¹³ Люблинский П.И. Указ. соч. С. 110; Шаргородский М.Д. Указ. соч. С. 310–317.

²¹⁴ Цит. по: А.С. Пиголкин. Указ. соч. С 49.

²¹⁵ Вильнянский С.И. Толкование и применение гражданско-правовых норм : Методические материалы. Методические материалы ВЮЗИ. Вып. 2. М., 1948. С. 47–48.

²¹⁶ Пиголкин А.С. Указ. соч. С. 41–42.

их в себе»²¹⁷. Логическое толкование в узком смысле понималось автором как толкование на основе законов логики.

Понимание логического толкования в узком значении получило свою поддержку и в современных работах. Так, авторы указывают, что логическое толкование представляет собой анализ понятий и формулировок с точки зрения логических правил мышления²¹⁸, исследование логической связи между отдельными положениями закона и правилами формальной логики²¹⁹ или уяснение смысла юридической нормы с применением правил формальной логики²²⁰. Данные определения логического толкования представляются более убедительным, однако следует сделать несколько оговорок.

Логика представляет собой науку о законах, формах и приемах познания²²¹. Прежде всего логику интересует форма, а не содержание тех или иных рассуждений (что и обусловило ее определение в виде формальной логики). Иными словами, формальная логика отвечает на вопрос о том, как мы думаем, безотносительно к тому, какой именно предмет мы анализируем (в том числе таковым может выступать текст закона).

При этом, если грамматический способ толкования сосредоточен на анализе слов и словосочетаний, а системный способ концентрируется на взаимосвязи правовых норм или элементов одной нормы друг с другом, правила формальной логики определяют то, как эти способы должны применяться. В этой связи логическое толкование с определенной долей условности можно определить как *методологию иных способов толкования закона*.

Ряд современных авторов – А.В. Наумов²²², П.С. Яни²²³, В.Ф. Щепельков²²⁴ – в своих работах рассматривают логический компонент в качестве *неотъемлемого*

---

²¹⁷ Брайнин Я.М. Указ. соч. С. 229.

²¹⁸ Актуальные проблемы теории государства и права : учебное пособие / отв. ред. Р.В. Шагиева. 2-е изд., пересм. М. : Норма : ИНФРА-М, 2024. С. 449 (авторы главы Р.В. Шагиева и А.П. Севрюков).

²¹⁹ Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм : учебное пособие. Волгоград, 1973, С. 36–37; Морозов Б.П. Указ. соч. С. 80–81.

²²⁰ Власенко Н.А. Проблемы теории государства и права : учебник. М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. С. 228.

²²¹ Плескунов М.А. Основы формальной логики : учебное пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. Ун-та, 2014. С. 3.

²²² Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть : Курс лекций. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017. С. 304.

²²³ Яни П.С. Указ. соч. С. 72.

²²⁴ Энциклопедия уголовного права. Том 2. Уголовный закон. СПб. : Изд. проф. Малинина, 2005. С. 302–304.

свойства как грамматического, так и системного видов толкования. Например, В.Ф. Щепельков подчеркивает, что язык, как средство передачи информации, имеет свою внутреннюю логику²²⁵. На это же обращали внимание и А.С. Пиголкин, указывающий, что «слово – выразитель мысли, идеи. В грамматическом предложении гармонически сочетаются законы логики и законы грамматики и противопоставлять их ни в коем случае нельзя»²²⁶, и Н.М. Коркунов, отмечавший, что «объяснение нормы по соображению с заголовком того отдела законодательного акта, где она помещена, обыкновенно называемое у нас систематическим толкованием, есть только частная форма логического»²²⁷.

Нельзя не согласиться с тем, что логический компонент неизбежно присутствует при грамматическом толковании уголовного закона. Наглядно иллюстрирует указанный довод апелляционное определение Саратовского областного суда от 7 июня 2021 г., в котором суд указывает, что «грамматическое толкование законоположений части третьей ст. 159 УК Российской Федерации позволяет сделать вывод, что использование в ней девербатива «использование» означает, что указанный признак относится к объективной стороне действия»²²⁸. Соглашаясь с рассуждениями суда, отметим, что подобный сугубо логический вывод в рамках грамматического толкования можно было сделать лишь при установлении логической связи между словами, что подчеркивает взаимосвязь этих методов толкования.

Слова в предложении обладают не только номинативным значением, но и значением, получаемым в результате сочетания слов друг с другом, обусловленным внутренней логикой самого языка. Именно логика языка позволяет учитывать тот смысл, который образуется связкой слов друг с другом, а также исключить полисемию. Показателен в этом контексте пример, который приводит в своей работе Я. М. Брайнин: «в зависимости от того понятия, с которым связывается слово «тайное», и само это слово приобретает различные оттенки и смысл. Например, в словосочетании «тайное свидание», слово «тайное» имеет другое значение, чем в сочетании со словом «похищение»²²⁹. И действительно, тайное свидание предполагает секретную встречу,

---

²²⁵ Там же. С. 302.

²²⁶ Пиголкин А.С. Указ. соч. С. 44.

²²⁷ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. М. : Юрайт, 2025. С. 340.

²²⁸ Апелляционное определение Саратовского областного суда от 07.06.2021 по делу № 22-1337/2021 // СПС «Консультант Плюс».

²²⁹ Брайнин Я.М. Указ. соч. С. 226.

скрытую от внимания посторонних, тогда как тайное хищение может осуществляться в присутствии посторонних лиц, которые, однако, не понимают противоправность совершаемых действий (например, лицо, представившись собственником имущества, забирает забытый в транспорте телефон), и лишь внутренняя логика текста закона позволяет уточнить смысл употребленного слова.

По общему правилу грамматический способ толкования предполагает сохранение единства терминологии, употребляемой в тексте уголовного закона, в основе которой лежит первое правило формальной логики о том, что в едином контексте мысль должна быть тождественна самой себе. Например, употребленный в ст. 43 УК РФ термин «наказание», в дальнейших статьях Уголовного кодекса понимается аналогичным образом. Кроме того, подчиняется первому закону логики и правило грамматического толкования об учете исторической эпохи, в которой употреблялось слово, если интерпретатор имеет дело с архаизмами или словами, изменившими свое значение.

При толковании того или иного термина, например «хищение», интерпретатор воспринимает представленное в примечании 1 к ст. 158 УК РФ понятие как истину, поскольку хищением признается только строго определенный набор действий. Соответственно действия, не отвечающие перечисленным в законе признакам, в рамках закона исключенного третьего могут быть расценены как ложь, т.е. не хищение (например, при временном позаимствовании чужого имущества).

Построение логической структуры нормы исходя из ее трехчленного деления также определяет характер взаимосвязей норм, к примеру при системном толковании положений Общей и Особенной частей Уголовного кодекса.

Применение логических приемов, например *argumentum a contrario* или *ad absurdum*, также наиболее характерно в рамках системного толкования уголовного закона, где устанавливается не ближайшая связь между отдельными словами, а общая связь внутри всего уголовного закона, зачастую преломляющаяся через призму принципов уголовного права.

Наглядно прием *argumentum a contrario* продемонстрирован Вторым кассационным судом в одном из своих определений²³⁰. Суд предположил, что если десять лет лишения свободы при назначении наказания за приготовление к преступлению,

---

²³⁰ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 11.01.2024 по делу № 7У-10440/2023 // СПС «Консультант Плюс».

предусмотренному ч. 4 ст. 228¹ УК РФ (санкция за оконченное преступление предусматривает лишение свободы сроком от 10 до 20 лет), считать в качестве как максимального, так и минимального срока наказания, т.е. определить санкцию как абсолютно, а не относительно определенную, то такой подход будет противоречить общим началам назначения наказания (ст. 60 УК РФ) и приведет к нарушению принципа справедливости (ст. 6 УК РФ), поскольку не позволит учесть характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи.

Используя подобный прием, суд остался в рамках системного толкования, фиксируя потенциальное противоречие норм. Так, нижестоящие суды признали обстоятельствами, смягчающими наказание, наличие двоих малолетних детей, состояние здоровья матери, признание осужденным своей вины и раскаяние в содеянном. Обстоятельств, отягчающих наказание, судом установлено не было. В связи с этим назначенное максимально возможное наказание в виде десяти лет лишения свободы, по мнению кассационного суда, «нельзя признать справедливым вследствие чрезмерной суровости». Наказание осужденному было снижено до девяти лет и девяти месяцев. Иными словами, кассационный суд обоснованно признал десять лет лишения свободы верхней границей наказуемости за приготовление к рассматриваемому преступлению (следовательно, нижняя граница должна определяться в соответствии с минимальным пределом, установленным в Общей части Уголовного кодекса для лишения свободы как вида наказания, т.е. в виде двух месяцев).

Прием формальной логики в виде толкования неопределенного положения уголовного закона *ad absurdum* также, как правило, приводят к выводам, очевидно не соответствующим смыслу других положений или основным началам, принципам и задачам уголовного законодательства, что свидетельствует об отсутствии тех результатов, которые достигаются путем системного толкования уголовного закона. Следовательно, соблюдение общего смысла закона и недоведение значения норм до абсурда в данном случае выступает в качестве внутреннего свойства всего процесса системного толкования.

В этой связи, как представляется, правила логики неразрывно вплетены в любой способ толкования уголовного закона, и выделять его в качестве самостоятельного

способа можно лишь условно²³¹. При этом логические приемы толкования не теряют своего значения, а создают основу для работы со словом или системой норм так, чтобы выводы, полученные в результате грамматического или системного толкования, оказались логически верными. Таким образом, выделение логического способа толкования в качестве отдельного и самостоятельного представляется не в полной мере убедительным и необходимым.

В уголовно-правовой доктрине, как ранее было отмечено, выделяются также исторический иteleологический способы толкования уголовного закона. При этом под **историческим способом** понимается такой прием толкования, который опирается на пояснительные записки, черновые версии законопроекта, материалы рабочих групп, разрабатывающих тот или иной закон, на прошлый законодательный материал, или же на социально-политические и иные условия, в которых разрабатывался и принимался уголовный закон²³².

В свою очередь **teleологическое толкование** предполагает учет главным образом цели принятия закона²³³. Иными словами, правоприменитель мысленно моделирует некий результат или «эффект», достижению которого, исходя из презумируемой воли законодателя, должно способствовать применение толкуемой нормы, и после этого устанавливает ее смысл, соответствующий данной цели.

Исторический и teleологический способы толкования имеют во многом одинаковое наполнение. Историческое толкование в своей сути направлено на познание того, чего именно хотели добиться разработчики законопроекта, как они обосновывали необходимость принятия той или иной уголовно-правовой нормы. Эти обстоятельства и предопределяют цель принятия закона.

Наиболее заметно сходство данных способов толкования при их раскрытии в доктрине. Так, историческое толкование, по мнению ученых, призвано установить «причины и условия»²³⁴, «цель и обстановку»²³⁵, «*то, что хотел сказать законодатель*

²³¹ См., напр.: Курс уголовного права. Общая часть : учебник. Т. 1. Учение о преступлении. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М. : Зерцало-М, 2002. С. 73; Игнатов А.Н. Введение в изучение уголовного права. Уголовный закон. Курс лекций. Лекция 1. М., 1996. С. 55; Учебник уголовного права. Общая часть. М., 1996. С. 64.

²³² Брайнин Я.М. Указ. соч. С. 231.

²³³ Васильковский Е.В. Указ. соч. С. 59.

²³⁴ Брайнин Я.М. Указ. соч. С. 231.

²³⁵ Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть : Курс лекций. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017. С. 304.

новым текстом»²³⁶. Телеологическое толкование, в свою очередь, может определяться через «изучение материалов, отражающих ход подготовки и принятия нормативного правового акта»²³⁷.

В связи с этим представляется целесообразным рассматривать телеологический способ как *частный случай исторического способа толкования*, поскольку в обоих случаях интерпретатор опирается не только на нормативный материал (в виде текста закона или системы норм), но и на прилежащие к нему обстоятельства, будь то воля законодателя на момент издания закона, пояснительные записки или утративший силу нормативный правовой акт. Данное обстоятельство также является главным недостатком рассматриваемых способов толкования, по причине которого за ними сложно признать самостоятельное значение.

Указанный недостаток подчеркивает и В.Ф. Щепельков, отмечая, что далеко не все законодательные материалы публикуются. Они, как правило, остаются в частном распоряжении рабочих групп и отдельных лиц. И, если для понимания смысла уголовного закона необходимо обращение к внешним источникам, то их недоступность для публичного ознакомления опровергает презумпцию знания самого закона²³⁸. По этим причинам выводы, вытекающие из такого способа толкования, не должны претендовать на статус раскрывающих истинный смысл уголовного закона при его применении.

Вместе с тем в научной литературе можно встретить и альтернативное указание на роль исторического способа толкования. В работе О.А. Ругиной приводится пример утраты бланкетным термином, представленном в ст. 185 УК РФ, своего значения в результате изменений регулятивного законодательства²³⁹. В 2002 г. понятие «проспект эмиссии ценных бумаг» был заменен на «проспект ценных бумаг» и, как указывает автор, лишь исторический способ толкования данных изменений позволил сохранить действие ст. 185 УК РФ.

Представляется, что в той части, в которой диспозиция ст. 185 УК РФ содержала в себе данный бланкетный признак, действие нормы в действительности должно было быть прекращено, поскольку после указанных изменений ни системный, ни грамматический способы толкования не могли определить значение термина

²³⁶ Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 146.

²³⁷ Ругина О.А. Указ. соч. С. 39.

²³⁸ Энциклопедия уголовного права. Том 2. Уголовный закон. СПб. : Изд. проф. Малинина, 2005. С. 336.

²³⁹ Ругина О.А. Указ. соч. С. 38.

«проспект эмиссии ценных бумаг», а новый предмет «проспект ценных бумаг» не охранялся уголовным законом. Более того, анализ изменений Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» позволял установить, что требования к проспекту эмиссии ценных бумаг и проспекту ценных бумаг (ст. 22) существенно отличались между собой. Таким образом, новые общественные отношения не могли «по старому примеру» автоматически охватываться ст. 185 УК РФ. Дополнительно подтверждает данный вывод законодательное исключение слова «эмиссии» из диспозиции ст. 185 УК РФ в 2009 г. и приведение положений регулятивного и охранительного законодательства в согласованное состояние.

Приведенный А.С. Шляпочниковым пример телеологического способа толкования постановления ЦИК СССР и СНК СССР от 7 августа 1932 г. («Закона о трех колосках»)²⁴⁰ демонстрирует возможные последствия «корректировки» смысла закона через учет его духа. И, как уже отмечалось в предыдущем параграфе диссертации, в связи с запретом аналогии в уголовном праве, данный пример трудно поддержать.

Вместе с тем анализ судебных решений показывает, что ссылки на пояснительные записки, сопровождающие принятие того или иного изменения в Уголовный кодекс, являются достаточно распространенной практикой судов²⁴¹. К примеру, суды подкрепляют свой вывод о том, что термин «подставные лица» в примечании к ст. 173¹ УК РФ охватывает в том числе лиц, у которых отсутствует цель управления юридическим лицом, но которые предоставляют за плату свои паспортные данные в налоговый орган для регистрации юридического лица, текстом пояснительной записки к законопроекту²⁴², в котором прямо определена его цель – распространить на указанную категорию лиц действие примечания к статье²⁴³. Однако для данного вывода достаточно грамматического толкования соответствующего примечания, в котором данная категория лиц прямо названа.

---

²⁴⁰ Шляпочников А.С. Указ. соч. С. 213.

²⁴¹ Подробнее об этом: Ленюсский А.А. Исторический способ толкования уголовного закона в судебной практике // Уголовный процесс. 2025. № 8. С. 70–77.

²⁴² Законопроект № 613254-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения достоверности сведений, представляемых при государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/613254-6> (дата обращения 10.05.2025).

²⁴³ См., напр.: Приговор Приволжского районного суда города Казани от 21.08.2024 по делу № 1-676/2024; Приговор Приволжского районного суда города Казани от 29.03.2023 по делу № 1-279/2023 // СПС «Консультант Плюс».

Также трудно поддержать ссылку в решениях на пояснительную записку к законопроекту²⁴⁴, изменяющему ст. 178 УК РФ, в качестве обоснования того, что «ограничение конкуренции» является самостоятельным диспозитивным признаком состава преступления²⁴⁵. Примечательно, что в приведенном в сноске решении Самарский областной суд отдельно указывает, что его позиция – это результат анализа технико-юридического построения ст. 178 УК РФ. Кроме того, далее суд раскрыл признаки ограничения конкуренции.

Представляется, что указанных доводов достаточно для принятия судом решения. Ссылка на пояснительную записку, вероятно, нужна для большей убедительности решения в глазах вышестоящей судебной инстанции, однако какого-либо юридического смысла в этом обнаружить сложно. Таким образом, в указанных случаях подобное подкрепление решения какого-либо правового значения не имеет и является излишним.

Указанное справедливо не только в случаях, когда принятное решение соответствует целям и мотивам, изложенным в пояснительной записке к законопроекту, но и при «противоречии» между ними. Так, в ряде судебных решений можно встретить указание стороны защиты на то, что, согласно пояснительной записке к законопроекту²⁴⁶, диспозиция ст. 210¹ УК РФ не относится к лицам, имеющим статус «положенец» или «смотрящий», поскольку они не являются лидерами преступной иерархии («ворами в законе»)²⁴⁷. В этой связи верным является решение Четвертого апелляционного суда буквально толковать употребленные в законе понятия. Суд указал: «Статья 210¹ УК РФ устанавливает уголовную ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии без указания какого-либо конкретного наименования такого положения»²⁴⁸. На этом основании, установив статус Е. в качестве «положенца», суд оставил приговор суда первой инстанции в силе.

---

²⁴⁴ Законопроект № 848246-7 «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/848246-7> (дата обращения 10.05.2025).

²⁴⁵ Апелляционное определение Самарского областного суда от 29.07.2020 по делу № 22-685/2020 // СПС «Консультант Плюс».

²⁴⁶ Законопроект № 645492-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/645492-7> (дата обращения 10.05.2025).

²⁴⁷ См., напр.: Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 22.08.2022 по делу № 55-431/2022, Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 24.01.2022 по делу № 55-3/2022 // СПС «Консультант Плюс».

²⁴⁸ Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 02.05.2023 по делу № 55-181/2023 // СПС «Консультант Плюс».

В других случаях ссылка на пояснительную записку может подменить собой установление фактических обстоятельств дела, с наличием которых связывается применение той или иной статьи уголовного закона, что исказит ее толкование и правоприменение. К примеру, по одному из уголовных дел суд рассматривал апелляционную жалобу стороны защиты на приговор, которым осужденной было отказано в назначении судебного штрафа (ст. 76² УК РФ) за совершение преступления, предусмотренного ст. 322² УК РФ «Фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации»²⁴⁹. Апелляционный суд привел в тексте решения пояснительную записку к законопроекту, которой предлагалось дополнить действующий Уголовный кодекс соответствующей статьей по причине невозможности осуществления миграционного учета и затруднения прогнозирования миграционной ситуации²⁵⁰. Далее суд сделал вывод о том, что «совершение такого преступления делает невозможным миграционный учет, что влечет за собой неконтролируемое перемещение мигрантов по территории России, невозможность их выдворения при нарушении миграционного законодательства, увеличивает риски совершения ими преступлений, в том числе террористической направленности».

Не оспаривая возможность наступления указанных последствий от совершенного преступления, отметим, что их констатация должна выводиться вовсе не из текста пояснительной записки, а из анализа фактических обстоятельств дела, что не было осуществлено судом. Нельзя ставить знак равенства между основаниями уголовно-правового запрета и конкретными последствиями совершенного преступления. В этой связи невозможность применения положений ст. 76² УК РФ об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа к осужденной фактически осталась немотивированной.

Абсолютно недопустимой представляется ситуация, когда суды, руководствуясь текстом пояснительной записки к закону, изменяют действительный смысл уголовно-

---

²⁴⁹ Апелляционное постановление Волжского районного суда города Саратова от 06.02.2020 по делу № 10-2/2020 // СПС «Консультант Плюс».

²⁵⁰ Законопроект № 200753-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/200753-6> (дата обращения 10.05.2025).

правовой нормы. Показательна в этой связи судебная практика, формировавшаяся в первые годы после введения в 2018 г. нового квалифицирующего признака – кражи «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств...» (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ).

Безусловно, судебная практика испытывала сложности при разграничении ч. 1 ст. 158, п. «г» ч. 3 ст. 158 и ст. 159³ УК РФ «Мошенничество с использованием электронных средств платежа», однако обращение к пояснительной записке для установления содержания уголовно-правового положения оказалось неэффективным решением. Так, в пояснительной записке определялось, что «общественную опасность деяния усиливает способ совершения хищения – использование удаленного доступа к банковскому счету при помощи технических средств, позволяющего лицу оставаться анонимным и совершать преступление из любой точки мира, имея лишь доступ к сети Интернет [...]. Совершить преступление могут лишь лица, обладающие специальными знаниями и использующие технические средства, что приводит к нарушению не только права собственности, но и банковской тайны»²⁵¹.

Опираясь на изложенное представление субъекта законодательной инициативы о предлагаемом квалифицирующем признаком преступления, множество судов ошибочно квалифицировали действия виновных лиц либо по ст. 159³ УК РФ²⁵², либо по менее строгой части ст. 158 УК РФ²⁵³ в случаях, прямо подпадающих под п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ в его буквальном истолковании.

В обобщенном виде доводы судов можно представить следующим образом:

– действия виновного лица совершены в условиях очевидности, лицо не скрывает своих действий и не имеет такой возможности (перевод денежных средств через приложение «Мобильный банк» квалифицирован судом по ч. 1 ст. 158 УК РФ как простая кража);²⁵⁴

– диспозиция п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ предусматривает совершение виновным каких-либо действий для обеспечения доступа к банковскому счету потерпевшего (снятие

---

²⁵¹ Законопроект № 186266–7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/186266-7> (дата обращения 05.05.2025).

²⁵² Апелляционное постановление Лобненского городского суда Московской области от 12.11.2019 по делу № 10–21/2019 // СПС «Консультант Плюс».

²⁵³ Приговор Орехово-Зуевского городского суда Московской области от 25.03.2019 по делу № 1–210/2019 // СПС «Консультант Плюс».

²⁵⁴ Приговор Ипатовского районного суда Ставропольского края от 02.07.2020 по делу № 1–75/2020 // СПС «Консультант Плюс».

виновным лицом денежных средств через банкомат квалифицировано гособвинителем и судом по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ как кража с причинением значительного ущерба гражданину)²⁵⁵;

– при совершении хищения хакерских атак и сложных манипуляций с использованием технических средств проведено не было. Деньги были похищены без какого-либо программного воздействия на банковский счет, что состава преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, не образует (снятие денежных средств через банкомат квалифицировано по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ)²⁵⁶;

– по смыслу закона, хищение, совершенное путем получения наличных денежных средств с банковского счета через банкомат, рассматривается как обычное хищение вещей, наделенных физическими признаками (снятие денежных средств через банкомат суд первой инстанции квалифицировал по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, в то время как апелляционный суд по представлению прокурора изменил квалификацию на п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ)²⁵⁷;

– виновный не преодолевал препятствия для облегчения совершения преступления, не использовал чужие персональные данные (виновный отдал потерпевшему свою карту в пользование, однако позже через приложение «Мобильный банк» перевел денежные средства потерпевшего на другую карту, что было квалифицировано по ч. 1 ст. 158 УК РФ как простая кража)²⁵⁸.

Наиболее наглядно состояние правовой неопределенности и непредсказуемости уголовного закона при его толковании правоприменителем можно проследить на следующих примерах. Апелляционным определением от 5 марта 2019 г. Московский областной суд отклонил доводы стороны защиты о том, что, согласно сложившейся практике, для квалификации действий по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ необходимо совершение виновным каких-либо действий в целях обеспечения доступа к банковскому

---

²⁵⁵ Приговор Орехово-Зуевского городского суда Московской области от 19.03.2019 по делу № 1-216/2019 // СПС «Консультант Плюс».

²⁵⁶ Приговор Жигулевского городского суда Самарской области от 05.07.2019 по делу № 1-38/2019 // СПС «Консультант Плюс».

²⁵⁷ Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 31.01.2019 по делу № 22-339/2019; Приговор Старорусского районного суда Новгородской области от 30.10.2018 по делу № 1-265/2018 // СПС «Консультант Плюс».

²⁵⁸ Приговор Туинского районного суда Свердловской области от 12.07.2022 по делу № 1-89/2022 // СПС «Консультант Плюс».

счету потерпевшего²⁵⁹. Суд сделал вывод о том, что виновный использовал пин-код банковской карты потерпевшего и похитил его денежные средства, что прямо предусмотрено п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Буквально на следующий день Орехово-Зуевский городской суд Московской области признал лицо виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, при сходных обстоятельствах, поскольку каких-либо действий, направленных на обеспечение доступа к банковскому счету потерпевшей, Я. не выполнял, пин-код банковской карты был указан на самой карте, что, вопреки предъявленному обвинению, исключает возможность квалификации действий виновного по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ²⁶⁰.

Таким образом, два суда одного и того же субъекта Российской Федерации приняли два взаимоисключающих решения в аналогичных с юридической точки зрения обстоятельствах. В каждом из приведенных выше решений содержалась ссылка на пояснительную записку к законопроекту, что в корне исказило толкование п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Противоположные позиции, когда суды прямо исключают подобное историческое толкование, встречаются реже. В одном случае суд верно указал, что «пояснительная записка не является разъяснением ни диспозиции самой правовой нормы, ни порядка применения этой нормы»²⁶¹, в другом суд признал ссылки стороны защиты на пояснительную записку несостоятельными, поскольку «правоприменитель (в данном случае суд) обязан руководствоваться буквальным толкованием закона»²⁶². В обоих случаях суд, на наш взгляд, правильно квалифицировал действия виновных лиц по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Не отрицая возможности выделения исторического способа толкования как такого, полагаем, что его использование при судебном толковании уголовного закона должно быть осторожным. Такое толкование должно лишь подкреплять уверенность интерпретатора в правильном установлении смысла, выявленного

---

²⁵⁹ Апелляционное определение Московского областного суда от 05.03.2019 по делу № 22-1422/2019 // СПС «Консультант Плюс».

²⁶⁰ Приговор Орехово-Зуевского городского суда Московской области от 06.03.2019 по делу № 1-152/2019 // СПС «Консультант Плюс».

²⁶¹ Постановление Президиума Московского областного суда от 30.10.2019 № 468 по делу № 44у-241/2019 // СПС «Консультант Плюс».

²⁶² Приговор Дмитровского районного суда города Костромы от 24.10.2018 по делу № 1-108/2018 // СПС «Консультант Плюс».

на основании других способов толкования уголовного закона. Для иллюстрации данного довода вновь обратимся к Постановлению Конституционного Суда РФ по жалобе С.Ф. Шатило.

В абз. 3 п. 3.1 рассматриваемого постановления Конституционный Суд уделил особое внимание тому обстоятельству, что, в отличие от Федерального закона «О защите конкуренции», в котором используется термин «доход»²⁶³, более ранний Закон РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» использовал термин «прибыль»²⁶⁴.

Представляется, что это указание само по себе лишено какого-либо гносеологического смысла, поскольку данный довод подразумевает образ законодателя как постоянного в своем составе и непротиворечивого в своих решениях правотворца, чьи решения (например, заменить термин в тексте закона) обусловлены сознательным изменением подходов. Однако, как уже указывалось ранее, это не так. Законодатель как некий абстрактный субъект может быть непоследователен и даже противоречив. Более того, в период между 1991 и 2006 гг. состав депутатов Государственной Думы РФ менялся четыре раза. Составлением текста нового закона занимались, вероятно, другие авторы, формально не связанные ни смыслами, ни предположениями своих предшественников. Вслед за Конституционным Судом мы можем быть убеждены в мудрости и взвешенности подходов современного законодателя, чья правотворческая деятельность всегда обоснована, мотивирована и осуществляется с учетом прежнего развития права, однако это будет лишь предположением. Даже если мы найдем в тексте пояснительной записки прямое указание на определенную цель внесения изменений в уголовное законодательство, воля законодателя все равно останется непостигнутой.

Далее Конституционный Суд в своем анализе раскрывает оспариваемый признак в рамках ст. 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство»; проводит связь между ст. 178 и 171 УК РФ, а также ст. 76¹ УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба» и 178 УК РФ; сравнивает критерии «размера» и «дохода» как двух альтернативных кriminoобразующих признаков в ст. 178 УК РФ; сопоставляет ст. 178 и 185³ УК РФ «Манипулирование рынком», обращая внимание на содержание

²⁶³ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.

²⁶⁴ Закон РСФСР от 22.03.1991 № 948-І «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» // Бюллетень нормативных актов. 1992. № 2-3.

легального термина «излишний доход» в ст. 185³ УК РФ; а также применяет логический прием толкования *argumentum a contrario*, констатируя нарушение задач и принципов уголовного права, а также основных начал назначения наказания при избрании «порочного», на его взгляд, варианта системного толкования.

Таким образом, вывод о содержательном наполнении термина был сделан Конституционным Судом на основании грамматического и системного способов толкования уголовно-правовых норм. Апеллирование к истории правового регулирования соответствующих отношений являлось лишь факультативным, подкрепляющим доводом.

Не оценивая правильность итоговой позиции Конституционного Суда, отметим, что продемонстрированный подход к использованию способов толкования можно только поддержать.

В научной литературе значение исторического способа толкования порой преувеличено, с чем трудно согласиться. Например, отдельные авторы обращают внимание на то, что в УК РСФСР 1926 г., в отличие от УК РСФСР 1922 г.²⁶⁵, отсутствовало указание на ненаказуемость убийства по мотиву сострадания²⁶⁶. При этом ученые обращаются к материалам 4 сессии ВЦИК IX созыва, в рамках которой было принято решение об исключении соответствующего положения, и делают вывод о наказуемости данного вида убийства. Вместе с тем ни сравнение нового и старого закона, ни обращение к материалам сессии в данном случае не являлось необходимым. Достаточно было открыть действующий на тот момент уголовный закон и обнаружить наличие в нем нормы, предусматривающей уголовную ответственность за убийство, и отсутствие нормы о привилегированном составе убийства по мотиву сострадания (или нормы, исключающей преступность соответствующего деяния).

Аналогично можно оценить ситуацию, связанную с толкованием ч. 2 ст. 24 УК РФ. Об этой проблеме написано много научных трудов. Мы же рассмотрим ее с точки зрения способов толкования. Как известно, законодательные изменения 1998 г. были призваны расширить сферу уголовно-наказуемой неосторожности, распространив уголовную

²⁶⁵ Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

²⁶⁶ Шляпочников А.С. Толкование советского уголовного закона = Толкование уголовного закона. М. : Госюриздан, 1960. С. 219–220; Шаргородский М.Д. Уголовный закон, М., 1948. С. 166–167.

ответственность на очевидно неосторожные преступления, если в диспозициях соответствующих статей не было прямого указания на неосторожность²⁶⁷.

Изменения ч. 2 ст. 24 УК РФ привели к существованию в одной правовой реальности двух диаметрально противоположных подходов к определению допустимой формы вины в случае, когда в статье Особенной части не содержится прямого указания на неосторожность. Научное сообщество, как и судебная практика, разделилось на два лагеря, и спустя четверть века ситуация остается неизменной.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» прямо указывает, что, если в диспозиции статьи главы 26 УК РФ форма вины не конкретизирована, то соответствующее экологическое преступление *может быть совершено умышленно или по неосторожности* при условии, если об этом свидетельствует содержание деяния (п.4)²⁶⁸. Представляется, что в своей позиции Пленум опирается в основном на исторический способ толкования. Об этом, к примеру, пишет В.Ф. Щепельков²⁶⁹.

Конституционный Суд РФ, в свою очередь, в Постановлении от 31 марта 2011 г. № 3–П указал, что «в диспозиции части третьей статьи 138 УК РФ нет указания на совершение деяния по неосторожности, а следовательно, предполагается, что оно может быть совершено только с умыслом»²⁷⁰. Несмотря на то, что рассуждения Суда относились к форме вины при совершении преступления, предусмотренного ст. 138 УК РФ «Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений», изложенная позиция позволяет сделать более общий вывод.

Как представляется, подход Конституционного Суда основывается на грамматическом толковании ч. 2 ст. 24 УК РФ, которая говорит о конкретном (а не потенциальном) совершенном деянии. Неважно, может ли оно в принципе совершаться по неосторожности или умышленно, но если в данном конкретном случае

²⁶⁷ Кузнецова Н.Ф. Указ. соч. С. 34.

²⁶⁸ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 12.

²⁶⁹ Щепельков В.Ф. О форме вины в преступлении, предусмотренном ч. 3 ст. 217 УК РФ // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 92.

²⁷⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2011 № 3–П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.В. Капорина, И.В. Коршуна и других» // СПС «Консультант Плюс».

оно было совершено только по неосторожности – статья Особенной части Уголовного кодекса должна указывать на данную форму вины²⁷¹.

Безусловно, конфликт обусловлен рассогласованностью формулировок положений Общей части (ст. 24 УК РФ) и статей Особенной части Уголовного кодекса. Строго говоря, преступления, предусмотренные ст. 293 УК РФ «Халатность» и ч. 3 ст. 332 УК РФ «Неисполнение приказа», должны считаться совершенными только умышленно, т.к. небрежное или недобросовестное отношение к службе – это не характеристика последствий, что, однако, не разделяется правоприменителем. Представляется также необоснованной практика осуждения лица за совершение деяния, предусмотренного ст. 283 УК РФ «Разглашение государственной тайны», если оно совершено с неосторожной формой вины²⁷². Однако практика демонстрирует полную рассогласованность по указанному вопросу. Проследим на частных примерах позиции судов по проблеме толкования положений ч. 2 ст. 24 УК РФ.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» допускает совершение преступления, предусмотренного ст. 332 УК РФ, как умышленно, так и по неосторожности (п.17)²⁷³, в то время как в конкретных решениях по уголовным делам суды указывают, что «поскольку в ч. 1 ст. 341 УК РФ («Нарушение правил несения пограничной службы» – прим. А.Л.) нет указания на неосторожную форму вины, преступление может быть совершено лишь умышленно»²⁷⁴. При этом в диспозиции обеих норм нет указания на неосторожность.

Если применительно к ч. 3 ст. 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий» суды определяют возможность наступления тяжких последствий как умышленно, так и по неосторожности, поскольку положения ч. 2 ст. 24 УК РФ неприменимы к случаям, охватываемым ст. 27 УК РФ «Ответственность за преступление, совершенное с двумя формами вины»²⁷⁵, то в рамках п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ «Разбой» неосторожное

---

²⁷¹ Яни П.С. Сложные вопросы субъективной стороны преступления // Российская юстиция. 2002. № 12 // СПС «Консультант Плюс».

²⁷² Цит. по: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть. Разделы X–XII: в 4 т. (постатейный). Т. 4. / отв. ред. В.М. Лебедев. М. : Юрайт, 2017 // СПС «Консультант Плюс».

²⁷³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 7.

²⁷⁴ Апелляционное постановление Западно-Сибирского окружного военного суда от 11.09.2015 по делу № 22–107/2015 // СПС «Консультант Плюс».

²⁷⁵ Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 11.05.2021 по делу № 22–1851/2021 // СПС «Консультант Плюс».

отношение к тяжкому вреду исключается судами именно в силу ч. 2 ст. 24 УК РФ²⁷⁶. Однако, исходя из юридической конструкции норм, обе ситуации должны разрешаться одинаково.

На наш взгляд, если правоприменитель усматривает очевидную по своей сути несправедливость закона, она должна преодолеваться путем законодательных изменений, а не путем применения опровергающих друг друга способов толкования. В противном случае мы вновь получим массу разрозненных решений и отсутствие формальной определенности уголовного закона.

Таким образом, исторический способ толкования должен быть полностью подчинен грамматическому и системному. Он вправе лишь подкреплять, но не опровергать полученные в результате иного толкования смыслы. В противном случае, когда историческое толкование как-либо «корректирует» грамматически или системно выявленный смысл, а тем более заменяет его, высоки риски нарушения принципа законности.

Следует кратко остановиться и на других способах толкования, выделяемых в научной литературе, которые, однако, уже нельзя назвать классическими.

Отдельные ученые выделяют **сравнительный способ** толкования. К нему, как правило, обращаются в рамках международно-правовых исследований, при толковании законоположений на предмет их соответствия тем или иным договорам или Конституции РФ²⁷⁷. Однако и в работе А.М. Гусева, посвященной толкованию уголовного закона, также содержится указание на сравнительное толкование²⁷⁸.

Применительно к нашему исследованию под сравнительным толкованием понимается сравнение положений уголовного закона с другими нормативными правовыми положениями на предмет их соответствия друг другу.

---

²⁷⁶ Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 21.12.2020 по делу № 77-2540/2020 // СПС «Консультант Плюс».

²⁷⁷ Антонов М.В. Экономический анализ права и проблемы методологии сравнительного правоведения. // Труды лаборатории сравнительно-правовых исследований. Сравнительно-правовой подход при анализе источников права. СПб. 2010. С. 7–8.

²⁷⁸ Гусев А.М. Толкование закона и аналогия в уголовном праве: монография. М. : Юрлитинформ, 2019. С. 26–31. При этом подобные формулировки о «соответствии» не являются «новым словом» в вопросах толкования. К примеру, еще в постановлении СНК РСФСР от 20.06.1926 также указывалось, что от работников суда, прокуратуры и следствия требуется истолковывать законы в их соответствии с общими предначертаниями Рабоче-крестьянского правительства (Цит. по: Брайнин Я.М. Советское уголовное право : Общая часть. Киев : Изд-во Киевского ун-та, 1955. С. 197).

Выделение сравнительного толкования, по нашему мнению, лишено оснований, поскольку в этом случае речь идет о толковании отдельных положений уголовного закона, выявлении их смысла, а в дальнейшем сопоставлении двух истолкованных «смыслов» между собой. При этом способы и приемы толкования в рамках двух сопоставляемых элементов остаются аналогичными (автономно к каждому из положений применяются грамматический и системный способы толкования). В случае выявления противоречий смыслов уголовно-правовых положений, полученных в результате толкования, интерпретатор лишь делает выбор в пользу того или иного варианта. Зачастую он обусловлен более высокой нормативной силой одного из актов (например, Конституции РФ и необходимости толкования уголовно-правовой нормы именно в соответствующем ей значении).

В данном случае применим системный метод толкования. Если толкование уголовно-правового положения полностью противоречит толкованию Конституции, оно (положение) признается неконституционным. К примеру, Конституционный Суд признал, что ограничение признаков субъекта преступления, предусмотренного ст. 116¹ УК РФ «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию» лишь лицами, подвергнутыми административному наказанию за аналогичное деяние (не включая лиц, имеющих судимость за совершение аналогичного преступления), противоречит ст. 2, 17, 18, 19, 21, 45, 52 и 55 Конституции²⁷⁹. На этом основании ст. 116¹ УК РФ в соответствующей части была признана неконституционной.

Если уголовно-правовое положение обнаруживает вариативность толкования, она преодолевается путем «отсеивания» противоречащего Конституции понимания. В данном вопросе вновь учитывается место статьи в общем массиве законодательства с учетом присущей ему иерархичности, и проявляется системный подход к толкованию норм. Так, Конституционный Суд неоднократно признавал норму неконституционной в той мере, в которой по своему смыслу (толкованию) она не соответствует тем или иным положениям Конституции. К примеру, в деле по жалобе М.А. Асламазян Суд признал неконституционной ч. 1 ст. 188 УК РФ «Контрабанда» (утратила силу) в той ее части, которая во взаимосвязи с примечанием к ст. 169 УК РФ «Воспрепятствование законной

---

²⁷⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 08.04.2021 № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116¹ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой» // СПС «Консультант Плюс».

предпринимательской или иной деятельности» позволяла признавать в качестве предмета контрабанды всю сумму незадекларированных денежных средств, включая и ту ее часть, которую закон разрешает ввозить в Российскую Федерацию без письменного декларирования²⁸⁰.

Элементы сравнения и определение «приоритетного» толкования в том или ином виде существуют при использовании большинства приемов толкования, но отдельным, так называемым «сравнительным способом толкования», оно от этого не становится. Так, в сочинении американского юриста прошлого века Германа Коэна приводится пример, в котором в рамках борьбы с алкоголизмом в одном из штатов США был принят закон о том, что заведения, предлагающие к продаже алкогольные напитки, не могут находиться на расстоянии меньше одной мили от зданий школ²⁸¹. Как указывает автор, отдельные судьи, руководствуясь законом, постановили о сносе некоторых школьных зданий.

В данном случае грамматическое толкование предписания имело несколько значений, одно из которых противоречило целям проведения самой реформы. Однако, используя системный способ толкования при сравнении двух возможных вариантов понимания нормы, принимая во внимание место нормы во всем законодательном массиве, можно с очевидностью определить ее подлинный смысл.

В подобном сравнительном подходе нет своего собственного основания, на которое оно опирается (буква закона или система норм), в связи с чем сопоставление как таковое происходит уже после получения результатов толкования, выявленного вышеуказанными способами, что можно определить как процесс сравнения толкований, но не как самостоятельный его вид.

Другим, предлагаемым в доктрине, является **функциональный** способ толкования уголовного закона. Если обобщить предлагаемые определения данного способа толкования, можно заключить, что он представляет собой оценку интерпретатором факторов и условий, в которых применяется уголовный закон²⁸². По существу, авторами

²⁸⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8–П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» // СПС «Консультант Плюс».

²⁸¹ Цит. по: Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика Уголовного кодекса. Петроград : Типо-лит. Руманова, 1917. С. 121.

²⁸² Ругина О.А. Указ. соч. С. 40; Кузьмин И.А. Правовая природа и особенности практического применения функционального и телесного способов толкования права // Социальная компетентность. 2017. Т. 2. № 2. С. 33–34.

предлагается к самостоятельному выделению интерпретация оценочных понятий в уголовном законе, таких как «малозначительность» или «значительный ущерб».

Однако с подобным трудно согласиться. Наполнение оценочных понятий конкретным содержанием, как представляется, осуществляется только при рассмотрении конкретного уголовного дела, о чем, к примеру, прямо высказывался Верховный Суд в одном из своих решений²⁸³. Вместе с тем общий вектор, определяющий основную идею уголовного закона, как представляется, можно понять и в абстрактном виде. К примеру, значительность ущерба для потерпевшего применительно к хищениям имеет одну законодательно закрепленную характеристику – размер не ниже пяти тысяч рублей. Подобное указание определяет как границы, так и вектор, которыми должен руководствоваться суд. Очевидно, что закон делает акцент на материальной характеристике ущерба (стоимость имущества). Кроме того, нельзя не учитывать место данного квалифицирующего признака в системе преступлений именно против собственности. В этой связи можно сделать вывод, что значительность ущерба не может определяться лишь субъективными представлениями потерпевшего о ценности (важности) имущества лично для него. В своем постановлении от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» Пленум Верховного Суда остается в рамках заданных ориентиров и раскрывает критерии значительности ущерба через размер заработной платы, пенсии, совокупный доход и др.

Представляется, что на данном этапе норма истолкована. Ее смысл уже обнаружен путем грамматического и системного толкования. Дальнейшие операции, по «примерке» значительности в рамках конкретного уголовного дела относятся уже к процессу квалификации, при которой смысл статьи не вызывает ни у кого разногласий или сомнений. Ведь если судья в конкретном деле решает, насколько ощутима имущественная потеря от хищения для бизнесмена и для пенсионера, он не толкует закон – он ищет необходимые фактические обстоятельства для установления тождества деяния с его признаками, содержащимися в уже истолкованном положении закона. Как отмечал еще Я.М. Брайнин, уточнение оценочных признаков, исходя из учета конкретных обстоятельств, не есть толкование, а «конкретизация оценочных признаков состава

---

²⁸³ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 01.06.2021 по делу № 3-УДП21-16-К3 // СПС «Консультант Плюс».

преступления, описанного в законе»²⁸⁴. Аналогичной видится ситуация с оценкой малозначительности деяния, установления иных тяжких последствий или явного неуважения к обществу и др.

В этой связи трудно говорить о каком-то особом способе толкования, поскольку вся специфика «функционального способа» заключена в рамках правоприменения в конкретном деле и лежит за рамками толкования.

Остановимся также на **эволютивном** или же **динамическом способе толкования** уголовного закона. В литературе можно встретить исследования, формирующие представление об эволютивном толковании как о некоем новшестве 20–21 веков.²⁸⁵ И хотя своей детальной проработке данный способ обязан прежде всего Европейскому суду по правам человека²⁸⁶, который раскрывает скрытый потенциал Конвенции о защите прав человека и основных свобод²⁸⁷, общие рассуждения о допустимости подобного способа толкования уголовного закона встречаются еще в дореволюционной литературе²⁸⁸.

Основной постулат данного метода заключается в том, что право должно адекватно отражать новые потребности социальной и экономической жизни, и эта адекватность должна достигаться путем толкования, даже если с точки зрения «буквы» закон уже устарел²⁸⁹. Иными словами, не меняя сам законодательный материал, правоприменитель может наделять уголовно-правовые положения иным смыслом, руководствуясь политическими или социально-экономическими соображениями. Данный вопрос отчасти нами уже рассматривался при анализе того, что является предметом толкования – воля законодателя времени издания закона или воля законодателя времени

---

²⁸⁴ Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. М. : Юридическая литература, 1967. С. 226.

²⁸⁵ См.: Генрих Н.В. Эволютивное толкование уголовного закона: постановка проблемы // Общество и право. 2024. № 2 (88). С. 14–20.

²⁸⁶ Впервые эволютивное толкование было применено ЕСПЧ в 1978 г. деле «Тайрер против Соединенного Королевства», где было отмечено что «Конвенция является живым документом, который, должен толковаться в свете нынешних условий» (Постановление ЕСПЧ от 25.04.1978 «Дело «Тайрер (Тугег) против Соединенного Королевства» // СПС «Консультант Плюс»).

²⁸⁷ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с «Протоколом (№ 1)» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

²⁸⁸ См., напр.: Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика Уголовного кодекса. Петроград : Типо-лит. Руманова, 1917. С. 178.

²⁸⁹ См. Харитонов Л.А. Субъективный и объективный подходы к толкованию правовых норм // Сборник докладов традиционной Научной сессии, посвященной Всемирному дню авиации и космонавтики. СПб. 2020. С. 242–244.

его применения, и предпочтение было отдано первому из вариантов. Здесь же добавим несколько важных замечаний.

Рассуждая об эволютивном толковании, необходимо отметить, что некоторые его черты действительно прослеживаются в деятельности Верховного Суда, чьи правовые подходы порой непостоянны. Так, содержащиеся в тексте постановлений Пленума Верховного Суда правовые позиции по различным вопросам квалификации преступлений и назначения наказаний, при неизменной букве уголовного закона неоднократно менялись на противоположные. Однако данные ситуации необходимо различать.

Подобная деятельность Верховного Суда, как представляется, не является эволютивным толкованием, поскольку она призвана не «охватить новое старыми понятиями», а пересмотреть взгляды на относительно сложившиеся общественные отношения.

К примеру, весьма показателен пересмотр позиции Пленума Верховного Суда при оценке объективной стороны сбыта наркотических и психотропных веществ в рамках ст. 228¹ УК РФ, понимание которого в 2015 г. было изменено с любого способа передачи предмета преступления другим лицам на деятельность, *направленную* на такую передачу, что существенно расширило объективную сторону состава преступления²⁹⁰. Одновременно с этим передачу наркотического средства в рамках оперативно-розыскных мероприятий Пленум рекомендовал квалифицировать как оконченное преступление, взамен старого подхода, оценивающего данные действия в качестве покушения на сбыт. Как представляется, подобное решение было обусловлено прежде всего уголовно-политическими мотивами – усилением противодействия наркопреступлениям и борьбой за здоровое общество.

Аналогичная ситуация возникла в 2008 г., когда Пленум изменил понимание признака «двух или более лиц», предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, исключив указание на необходимость установления единства умысла виновного на совершение каждого из убийств²⁹¹, а также при изменении в конце прошлого столетия понимания

---

²⁹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 30 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 года № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

²⁹¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 03.04.2008 № 4 «О внесении изменения в постановление пленума верховного суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 6.

бандитизма (ст. 209 УК РФ), ранее охватывавшего совершение бандой тех или иных преступлений, для которых она была создана.

Поскольку во всех вышеуказанных случаях общественные отношения не обогащались новыми явлениями, сигнализирующими о потенциальном пробеле в уголовно-правовом регулировании, а происходила переоценка уже урегулированных правом общественных отношений под влиянием новой социальной политики, подобная практика не является выражением эволютивного толкования. Однако в случае, когда в обществе возникают новые отношения, требующие своей правовой оценки, в том числе и в рамках охранительного законодательства, вопрос о применении эволютивного толкования приобретает актуальность.

В этом аспекте наиболее наглядным и актуальным на сегодняшний день является вопрос уголовно-правовой охраны криптовалюты.

Анализируя данную проблему, К.В. Ображиев отмечает, что признание цифровых прав правом на имущество (с учетом их гражданско-правовой трактовки как имущественных прав) резко ограничит возможности уголовно-правовой охраны имущественных отношений рамками ст. 159 и 163 УК РФ, поскольку посягательство на них будет возможно лишь в форме приобретения права на чужое имущество. В ином случае признание цифровых прав имуществом в уголовном праве – как указывает автор – «с точки зрения гражданского законодательства небезупречно, но другого варианта, к сожалению, нет. Иначе обеспечить уголовно-правовую охрану отношений, связанных с оборотом ЦФА, невозможно»²⁹².

Данная позиция иллюстрирует понимание эволютивного подхода к толкованию термина «имущество». Примечательно, что, указывая на безвыходность ситуации, названный автор и сам подчеркивает ее вынужденность, шаткость и апелляцию в первую очередь к справедливости и целесообразности, но не к законности. В этой связи нельзя не согласиться с Н.Е. Крыловой, указывающей, что «отнесение криптовалюты к предмету хищения следует рассматривать как аналогию уголовного закона»²⁹³.

---

²⁹² Ображиев К.В. Преступные посягательства на цифровые финансовые активы и цифровую валюту: проблемы квалификации и законодательной регламентации // Журнал российского права. 2022. № 2. С. 74. Отметим, что указанный автор подобную практику также не поддерживает и в заключении статьи делает вывод о необходимости законодательных изменений.

²⁹³ Крылова Н.Е. Криптовалюта: уголовно-правовые аспекты регулирования и охраны // Коммерческое право. Научно-практический журнал. 2021. № 3. С. 76.

Для решения вопроса о правовой природе криптовалюты необходимо учитывать контекст термина «имущество», употребляемого в тексте уголовного закона. Как уже указывалось в предыдущем параграфе, контекст позволяет установить функциональное назначение термина и таким образом определить его объем. Например, нет, на наш взгляд, непреодолимых препятствий для учета криптовалюты в качестве имущества в рамках преступлений взяточничества, где данный термин призван обозначить различные имущественные блага, которые получает должностное лицо за свое служебное поведение. Перечисленные в диспозиции ст. 290 УК РФ «Получение взятки» деньги, ценные бумаги, иное имущество и услуги имущественного характера как предметы взяточничества при всей своей разнородности функционально означают именно имущественное благо. В этом смысле добавление к данному перечню предметов взяточничества еще и криптовалюты не нарушает функциональное назначение термина и полностью соответствует смыслу уголовно-правового запрета.

В то же время, в рамках хищений функциональное назначение данного термина иное. Оно призвано отражать особые свойства объекта уголовно-правовой охраны, в том числе его вещный признак. Полностью соглашаясь с необходимостью отдельного регулирования указанных отношений, отметим, что разрешение возникшей проблемы должно происходить исключительно законодательным путем, как в итоге это произошло с безналичными денежными средствами в рамках п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, получившими свой легальный, хоть и специфический статус имущества в рамках Уголовного кодекса²⁹⁴. Более того, Правительством РФ уже направлен соответствующий законопроект в Государственную Думу РФ, в котором для всех статей Уголовного кодекса цифровую валюту предлагается признать имуществом²⁹⁵. Применение же в данном случае эволютивного толкования представляет собой судебное нормотворчество.

Другое замечание состоит в отсутствии на сегодняшний день надлежащего субъекта эволютивного толкования. Как уже указывалось, эволютивное толкование

---

²⁹⁴ Вместе с тем следует отметить, что в науке уголовного права представлена и другая точка зрения, согласно которой использование законодателем в п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ формулировки «с банковского счета» означает определение места совершения преступления и не свидетельствует о признании за безналичными денежными средствами статуса «имущества» в рамках хищений. Подробнее об этом: Крылова Н.Е. Криптовалюта: уголовно-правовые аспекты регулирования и охраны // Коммерческое право. Научно-практический журнал. 2021. № 3. С. 74–75.

²⁹⁵ Законопроект № 902782–8 «О внесении изменений в статью 104–1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/902782-8> (дата обращения 05.05.2025).

предполагает «слом барьеров» закостенелого закона в пользу нового общественного развития. В этой связи оно должно опираться на сложившийся в обществе «консенсус», сигнализирующий о необходимости перемен. Если исключить ситуации возможных политико-правовых потрясений, «смены вех»²⁹⁶ и оставаться в планомерном и постоянном по своей природе развитии общественных отношений, то перед нами неизбежно встанет вопрос определения надлежащего субъекта эволютивного толкования, т.е. того субъекта, чьи позиции будут выражать консолидированные интересы общества. Вероятно, таковым мог бы выступить Верховный Суд РФ, учитывая имеющиеся у него полномочия по сбору и анализу всей судебной практики в стране. Однако подобное преимущество имеет лишь количественный характер, а качество анализа общественных отношений формально у всех судов должно находиться на одном уровне. Сложно отказывать в подобном, например мировому судье, который при принятии решений руководствуется тем же Уголовным кодексом, учитывает те же интересы общества и государства и также может соотнести между собой законность и целесообразность. Представляется, что именно это полномочие, присущее континентальным правовым системам, было отдано законодателю. На его плечах лежит ответственность – адекватно и своевременно отражать реальные общественные отношения в правовой системе. Какие-либо «субсидиарные» к законодательному процессу механизмы, в том числе эволютивное толкование, вносят лишь неопределенность в принцип разделения властей, на что обращалось внимание еще в дореволюционной литературе²⁹⁷.

Данный подход куда более подходит странам англо-саксонской правовой семьи, в которых судам прямо предоставлена возможность изменять право своими решениями. Весьма показательно в этой связи дело «S.W. против Соединенного Королевства», рассмотренное Европейским Судом по правам человека. Несмотря на формально действующее с 1736 г. правило, предоставляющее супругу иммунитет от обвинений в изнасиловании жены, национальные суды признали мужа потерпевшей виновным в изнасиловании своей супруги²⁹⁸. Основной довод судов состоял в том, что речь идет о сфере, где анахроничный закон стал объектом прогрессивных изменений,

---

²⁹⁶ См. Черданцев А.Ф. Вопросы толкования советского права. Свердловск : Изд-во Свердловского юрид. ин-та, 1972. С. 10.

²⁹⁷ Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 634.

²⁹⁸ Постановление Европейского Суда по делу «S.W. против Соединенного Королевства» (S.W. v. United Kingdom) от 22.11.1995 // СПС «Консультант Плюс».

и существовали явные признаки того, что судебная практика опередит законодателя. Европейский Суд разделил позицию государства, не усмотрев каких-либо нарушений Конвенции в данном случае.

В российской правовой действительности подобную ситуацию представить трудно. Как бы сильно ни менялись экономические отношения в стране, к примеру, размерные признаки крупного и особо крупного хищения, установленные более двадцати лет назад, не могут быть изменены ни одним правоприменительным решением, даже если его целесообразность будет безусловна.

При этом в отдельных вопросах законодатель сам наделяет судебную власть соответствующими полномочиями по возможной переоценке действий виновного лица в связи с запросами современного общества. Данную цель преследуют положения ч. 6 ст. 15 УК РФ об изменении категории преступления на меняя тяжкую, ст. 80¹ УК РФ об освобождении от наказания в связи с изменением обстановки и др. Однако это предусмотренные законом механизмы гибкого реагирования, которые на него опираются. Эволютивное толкование такой опоры не имеет.

Таким образом, крайне сложно поддержать подобный подход и признать за эволютивным толкованием уголовного закона право на существование в отечественном правоприменении, поскольку оно фактически подменяет законность целесообразностью. Смысл закона перестает быть самоцелью и, как следствие, больше не выявляется, а конструируется судьей самостоятельно. Рушится связь между легальной и легитимной законодательной волей (даже если она бывает непоследовательной) и обществом как субъектом, который наделил законодателя правом проявлять эту волю.

В отличие от Верховного Суда, Конституционный Суд как орган, официально толкующий Конституцию, аналогичными рамками принципа законности не связан и в своей деятельности вправе пользоваться эволютивным толкованием. Как заявил Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, «заложенный в конституционном тексте глубокий правовой смысл позволяет *адаптировать* этот текст к меняющимся социально-правовым реалиям в рамках принятой в мировой конституционной практике доктрины «живой Конституции»²⁹⁹. В этой связи не исключено, что эволютивное

---

²⁹⁹ Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции // Российская газета. 2018. 9 октября // URL: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniiami.html> (дата обращения 05.05.2025).

толкование отдельных положений Конституции может оказать влияние на необходимость толкования уголовного закона соответствующим (не противоречащим новому пониманию) образом. Однако на сегодняшний день указанное замечание является скорее теоретическим допущением.

Подводя итог рассмотренным в параграфе вопросам, считаем возможным сделать следующие выводы.

Классическими способами толкования уголовного закона являются грамматический и системный. Логический способ толкования можно выделить лишь условно, учитывая что логика выступает методологией для других способов толкования, а ее законы применяются как при грамматическом, так и при системном анализе уголовного закона.

Телеологический способ толкования уголовного закона следует рассматривать как частный случай исторического, поскольку в обоих случаях интерпретатор стремится познать то, что именно хотели добиться разработчики законопроекта, как они обосновывали необходимость принятия того или иного положения уголовного закона, зачастую опираясь на исторические условия, существовавшие на тот момент в обществе.

Приемы исторического толкования вправе лишь подкреплять, но не опровергать полученные в результате иного толкования смыслы. В противном случае, когда историческое толкование как-либо «корректирует» грамматически или системно выявленный смысл, а тем более заменяет его, высоки риски нарушения принципа законности. Как показал анализ, ссылки в судебных решениях на цель принятия закона или исторические материалы, сопутствующие его принятию, как минимум, являются излишними, а как максимум, способны привести к судебным ошибкам в виде искажения действительного смысла уголовно-правовой нормы.

Выделение сравнительного толкования лишено оснований, поскольку в этом случае речи идет о толковании отдельных положений уголовного закона, выявлении их смысла, а в дальнейшем происходит сопоставление двух истолкованных «смыслов» между собой. При этом способы и приемы толкования в рамках двух сопоставляемых элементов остаются аналогичными (автономно к каждому законоположению применяются грамматический и системный способы толкования). В случае выявления противоречий между смыслами, полученными в результате толкования, интерпретатор лишь делает

выбор в пользу того или иного варианта. Зачастую он обусловлен более высокой нормативной силой одного из актов (например, Конституции РФ и необходимости толкования уголовно правовой нормы именно в соответствующем ей значении). Здесь применим системный метод толкования.

Функциональный способ конкретизирует оценочные признаки состава преступления, описанного в законе, относится к процессу квалификации преступлений и выходит за рамки толкования.

Эволютивное толкование наделяет судебную власть несвойственными ей в романо-германской правовой системе функциями – регламентацией уголовно-правовых отношений, что снижает гарантии принципа законности, предсказуемости и определенности уголовного закона и также недопустимо при судебном толковании уголовного закона. При этом эволютивное толкование следует отличать от практики пересмотра Верховным Судом РФ своих правовых позиций, поскольку в этом случае правоприменитель не стремится облечь новые общественные явления в правовую форму, используя известный ему законодательный материал, а меняет свою оценку уже урегулированных правовыми нормами общественных отношений.

§ 4. Толкование уголовного закона по объему

Использование тех или иных приемов толкования должно привести интерпретатора к выводу о содержании уголовно-правовой нормы. Данный вывод (или же результат толкования) позволяет определить самостоятельный критерий для выделения видов толкования – объем. В зависимости от того, как соотносится выявленный смысл и текст закона, выделяют буквальное, ограничительное и расширительное толкование.

Буквальное толкование (называемое иногда строгим) предполагает толкование закона в точном соответствии с его буквой, когда мысль законодателя и ее словесная форма полностью совпадают. *Ограничительное* толкование наделяет уголовно-правовую норму более узким смыслом по сравнению с тем, который следует из текста закона. *Расширительное* толкование, напротив, означает допустимость применения положений уголовного закона к случаям, прямо не предусмотренным в тексте УК РФ³⁰⁰. При этом в научной литературе встречается указание на «распространительное» толкование,

---

³⁰⁰ Морозов Б.П. Указ. соч. С. 124.

которое одними авторами используется в качестве синонима расширительного³⁰¹, а другими ему противопоставляется³⁰².

Так, М.Д. Шаргородский в своей работе приводил директивное письмо Верховного Суда и Прокуратуры СССР от 21 июня 1935 г., которым предписывалось «не допускать привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности в порядке расширительного толкования закона от 7 апреля 1935 г.»³⁰³.

В условиях аналогии уголовного закона расширительное толкование могло рассматриваться как допустимое. Так, М.Д. Шаргородский критиковал С.А. Голунского и М.С. Стrogовича, которые в учебнике по теории государства и права указали, что «расширить применение закона, т.е. выйти за пределы его текста, ни суд, ни какие другие органы не могут, так как это означало бы нарушение закона»³⁰⁴. По мнению профессора М.Д. Шаргородского, с логикой авторов согласиться трудно: «почему суд, который вправе рассмотреть вопрос, вообще не предусмотренный волей законодателя, не может расширительно толковать закон в рамках воли законодателя!?».

Однако, как известно, после запрета аналогии уголовного закона в связи с принятием Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., расширительное толкование в его прежнем понимании (как меняющего объем уголовно-правовой нормы) не допускается.

Отметим, что в рамках данного диссертационного исследования расширительное и распространительное толкования понимаются как синонимичные³⁰⁵. Анализ судебной практики не позволил обнаружить решений, в которых бы прослеживалось подобное разграничение. Более того, в некоторых случаях правоприменитель также употребляет данные термины как синонимы, указывая, например, что «при квалификации деяний

³⁰¹ См., напр.: Шаргородский М.Д. Толкование уголовного закона // Ученые записки. Серия юридических наук. № 106. Выпуск 1. Л. 1948. С. 317–318; Сверчков В.В. Введение в уголовное право. Уголовный закон : учебник для вузов. М. : Издательство Юрайт, 2025. С.162.

³⁰² См., напр.: Брайнин Я.М. Указ. соч. С 238; Уголовный закон и преступление / под ред. Э.С. Тенчова. Иваново : ИвГУ, 1997. С. 39 (автор параграфа Э.Т. Борисов).

³⁰³ Шаргородский М.Д. Толкование уголовного закона // Ученые записки. Серия юридических наук. № 106. Выпуск 1. Л. 1948. С. 318.

³⁰⁴ Там же. С. 318

³⁰⁵ Противоположная точка зрения, противопоставляющая расширительное и распространительное толкование подробнее рассмотрена далее при анализе допустимости применения расширительного толкования и его ограничения от аналогии закона.

по статье, предусматривающей ответственность за незаконную банковскую деятельность, следует применять распространительное (расширительное) толкование этого термина»³⁰⁶.

Следует отметить, что наука уголовного права не смогла прийти к единому мнению по вопросу обоснованности выделения данной классификации. Сама мысль о том, что толковаться (и в дальнейшем применяться) будет то, что не соответствует тексту уголовного закона, рассматривалась рядом исследователей как попытка судебной власти примерить на себя роль законодателя или его «доверенного лица», знающего, что имел в виду автор. Подобное приравнивалось к произволу и не признавалось Н.А. Беляевым³⁰⁷, В.Н. Кудрявцевым³⁰⁸, В.М. Марчуком³⁰⁹, Б.С. Утевским³¹⁰, Б.В. Яцеленко³¹¹. Названные авторы говорили о том, что толкование должно быть только буквальным.

Другие авторы отмечали, что замысел законодателя и истинный смысл нормы могут быть шире или уже ее словесного выражения, что требует ограничительного или расширительного толкования закона. В том или ином виде данная мысль представлена в трудах А.В. Наумова³¹², Я.М. Брайнина³¹³, П.Е. Недбайло³¹⁴.

Наглядно иллюстрирует позицию сторонников данного подхода П.Е. Недбайло: «Действие нормы может быть распространено на новые факты, которые законодатель предвидел или мог предвидеть, но не отразил их в тексте закона»³¹⁵. Для подтверждения своих слов автор приводит пример, в котором Верховный Суд СССР осудил лицо за продажу обуви в комиссионном магазине, изготовленной кустарным способом, при том, что текстом уголовного закона запрещалась продажа данных предметов исключительно на рынке.

---

³⁰⁶ Решение Ленинского районного суда города Ставрополя от 24.02.2015 по делу № 2-980/2015 // СПС «Консультант Плюс».

³⁰⁷ Беляев Н.А. Уголовная политика и пути ее реализации. Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. С. 159.

³⁰⁸ Кудрявцев В.Н. Теоретические проблемы квалификации преступления // Тезисы докладов научной конференции на тему: «Проблемы советского уголовного права в период развернутого строительства коммунизма». Л. 1963. С. 22.

³⁰⁹ Марчук В.М. О так называемом распространительном и ограничительном толковании советских уголовных законов // Тезисы научных сообщений межвузовской научной конференции на тему: «Социалистическая законность, толкование и применение советских законов». Киев. 1961. С. 24–27.

³¹⁰ Утевский Б.С. XX съезд КПСС и задачи науки уголовного права // Социалистическая законность. 1956. № 9. С. 11.

³¹¹ Яцеленко Б.В. Принцип законности в уголовном праве и пределы судебного толкования // Материалы III Межвузовской научно-практической конференции. Современные проблемы уголовной политики. Краснодар. 2012. С. 92.

³¹² Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть : Курс лекций. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017. С. 304.

³¹³ Брайнин Я.М. Указ. соч. С. 232.

³¹⁴ Недбайло П.Е. Указ. соч. С. 436–438.

³¹⁵ Недбайло П.Е. Указ. соч. С. 438.

В теории уголовного права имеется и иная точка зрения, согласно которой критерием для распространительного или ограничительного толкования является не буква закона (его текст), а соотношение смыслов толкования каких-либо норм применительно друг к другу, в котором одна из норм может иметь более или менее широкое значение³¹⁶. Подобная позиция основывается на недопущении проникновения в каком бы то ни было виде «духа» закона в толкование его буквы, а тем более их противопоставления между собой.

Соответственно, если текст закона является единственным и достаточным объектом толкования, смысл уголовно-правовой нормы может быть заключен только в нем и не может выходить за рамки буквы ни «внутрь», ни «наружу». В случае если правовые положения выводятся не из существующих законодательных предписаний, а, например, из абстрактного смысла нормы, то такая деятельность не может считаться толкованием, а представляет собой правотворческую деятельность, поскольку толкование базируется на норме, которая толкуется, и его пределы ограничены тем смыслом, что закономерно из нее выводится.

Вместе с тем представляется, что и при традиционном подходе, признающем букву закона в качестве критерия для отнесения выводов интерпретации к одной из двух групп, в процесс толкования не проникает незримый дух закона. Данное утверждение, однако, требует своего уточнения.

Учитывая, что нормативный материал является опорой при толковании, возможности толкования уголовно-правовой нормы по объему и границы такого толкования можно прояснить с помощью логического правила подчинения понятий, соотносящихся друг с другом как род (подчиняющее) и вид (подчиняющееся)³¹⁷.

Представим, что в результате толкования интерпретатор пришел к выводу, что в той или иной норме законодатель под словом «соучастник» имел в виду слово «посоbник». Данные термины находятся в отношении подчинения (каждый пособник – это соучастник преступления, но не каждый соучастник преступления является пособником). Следовательно, термин пособник *уже*, он более ограничен. Поскольку видовое понятие (пособник) содержит в себе все признаки родового (соучастник), замена второго термина

---

³¹⁶ Яни П.С. Указ. соч. С. 61.

³¹⁷ Ивин А.А. Логика: Учеб. пособие для студентов вузов. М. : ООО «Издательство Оникс» : ООО «Издательство «Мир и Образование», 2008. С. 36.

на первый при толковании способно сохранить внутреннюю логику внутри системы уголовно-правовых норм, так как все те смыслы, которые связаны с пособником, не будут противоречить смыслам о соучастниках. Например, если в рамках ч. 1 или ч. 5 ст. 34 УК РФ под «соучастником» понимать «пособника», никаких системных противоречий при толковании выявлено не будет³¹⁸. Да, может обнаружиться действительная или мнимая неполнота закона, однако действующее положение не будет вступать в противоречие с другими законодательными положениями. В этом и видится сохранение внутренней логики закона.

При ограничительном толковании происходит именно такой процесс – от более распространенного и общего (родовое понятие или же «буквальный» смысл закона) интерпретатор приходит к более частному и специальному (видовое понятие или же «действительный» смысл закона). Такое сужение может происходить путем исключения из общего правила каких-либо отдельных случаев, либо, наоборот, с помощью указания на применение конкретного случая из множества других (что, впрочем, является одним и тем же логическим приемом).

Например, буквальное толкование смягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «г». ч. 1 ст. 61 УК РФ «Наличие детей у малолетнего», не дифференцирует условия применения нормы в зависимости от отношений между виновным лицом и его малолетними детьми, допуская в качестве общей модели правового регулирования несколько возможных ситуаций (родовой «буквальный» смысл). Ограничительное толкование, основанное на системном понимании ст. 6, ч. 3 ст. 60 и п. «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ, исключает из этого правила ситуацию, когда преступление совершается в отношении этих же детей или родителем, не участвующим в их воспитании и материальном содержании (вычленяется видовой «действительный» смысл)³¹⁹.

Таким образом, когда речь идет об объеме толкования, критерием сравнения может являться текст закона в виде некоего «неограненного» слова, т.е. не осложненного ни морфологическими, ни системными связями. Его буквальный смысл берется вне контекста, в котором слово употребляется. Когда грамматический и системный

---

³¹⁸ Поскольку данный пример условный, нет необходимости критически оценивать обоснованность подобной замены. В целом обоснованность определяется итогами грамматического и (или) системного анализа правовых положений, о чем далее будет сказано более подробно.

³¹⁹ См. Пункт 3 Обзора судебной практики ВС РФ за 1 квартал 2013 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 10; Пункт 4 Обзора судебной практики ВС РФ за 4 квартал 2009 г. // СПС «Консультант Плюс».

способы толкования корректируют объем явлений, подпадающих под это слово, оно уточняет свое значение в контексте нормативного предписания. При этом все смыслы остаются исключительно в тексте уголовного закона (а не в его духе) и из него извлекаются, хоть и с измененным под влиянием грамматического и системного способа толкования содержанием.

Приведем другой пример. Термин «лицо», взятый вне контекстуального значения, в ч. 2 ст. 35 УК РФ может означать как указание на человека или юридическое лицо, так и на часть тела, облик человека или переднюю сторону какого-либо предмета. Грамматическое толкование слов «участвовали лица» (с точки зрения логической связи между собой) позволяет ограничить возможный смысл указанием лишь на человека или юридическое лицо. Системный подход, отсылающий к понятию преступления, определяет, что речь о деянии лишь физического лица, а учет ст. 19, 24, 33 и ч. 1 ст. 35 УК РФ в итоге приводит к выводу о том, что под термином «лицо» уголовный закон в ч. 2 ст. 35 УК РФ понимает лишь субъекта преступления.

В научной литературе справедливо отмечается, что ограничительное толкование уголовного закона используется весьма часто³²⁰. Подобное обусловлено самой природой уголовно-правового регулирования, поскольку положения уголовного закона, как правило, устанавливают запреты и ограничения. При общем диспозитивном методе правового регулирования (разрешено все, что не запрещено) точные формулировки запретов становятся принципиально важной задачей, в связи с чем какие-либо сомнения при толковании ограничивают уголовную репрессию и трактуются в пользу виновного. Распространенность ограничительного толкования уголовного закона обусловлена также нормативным, а не казуальным характером законоположений. Зачастую отдельные исключения или специальные правила раскрываются в других нормах, которые, взятые в системном единстве, ограничивают объем первых.

Однако нельзя не отметить, что такое толкование не всегда «благо» для виновного. Правило может ужесточиться, если речь идет об ограничительном толковании какой-либо упрашивывающей или льготной для виновного нормы.

К примеру, в ч. 1 ст. 56 УК РФ предусмотрен запрет на назначение наказания в виде лишения свободы лицам, совершившим впервые преступление небольшой тяжести,

---

³²⁰ Энциклопедия уголовного права. Том 2. Уголовный закон. СПб. : Изд. проф. Малинина, 2005. С. 341.

при отсутствии отягчающих обстоятельств. Во взаимосвязи с положениями ст. 69 УК РФ, предусматривающими правила назначения наказания по совокупности преступлений, судебная практика истолковала этот запрет как не препятствующий в конечном итоге назначать итоговое наказание в виде лишения свободы, если другое преступление совершается не впервые или не является преступлением небольшой тяжести.

Данную позицию можно проследить в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2017)³²¹. Так, осужденной за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ, нижестоящий суд назначил наказание в виде лишения свободы, которое путем частичного сложения было присоединено к наказанию за совершение преступления, предусмотренного п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Верховный Суд отменил указанное решение, указывая, что в рамках ч. 1 ст. 109 УК РФ лишение свободы назначать было нельзя в силу ст. 56 УК РФ, затем Суд назначил осужденной исправительные работы, которые с учетом ст. 71 УК РФ перевел в лишение свободы и частично сложил с наказанием, назначенным по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Можно утверждать, что, назначая наказание по совокупности преступлений, суд назначает итоговое наказание как за одно, так и за другое преступление (в рассматриваемом случае это ч. 1 ст. 109 и п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ). При этом итоговое наказание в виде лишения свободы, разумеется, больше, чем тот срок наказания, который был назначен отдельно в рамках убийства. Следовательно, присоединенная часть наказания в виде, например, шести месяцев лишения свободы – есть не что иное, как учет наказания за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ. Таким образом, фактически суд назначает лишение свободы и за преступление небольшой тяжести, совершенное впервые, вопреки положениям ч. 1 ст. 56 УК РФ. Следовательно, рассматриваемое положение уголовного закона толкуется ограничительно, а именно «при отсутствии совокупности преступлений, предусмотренной ст. 69 УК РФ», что, соответственно, ухудшает положение виновного³²².

Необходимо отметить, что во всех вышеуказанных примерах ограничительное толкование опирается на системный анализ текста закона. Сформулированный вывод об объеме нормы представляет собой неизбежное логическое решение, базисом которому

³²¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017) (ред. от 26.04.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018 № 1–3.

³²² Современная практика идет по аналогичному пути. См., напр.: Кассационное постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.03.2024 по делу № 77–846/2024 // СПС «Консультант Плюс».

выступает системный анализ. Именно он определяет необходимость сужения и конкретизации буквального смысла.

Намного сложнее сделать аналогичный вывод в случае расширительного толкования уголовного закона. Как уже указывалось, оно необходимо в случаях, когда интерпретатор приходит к выводу, что действительное содержание нормы и её смысл шире, чем сам текст закона. Иными словами, закон подразумевает, что та или иная норма охватывает собой ряд ситуаций, возникающих внутри общественных отношений, однако из буквального прочтения закона этого не следует.

Вновь примеряя логическое правило подчинения понятий, отметим, что теперь при расширительном толковании буквальный смысл оказывается видовым (т.е. подчиняющимся) смыслом, а выявленный более широкий смысл выступает в качестве родового (подчиняющего) понятия. Однако, как уже указывалось, второй термин *шире* (ведь не каждый соучастник преступления является пособником).

Поскольку родовое понятие (соучастник) содержит в себе больше признаков, чем видовое понятие (пособник), замена второго термина на первый при толковании способно нарушить логику внутри системы уголовно-правовых норм, так как далеко не все смыслы, связанные с термином соучастник, будут соответствовать смыслам термина пособник. Например, если в рамках ч. 4 ст. 31 УК РФ под «пособником» понимать «соучастника», мы будем вынуждены констатировать прямое противоречие двух положений, указанных в ч. 4 ст. 31 УК РФ.

При расширительном толковании от частного и специального (видовое понятие или же «буквальный» смысл) интерпретатор должен прийти к более распространенному и общему (родовое понятие или же «действительный смысл»). Такое расширение происходит путем добавления к содержащемуся в норме смыслу нового объема. Но насколько бы он ни был похож на буквальный смысл, он будет содержать еще и иные признаки, изначально отсутствующие в видовом понятии. В рамках уголовного права этот объем расширяется за счет учета нового способа совершения преступления, предмета, субъекта преступления и др. По этой причине расширительное толкование не может опереться на приемы грамматического анализа, ведь оно должно выйти за его рамки и добавить новое значение в букву закона.

В данном контексте показателен подход, представленный в решении Ленинского районного суда г. Костромы, в котором суд истолковал положения п. «б» ч. 3 ст. 242

УК РФ³²³. Нами уже обращалось внимание на то, что в ряде случаев суды подменяли в решениях смысл данного квалифицирующего признака состава преступления, считая, что он охватывает любое использование сети «Интернет» для распространения запрещенных материалов. Однако данное судебное решение представляет интерес и с точки зрения изложенных в нем мотивов. Так, в приговоре указано следующее: «Для суда очевидно, что, конструируя рассматриваемый состав преступления, законодатель предусматривал уголовно-правовую защиту от массового распространения порнографических материалов и предметов, которое в сложившейся системе общественных правоотношений возможно как посредством средств массовой информации, так и посредством информационно-телекоммуникационных сетей в силу именно массового доступа как к первым, так и ко вторым».

Выявив, по его мнению, должный смысл правовой нормы в виде борьбы с массовым распространением порнографических материалов, Суд придал термину «массовость» статус родового. Видовыми терминами в этой связи выступили «СМИ», а также «сеть «Интернет», что и привело к ошибочному выводу об объеме уголовно-правовой нормы. В действительности же, родовым был термин «СМИ» по отношению к подчиненному признаку сеть «Интернет», на что указывал оборот «в том числе», представленный в толкуемой норме.

Однако, как уже говорилось, при попытке выйти на более общий уровень и выявить «родовое» понятие, расширительное толкование не опирается на грамматический смысл. И поскольку оно должно выйти за его рамки, расширительное толкование зачастую опирается лишь на догадки и предположения правоприменителя, иными словами, на его субъективное представление о правильном и логичном уголовном законе. В данном случае такой догадкой выступила мысль о намерении законодателя ужесточить ответственность за «массовость» распространения порнографических материалов. В результате подчиненный термин сеть «Интернет», который должен был обладать всеми свойствами родового термина – т.е. быть зарегистрированным в качестве СМИ, получил необоснованно широкую трактовку и стал пониматься как равноправный по отношению к СМИ термин.

---

³²³ Приговор Ленинского районного суда города Костромы от 11.05.2021 по делу № 1-104/2021 // СПС «Консультант Плюс».

Как представляется, сама природа уголовно-правового регулирования, требования формальной определенности и принцип законности говорят о том, что подобный подход при толковании недопустим. Его содержание не позволяет ограничить расширительное толкование от аналогии уголовного закона, которая, в силу прямого указания ч. 2 ст. 3 УК РФ, запрещена.

Вместе с тем в доктрине представлен ряд мнений уважаемых ученых, считающих что эти понятия различны. К примеру, одну из задач правильной квалификации преступлений Н.Ф. Кузнецова видела в том, чтобы не смешивать расширительное толкование уголовно-правовых норм с аналогией закона³²⁴.

В своем исследовании В.В. Хилюта также указывает, что: «принципиально важный момент состоит в том, что расширительное толкование уголовного закона мы должны отделять от аналогии права»³²⁵.

Различает также аналогию и расширительное толкование и В.Ф. Щепельков, который называет аналогию расширительным толкованием закона в целом и считает ее недопустимой, а под расширительным толкованием в узком смысле слова автор понимает допустимое толкование нормы в рамках ее системного смысла³²⁶.

В частности, в энциклопедии уголовного права указанным автором поддерживается позиция В. Г. Беляева по вопросу расширительного толкования положений ст. 302 УК РФ. Так, предлагается толковать диспозицию указанной статьи как охватывающую принуждение не только к даче показаний, но и к отказу от дачи показаний, однако обоснования данной позиции не приведено³²⁷. Вместе с тем дача показаний и отказ от дачи показаний – это разные с точки зрения уголовного процесса действия, влекущие различные уголовно-правовые последствия. Отказ от дачи показаний для свидетеля образует состав преступления, предусмотренный ст. 308 УК РФ (при условии, если рассматриваемый случай не подпадает под ст. 40 УК РФ «Физическое или психическое принуждение»), тогда как активная дача показаний наказуема лишь при ложности сообщенных сведений (ст. 307 УК РФ). Таким образом, как внешне, так и по своим

³²⁴ Кузнецова Н.Ф. Указ. соч. С. 76.

³²⁵ Хилюта В.В. Пределы автономности уголовного права // Lex Russica. 2019. № 4. С. 125.

³²⁶ Щепельков В.Ф. Уголовный закон как формально-логическая система. дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2003. С. 93; Щепельков В.Ф. Формально-логические основания толкования и аналогии уголовного закона : учеб. пособие. Волгоград : Волгогр. юрид. ин-т МВД России, 2000. С.16.

³²⁷ Энциклопедия уголовного права. Том 2. Уголовный закон. СПб. : Изд. проф. Малинина, 2005. С. 343; Беляев В.Г. Применение уголовного закона : учеб. пособие. Волгоград : ВЮИ, 1998. С. 15.

правовым последствиям, данные действия могут иметь существенные отличия, в связи с чем трудно определить основания для вывода о том, что законодатель предусмотрел и указанный случай.

В то же время ряд других исследователей не проводят принципиальных различий между расширительным толкованием и аналогией. В частности, авторами приводятся следующие высказывания: «аналогия есть способ толкования законодательства»³²⁸; «расширительное толкование можно определить как завуалированную форму реализации аналогии уголовного закона»³²⁹; «расширительное толкование это скрытая или явная аналогия»³³⁰; «установить критерий разграничения расширительного толкования и аналогии практически невозможно»³³¹.

По мнению В.Н. Кудрявцева, расширительное толкование – распространение нормы на действия, не предусмотренные законом в качестве преступных. Таким образом, применяется уголовно-правовая норма, которая не предусматривает данных случаев³³². Отметим, что это, по сути, и есть аналогия.

На первый взгляд, разграничение данных явлений представлено в позиции исследователей, которые разделяют расширительное и распространительное толкование.

Так, Я.М. Брайнин указывал, что расширительное толкование сближается с аналогией, поскольку распространяет уголовный закон на случаи, которые не охватываются действительным смыслом закона. Распространительное толкование, в свою очередь, данный смысл в себе сохраняет³³³. Аналогично утверждал А.С. Шляпochников, подчеркивая, что распространительное толкование является результатом точного уяснения воли законодателя, тогда как расширительное толкование представляет собой процесс создания новой уголовно-правовой нормы³³⁴. Опираясь на данный подход, можно разрешить указанное противоречие и считать расширительное толкование уголовного закона недопустимой аналогией, а распространительное – одним из способов толкования.

³²⁸ Эстрин А.Я. Аналогия (Ст. 10 Уголовного Кодекса) // Еженедельник Советской Юстиции. 1922. № 28. С. 2.

³²⁹ Епифанова Е.В. Аналогия в уголовном праве: история и современность // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 1 (5). С. 116.

³³⁰ Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. С. 184.

³³¹ Гусев А.М. Толкование закона и аналогия в уголовном праве: монография. М. : Юрлитинформ, 2019. С. 112.

³³² Кудрявцев В.Н. Указ. соч. С. 22–23.

³³³ Брайнин Я.М. Указ. соч. С. 238.

³³⁴ Шляпochников А.С. Указ. соч. С. 235.

Однако, как представляется, права Н.А. Лопашенко, которая указывает, что подобные различия имеют искусственный характер, а существующий спор строится вокруг терминов, но не сути понятий. Как отмечает автор, «остается неясно, кто же должен определять, имеет ли место в букве закона его действительный смысл или законодатель ошибся и действительный смысл гораздо шире, нежели буквальный»³³⁵. С точки зрения одних исследователей, это вопрос об отличиях распространительного и расширительного толкований, а с точки зрения других – вопрос о расширительном толковании и аналогии. При этом, если пользоваться той или иной терминологией, содержательное наполнение спора никак не изменяется. Таким образом, разделение расширительного и распространительного толкования не дает ответ на вопрос о существенном разграничении толкования и аналогии, а потому не поддерживается в настоящем диссертационном исследовании.

По нашему мнению, допустимость расширительного толкования должна определяться исключительно тем, на что опирается интерпретатор в своих выводах. В этой связи представляется возможным согласиться с Г.А. Кригером, который утверждал, что распространительное (или ограничительное) толкование может иметь место только при редакционной нечеткости и несовершенстве мысли законодателя, устранимой при помощи систематического толкования³³⁶. Таким образом, если расширение буквального смысла нормы основано на системном толковании уголовного закона, такое толкование допустимо. К примеру, назначение менее строгого наказания, чем предусмотрено соответствующей статьей Особенной части, может быть обусловлено применением правил, предусмотренных ст. 66 УК РФ для неоконченных преступлений. В таком случае положения ч. 2 ст. 60 УК РФ о возможности назначения менее строгого наказания в порядке, предусмотренном ст. 64 УК РФ, имеют не абсолютный характер и дополняются новым выявленным смыслом. В результате ч. 2 ст. 60 УК РФ толкуется расширительно. При этом никакой аналогии уголовного закона не применяется.

Однако, если интерпретатор опирается исключительно на свои предположения и представления о содержании уголовного закона (к примеру на его принципы, которые

---

³³⁵ Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс : в 10 т. / под ред. Н.А. Лопашенко. Уголовный закон. Законодательная техника. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 277 (автор параграфа Н.А. Лопашенко).

³³⁶ Кригер Г.А. О делении толкования на виды и так называемом распространительном и ограничительном толковании уголовных законов // Тезисы научных сообщений межвузовской научной конференции на тему: «Социалистическая законность, толкование и применение советских законов». Киев. 1961. С. 103–105

сами по себе редко формулируют конкретные правила в силу своего общего характера), подобную деятельность трудно разграничить с аналогией, поскольку в действительности отсутствуют системные основания для увеличения смыслового объема нормы. Подтверждение данной мысли можно обнаружить в позиции Е.В. Пейсиковой, которая утверждает, что условиями судебного активизма (т.е. правотворчества, а не толкования) являются нацеленность на реализацию задач и принципов уголовного закона, а также необходимость разрешения судом конкретных уголовно-правовых задач при рассмотрении уголовного дела в ситуации неясности, пробельности или противоречивости правовых норм³³⁷.

Как показал анализ судебной практики, суды в ряде случаев не разграничают расширительное толкование и аналогию, считая оба правовых явления недопустимыми.

К примеру, сотрудниками секретариата Конституционного Суда РФ в феврале 2022 г. была подготовлена специальная статья с обобщением конституционной практики. При анализе вопроса определенности уголовного закона авторами статьи со ссылками на решения Конституционного Суда указывается: «На протяжении многих лет судом последовательно раскрывался принцип формальной определенности уголовного закона, в рамках которого «исключена возможность расширительного толкования уголовного закона при его применении»³³⁸.

Интересной представляется позиция, выраженная в Постановлении от 27 мая 2008 г. № 8-П, в которой Конституционный Суд указал: «Уголовный закон не может толковаться при его применении расширительно, т.е. как распространяющийся на деяния, прямо им не запрещенные, не может применяться по аналогии»³³⁹. Таким образом, Конституционный Суд отнес одно понятие к уяснению закона, а другое к его применению, однако оба они признаны недопустимыми.

В решениях по конкретным делам также прослеживается негативное отношение к расширительному толкованию. Приведем ряд примеров.

---

³³⁷ Пейсикова Е.В. К вопросу о судебном правотворчестве (заметки на полях или неофициальная рецензия на книгу М.М. Бабаева, Ю.Е. Пудовочкина «Судебно-уголовная политика» // Сборник материалов X Международной научно-практической конференции. М. : РГУП. 2023. С. 259.

³³⁸ Конституционный Суд Российской Федерации: 30 лет на защите прав граждан. На примерах практики // Конституционный Суд Российской Федерации: официальный сайт. 2022 // СПС «Консультант Плюс».

³³⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» // СПС «Консультант Плюс».

Требование к обвиняемому загладить вред государству, помимо примирения с потерпевшим, по мнению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, является недопустимым расширительным толкованием положений ст. 76 УК РФ³⁴⁰.

Распространение действия положений ст. 80² УК РФ на виновного – участника специальной военной операции (СВО), получившего государственную награду, который при этом не был мобилизован и не заключал контракт с Вооруженными Силами РФ, – расширительное толкование норм материального уголовного права, а также применение уголовного закона по аналогии³⁴¹.

Указание в приговоре не одного, а нескольких муниципальных образований, за территорию которых запрещен выезд осужденному, – расширительное толкование и применение аналогии³⁴².

Расширительное толкование понятия «организация» в ст. 289 УК РФ «Незаконное участие в предпринимательской деятельности» за счет включения в него детальности в виде индивидуального предпринимательства является недопустимой аналогией³⁴³.

Толкование п. «а» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ, допускающего конфискацию денежных средств и другого имущества, принятых взяткополучателем (ст. 290 УК РФ), как предусматривающего конфискацию имущества, полученного лицом в качестве вознаграждения за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 291¹ УК РФ «Посредничество во взяточничестве» (не включенного в соответствующий перечень преступлений), является расширительным и недопустимым³⁴⁴.

Аналогичный довод о расширительном толковании указывается в решениях судов при ходатайствах стороны защиты о применении к подсудимым положений ч. 1 ст. 82 УК РФ в случае совершения преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 228 УК РФ³⁴⁵,

---

³⁴⁰ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.11.2023 по делу № 82-УДП23-10-К7 // СПС «Консультант Плюс».

³⁴¹ Приговор Ленинского районного суда города Нижнего Тагила от 02.07.2024 по делу № 1-237/2024 // СПС «Консультант Плюс».

³⁴² Постановление Одинцовского городского суда Московской области от 14.08.2019 по делу № 10-48/2019 // СПС «Консультант Плюс».

³⁴³ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.02.2022 по делу № 14-УД21-10-К1 // СПС «Консультант Плюс».

³⁴⁴ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 10.09.2024 по делу № 77-3124/2024 // СПС «Консультант Плюс».

³⁴⁵ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25.05.2023 по делу № 77-1777/2023 // СПС «Консультант Плюс».

ч. 1 ст. 232 УК РФ³⁴⁶ и ч. 1 ст. 228¹ УК РФ³⁴⁷ (отсутствующих в перечне преступлений, предусмотренном ч. 1 ст. 82 УК РФ).

В других же случаях правоприменитель, как представляется, выходит за букву уголовного закона, однако не именует это ни расширительным толкованием, ни тем более аналогией закона.

В отсутствие какого-либо нормативного предписания Пленум Верховного Суда указал, что *по смыслу* ст. 18 УК РФ, совершение одного особо тяжкого преступления при наличии осуждения лица ранее за тяжкое преступление к реальному лишению свободы образует опасный рецидив преступлений³⁴⁸. При этом ст. 18 УК РФ, в которой и определены виды рецидива, подобную ситуацию не предусматривает.

Анализ положений ст. 58 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что уголовный закон не предусматривает порядок определения вида исправительного учреждения при совершении лицом тяжкого преступления в случае, если ранее оно отбывало наказание в виде лишения свободы, но первое преступление не могло учитываться при определении рецидива (к примеру, если первое преступление относилось к категории небольшой тяжести или было совершено в несовершеннолетнем возрасте).

Верховный Суд на протяжении многих лет указывает, что в таких случаях вид исправительного учреждения должен быть общий, что вновь определено им *по смыслу закона*³⁴⁹. Примечательна и мотивировка суда: «Обязательным условием назначения исправительной колонии строгого режима является совершение преступления при рецидиве или опасном рецидиве преступлений». Однако то, что для определения колонии общего режима п. «б» ч. 2 ст. 58 УК РФ требует, чтобы виновный ранее не отбывал лишение свободы, Суд не прокомментировал.

В случае, если за совершение одного преступления, входящего в совокупность, виновному назначается пожизненное лишение свободы, окончательное наказание назначается со ссылкой на ч. 3 ст. 69 УК РФ, которая предусматривает правила частичного

---

³⁴⁶ Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 05.09.2023 по делу № 77-2659/2023 // СПС «Консультант Плюс».

³⁴⁷ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28.10.2021 по делу № 77-4000/2021 // СПС «Консультант Плюс».

³⁴⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

³⁴⁹ См., напр.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 11.04.2012 № 34-П12; Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 23.04.2014 № 27п14 // СПС «Консультант Плюс».

или полного сложения наказаний³⁵⁰. При этом очевидно, что пожизненное лишение свободы нельзя перевести в какую-либо «систему исчисления», чтобы прибавить к нему другое наказание. В итоге в подобных случаях термин «сложение» (частичное или полное) толкуется как «поглощение».

Представляется, что в указанных случаях суд усматривает системный пробел законодательства, который, считает необходимым преодолеть путем соответствующих разъяснений.

Действительно, анализ данных ситуаций показывает, что законодатель предусмотрел как более «мягкие» комбинации преступлений или видов рецидива, так и их более «строгие» вариации. Если конкретная ситуация не вписывается ни в одно из существующих правил, то, едва ли это должно означать, что такая ситуация намеренно исключена из уголовно-правового регулирования. Нами приводился пример, когда в течение двух лет после принятия действующего Уголовного кодекса отсутствовали правила назначения наказаний при совокупности преступлений определенных категорий. По всей видимости, и в этом и в остальных случаях суды искали выход, при котором удастся максимальным образом соблюсти как субъективные интересы виновных и потерпевших, так и публичные интересы общества и государства. Однако любое решение, опирающееся на *смысл* закона, который совершенно не выводится из его буквы или системы норм, – это не толкование закона.

Признавая безусловную *практическую* пользу от подобной деятельности судов, считаем недопустимым перекладывать ответственность за закрытие системных пробелов с законодателя на правоприменителя. Подобный запрет обусловлен прежде всего принципом разделения властей, а его реальное соблюдение не только укрепит баланс между законодательной и исполнительной властью, но и будет стимулировать законодателя к адекватному и в действительности своевременному процессу правотворчества без оглядки на суд, который при необходимости сам выявит и применит «смысл» закона.

Однако случаи отхода от буквы закона в сторону увеличения объема того или иного понятия обнаружены не только при подобных системных пробелах уголовного закона, наличие которых гипотетически еще можно допустить, несмотря на всю дискуссионность

---

³⁵⁰ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2015) (ред. от 26.04.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 9.

данного вопроса. Анализ правоприменительной практики говорит о том, что суды отходят от буквы закона и в иных случаях, когда взгляды судей на объемы криминализации не совпадают с результатами грамматического или системного толкования закона.

Вымогательство, предусмотренное ст. 163 УК РФ, содержит в себе закрытый перечень действий, угроза совершения которых может образовывать состав указанного преступления. Однако судебная практика знает и более широкий подход.

Впервые попытка расширить перечень вымогательских угроз была предпринята применительно к случаям снятия с автомобилей государственных регистрационных знаков и требований передачи денежных средств за их возвращение. Приговором Тушинского районного суда г. Москвы данные действия были квалифицированы как вымогательство³⁵¹. Таким образом, лишение права пользования имуществом оказалось расценено как угроза его уничтожения или повреждения.

Примечательно, что данный подход получал одобрение и в доктрине³⁵². Например, А.А. Щербаков указывал: «Вполне допустимо распространительное толкование [...] которое охватывало бы и похищение имущества и любые иные действия с ним, последствием которых стал бы выход имущества из ведения собственника или иного владельца на неопределенное продолжительное время»³⁵³. Таким образом, автор в качестве родового понятия определил «выход имущества из ведения», видовыми понятиями оказались «повреждение» или «уничтожение» имущества. Однако данный довод вновь основан лишь на предположении автора о том, что законодатель прямо не предусмотрел, но явно подразумевал. Поскольку видовые понятия уже родовых, не каждый случай выхода имущества из ведения собственника является следствием уничтожения или повреждения имущества, а грамматическое и системное толкование не дают оснований ставить знак равенства между указанными терминами. Следовательно, подобное решение представляло собой аналогию.

Показательно в этой связи, что в октябре 2013 г. в Государственную Думу РФ был внесен соответствующий законопроект об установлении уголовной ответственности

³⁵¹ Цит. по: Третьяк М.И. Неправомерное завладение регистрационным номером транспортного средства с целью получения денежного вознаграждения // Общество и право. № 3 (45). 2013. С. 132.

³⁵² Чечель Г.И., Третьяк М.И. Проблемы уголовно-правовой квалификации неправомерного завладения регистрационным номером транспортного средства с целью получения денежного вознаграждения // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 3. С. 133.

³⁵³ Щербаков А.А. Квалификация неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством с целью получения «вознаграждения» («выкупа») за возврат потерпевшему предмета завладения // Российский судья. 2007. № 11. С. 19.

за неправомерное завладение государственным регистрационным знаком транспортного средства (будущая ст. 325¹ УК РФ), который был принят в мае 2014 г. Согласно тексту пояснительной записки, а также стенограмме обсуждений законопроекта, данные действия не охватывались ст. 163 УК РФ, но требовали уголовно-правовой оценки, что лишь подтверждает приведенный ранее вывод об аналогии³⁵⁴.

Новые попытки расширить традиционное понимание вымогательских угроз предпринимаются уже на современном этапе. Так, масштабная цифровизация всех сфер жизни общества привела не только к удобству и комфорту граждан, но и обнажила уязвимость информационных систем перед кибератаками, что можно условно обозначить как «кибервымогательство». Общий принцип подобных атак заключается в том, что вирус блокирует доступ к отдельным файлам, требуя выкупить пароль или угрожая уничтожением части файлов каждый час, пока «хакер» не получит требуемое вознаграждение. Современная судебная практика демонстрирует робкие шаги к тому, чтобы оценивать данные действия как вымогательство в виде угрозы уничтожения имущества.

Так, кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции уголовное дело в отношении Дудникова Д.В., осужденного по ч. 4 ст. 272 УК РФ. Указанное лицо осуществило блокировку компьютерной информации на 17 серверах компании и требовало перевода в свою пользу имущества (биткоины) для ее разблокировки³⁵⁵. Верховный Суд указал, что угроза сохранения блокировки информации означала бы для компании потерю программного продукта (доступа к нему), а также необходимость восстановления баз данных обслуживаемых потерпевшим организаций. При этом Суд согласился с доводами кассационного представления о том, что «создание препятствий для доступа к ней (информации – прим. А.Л.) в совокупности с выдвинутым условием о снятии блокировки лишь в случае выполнения его требований имущественного характера, фактически является угрозой приведения информации в негодность для использования по назначению, то есть угрозой ее уничтожения».

---

³⁵⁴ Законопроект № 352918-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/352918-6> (дата обращения 05.05.2025).

³⁵⁵ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2023 по делу № 88-УДП23-7-К8 // СПС «Консультант Плюс».

На основании изложенного Верховный Суд недвусмысленно указал на наличие в действиях Дудникова Д.В. признаков состава преступления, предусмотренного ст. 163 УК РФ, и тем самым признал, что блокировка доступа к компьютерной информации означает уничтожение и повреждение компьютерных систем.

Согласиться с решением Верховного Суда сложно. Материальные носители в виде компьютеров или серверов никакому воздействию не подвергаются, а содержащаяся на них информация (даже если признавать ее имуществом в рамках ст. 163 УК РФ) не уничтожается и не повреждается. Ограничение в доступе можно сравнить с помещением имущества потерпевшего, например телефона, в сейф. Такое действие лишает собственника лишь одного из правомочий – пользования вещью в целях извлечения выгоды. Представляется, что в данном случае, как и при завладении государственными регистрационными знаками, суд признал за термином «невозможность использования имущества» статус родового. Однако, как уже указывалось, уничтожение или повреждение имущества – более специальные и узкие термины. В связи с чем подход суда оценивается как аналогия.

Однако данная позиция получает свое распространение. Так, Гагаринский районный суд Москвы в 2025 году рассматривал уголовное дело в отношении Жданова Н.А., совершившего аналогичные действия в отношении другой компании. Органы предварительного следствия квалифицировали его действия по ч. 4 ст. 272 УК РФ и п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ, что не вызвало никаких возражений у суда первой инстанции в ходе уже состоявшихся судебных заседаний.

Данные примеры – пока лишь «пробные шаги» судов. В обоих приведенных случаях производство по уголовному делу приостановлено по тем или иным причинам, а судами не вынесено окончательных решений, вступивших в законную силу, в которых виновные были бы осуждены за вымогательство. Однако уже сейчас позиция правоприменителя по рассматриваемому вопросу прослеживается достаточно четко.

Вместе с тем расширение объема правовой нормы по сравнению с ее буквальным смыслом можно обнаружить и в уже вступивших в законную силу судебных решениях. К примеру, в одном из уголовных дел суд квалифицировал действия виновных как хищение из нефтепродуктопровода по п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, в условиях

его совершения из конденсатопровода³⁵⁶. Довод, обосновывающий позицию суда, состоял в том, что «поскольку газовый конденсат стабильный по своим свойствам и характеристикам *приближен к свойствам и характеристикам нефтепродуктов*, действия осужденных правильно квалифицированы по признаку кражи, совершенной из нефтепродуктопровода». При этом возражения стороны защиты о том, что это разные виды трубопровода, а также ссылки на регулятивное законодательство, положения ГОСТа и национальные стандарты, суд не убедили. Апелляционная и кассационные инстанции также согласились с подобной квалификацией.

Несмотря на то, что примечание 1 к ст. 228 УК РФ четко определяет, что не может считаться добровольной выдача наркотических средств при задержании лица или при проведении следственных действий, направленных на их обнаружение и изъятие, суд указал, что прямой запрет существует как для следственных, *так и для процессуальных* действий³⁵⁷ (в рамках данного уголовного дела наркотик был выдан в рамках оперативно-розыскных мероприятий).

Толкование диспозиций ст. 174 и 174¹ УК РФ приводит к выводу о том, что виновный должен в обязательном порядке совершить несколько финансовых операций, а затем еще и другие сделки. Употребление слов во множественном числе через соединительный союз, казалось бы, не оставляет других вариантов толкования. Однако представления о целесообразности позволяют правоприменителю «от лица законодателя» заявить, что подобная норма не была бы эффективным инструментом в борьбе с отмыванием преступных доходов, поэтому совершение и одной операции может образовывать состав соответствующего преступления³⁵⁸. Данная позиция (за редкими исключениями)³⁵⁹ не вызывает у исследователей возражений, однако ее поддержка опирается в большей степени на представления о целесообразности и международно-правовых обязательствах и в меньшей степени на толкование буквы уголовного закона.

---

³⁵⁶ Апелляционное определение Томского областного суда от 16.03.2023 по делу № 22-60/2023 // СПС «Консультант Плюс».

³⁵⁷ Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 05.02.2025 по делу № 77-353/2025 // СПС «Консультант Плюс».

³⁵⁸ См. п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

³⁵⁹ См., напр.: Яцеленко Б.В., Шадрихина И.С. Противодействие использованию цифровой валюты в легализации (отмывании) денежных средств // Лоббирование в законодательстве. 2024. № 3. С. 61. Краюшкин А.А. Понятие финансовой операции как вида деятельности, образующей легализацию преступных доходов // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 10. С. 115.

В постановлении Пленума от 15 мая 2018 г. № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» Верховный Суд разъяснил, что решение об изменении категории преступления с тяжкого на преступление средней тяжести позволяет суду при наличии определенных оснований освободить осужденного от отбывания назначенного наказания в порядке и на основании ст. 75 и 76 УК РФ (п. 1)³⁶⁰. Однако изложенные в данных статьях нормы прямо предусматривают освобождение виновного лица от уголовной ответственности. Поскольку ч. 6 ст. 15 УК РФ требует вынесения обвинительного приговора суда, говорить об освобождении от уголовной ответственности не представляется возможным. В результате Верховный Суд в своем постановлении предусмотрел новые основания освобождения от наказания, отсутствующие в уголовном законе, не раскрыв правовые основания подобного решения. В доктрине уголовного права такой подход определен как аналогия уголовного закона, с чем следует согласиться³⁶¹.

Верховный Суд в постановлении Пленума от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» рекомендует нижестоящим судам квалифицировать действия виновного лица, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление в составе преступного сообщества, не только по ч. 2 ст. 210 УК РФ, но и по статье Особенной части Уголовного кодекса с учетом группового признака совершения преступления (п. 16)³⁶². Данное постановление также определяет, что действия лица, совершившего преступление в интересах преступного сообщества, хоть оно и не охватывалось умыслом других соучастников, должно быть квалифицировано по ст. 210 УК РФ, а также по соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса, предусматривающей ответственность за совершенное преступление (абз. 2 п. 20).

С учетом вышеуказанных положений Верховный Суд предлагает квалифицировать действия лица, единолично совершившего преступление в рамках эксцесса исполнителя в интересах преступного сообщества, как совершенные с учетом квалифицирующего группового признака при том, что в преступлении другие лица не участвовали, а умыслом

---

³⁶⁰ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 7.

³⁶¹ Крылова Н.Е., Костылева О.В. Изменение категории преступления на менее тяжкую: критический анализ правовых позиций Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Закон. 2018. № 10. С. 112.

³⁶² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8.

организатора преступного сообщества оно могло не охватываться. Более того, можно с легкостью допустить, что преступное сообщество, будучи созданным для совершения тяжких экономических преступлений, например мошенничества, никогда и не ставило перед собой задачу применения физического насилия к потерпевшим, что было осуществлено виновным. Однако «ложно понятые интересы» и действия даже во вред преступного сообщества все равно будут оценены как действия самого преступного сообщества.

Несмотря на то, что в п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ (совершение вымогательства в целях получения имущества в особо крупном размере) отсутствует указание на цель вымогательских требований в виде передачи потерпевшим права на имущество или совершения действий имущественного характера в особо крупном размере, Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» рекомендует квалифицировать рассматриваемые случаи по указанной норме (п. 15)³⁶³.

В результате правоприменительная практика пополняется весьма неоднозначными решениями. Так, согласно обстоятельствам уголовного дела, виновный требовал от потерпевшего отказаться от долговой расписки на сумму 19 500 000 руб. Первый кассационный суд общей юрисдикции признал законным приговор, в котором данные действия квалифицированы по п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ как «требование передачи права на имущество под угрозой применения насилия [...] в целях получения имущества в особо крупном размере»³⁶⁴. Примечательно, что суд указал одновременно на два предмета преступления, в отношении которых озвучивались требования вымогателя, при этом ни один из них не подпадает под «совершение действий имущественного характера», в действительности имевшего место в уголовном деле, и квалифицировал деяние по статье уголовного закона, предусматривающей в своей буквальной трактовке уголовную ответственность за вымогательство лишь имущества.

---

³⁶³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2

³⁶⁴ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14.01.2025 по делу № 77-28/2025, а также Апелляционное определение Московского областного суда от 06.06.2024 по делу № 22-3478/2024 // СПС «Консультант Плюс».

Согласно ст. 1 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»³⁶⁵ наркотические вещества – это вещества синтетического или естественного происхождения, препараты, включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации³⁶⁶. Однако постановление Пленума от 15 июня 2006 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» ориентирует суды учитывать решения Комиссии ООН о наркотических средствах об отнесении новых веществ и средств к наркотическим или психотропным, если это произошло уже после принятия Перечня (абз. 2 п. 1). В этой части Верховный Суд ссылается на обязательства, предусмотренные Конвенцией 1961 г. о наркотических средствах³⁶⁷, Конвенцией 1971 г. о психотропных веществах³⁶⁸ и Конвенцией 1988 г. об их прекурсорах³⁶⁹.

Однако анализ положений конвенций обнаруживает, что подписавшие их стороны, с учетом собственных конституционных ограничений, обязуются принимать необходимые «организационные и законодательные меры», чтобы выполнять положения той или иной конвенции. Таким образом, даже если какой-либо список, определенный соответствующей конвенцией, пополнится новым видом наркотического или психотропного вещества, Российская Федерация должна предпринять меры по его включению в Перечень, определяющий внутригосударственное правовое регулирование. Иными словами, все, что в Перечень не включено, не может именоваться в Российской Федерации наркотическим или психотропным веществом (за исключением прямо предусмотренных аналогов наркотических средств), а значит, в отношении их оборота неприменимы положения ст. 228, 228¹ УК РФ и др.

³⁶⁵ Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О наркотических средствах и психотропных веществах» // С3 РФ. 1998. № 2. Ст. 219.

³⁶⁶ Постановление Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 (ред. от 11.06.2025) «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» // С3 РФ. 1998. № 27. Ст. 3198.

³⁶⁷ Единая конвенция о наркотических средствах 1961 г. с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 г. о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г. // С3 РФ. 2000. № 22. Ст. 2269.

³⁶⁸ Конвенция о психотропных веществах (заключена в г. Вене 21.02.1971) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXV. М., 1981. С. 416–434.

³⁶⁹ Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (заключена в г. Вене 20.12.1988) // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Вып. XLVII. М., 1994. С. 133–157.

Непосредственное применение новых положений, основанное лишь на решениях Комиссии ООН по наркотическим средствам, на наш взгляд, нарушает правила системного толкования уголовного закона и игнорирует требования бланкетности. Положения ст. 228 УК РФ отсылают к Федеральному закону «О наркотических средствах и психотропных веществах», который в свою очередь делегирует Правительству РФ соответствующие нормотворческие полномочия по определению перечня и размера запрещенных к обороту веществ. И исключительно решения Правительства в данном случае должны определять объем преступного и наказуемого.

Во всех вышеуказанных случаях сфера применения той или иной нормы оказывается расширена, что распространяет ее содержание на отношения, самой нормой не предусмотренные. Мотивы, лежащие в основе подобных решений, заключаются в самостоятельной оценке судами границ «должной» криминализации, с чем трудно согласиться. По нашему мнению, подобная практика является аналогией, которая допускается как на уровне Верховного Суда, так и на уровне судов общей юрисдикции.

При этом для более точного понимания данного правового явления необходимо уточнить следующее. Под аналогией мы понимаем применение уголовно-правовой нормы к отношениям, *не урегулированным* действующим уголовным законом. В ситуации, когда судебные органы ошибочно (по мнению интерпретатора) применяют уголовное законодательство, квалифицируя, например, действия виновного лица по другой статье уголовного закона, говорить об аналогии некорректно. Основа данных рассуждений состоит в том, что при ошибках правоприменения не создается новых нормативных предписаний. Системный анализ при толковании смысла нормы также не позволяет обнаружить конфликт или двусмысленность правовых норм. Однако правоприменитель избирает подход, выходящий за рамки текста закона.

Именно в этой части ошибки и аналогия схожи между собой, поскольку в обоих случаях избранная правовая норма распространяет свой смысл на отношения, *ею* не предусмотренные. Однако при аналогии подобное расширение создает новые предписания, а при ошибке намеренно или случайно игнорирует уже существующие, что не всегда разделяется в научной литературе.

Так, С.Ф. Милюков отмечает, что квалификация в качестве разбоя или грабежа введения в целях хищения в организм потерпевшего наркотических средств является ярким примером аналогии в Особенной части Уголовного кодекса³⁷⁰.

Аналогично Д.А. Гарбатович указывает, что практика квалификации передачи (получения) взятки как оконченного преступления в соответствующем размере с момента передачи (получения) хотя бы части взятки, даже в случаях, когда такая часть самостоятельно не образует соответствующий размер, охватываемый умыслом виновного, является расширительным толкованием уголовного закона³⁷¹.

Квалификация действий виновного, совершившего преступление совместно с лицом, не подлежащим уголовной ответственности в силу недостижения возраста уголовной ответственности, в качестве соучастия в форме группы лиц по предварительному сговору оценивается М.В. Морозовым как аналогия³⁷².

По нашему мнению, указанные примеры не могут считаться аналогией, равно как и расширительным толкованием. Открытое насилие, применяемое к потерпевшему для тайного хищения имущества, не делает такое хищение грабежом. Однако ответственность за подобное деяние в зависимости от характера насилия уже предусмотрена ст. 158 или 162 УК РФ.

Размерный признак предмета взяточничества является объективным, а не субъективным, в связи с чем получение части взятки, не образующей соответствующий размер, видится более обоснованным квалифицировать как покушение на соответствующее преступление, если оно не было доведено до конца по независящим от лица обстоятельствам, что также выводится из содержания уже существующих положений ч. 3 ст. 30 УК РФ.

Вменение группового признака при совершении преступления в случаях, когда наряду с лицом, обладающим признаками субъекта, в его осуществлении принимает участие одно лишь малолетнее лицо, также следует расценить как судебную ошибку, поскольку малолетний, не обладающий важным свойством субъекта преступления – возрастом уголовной ответственности, не может «совершить» преступление

³⁷⁰ Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа : монография. СПб.: Знание, 2000. С. 41.

³⁷¹ Гарбатович Д.А. Проблемы квалификации получения взятки в крупном размере // Уголовное право. 2010. № 3. С. 32–33.

³⁷² Морозов М.В. Применение уголовного закона по аналогии // Общество: политика, экономика, право. 2020. №3 (80). С. 36.

ни самостоятельно, ни совместно с кем-либо. Следовательно, условия ст. 35 УК РФ и соучастия в целом, предполагающего «умышленное» (т.е. виновное) участие в совершении умышленного преступления (ст. 32 УК РФ), не выполняются³⁷³.

Подобных примеров можно привести большое множество. Соисполнительство в разбое или грабеже в форме подстраховки от обнаружения, признание взяточничества оконченным, в случае совершения указанного преступления в условиях оперативно-розыскной деятельности, вменение признака группы лиц по предварительному сговору в случае экипажа соисполнителя и дальнейшего присоединения других соучастников и др. Однако при оценке всех указанных случаев применим единый принцип: правоприменитель своим решением не создает новой нормы, закрывая «пробел» в правовом регулировании. Он не применяет аналогию, а допускает квалификационную ошибку, неверно устанавливая тождество между признаками деяния и его описанием в тексте уголовного закона. В обратном случае мы были бы вынуждены констатировать аналогию уголовного закона практически в каждом отмененном судебном решении, в котором была допущена ошибка применения уголовного закона.

Весьма показательной является позиция Верховного Суда, отраженная в постановлении Пленума от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», согласно которой, действия лица, вывозившего похищенное или подстраховывавшего других лиц от обнаружения совершающего преступления, должны быть квалифицированы как соисполнительство в краже, грабеже или разбое (п. 10). Очевидно, что вывоз не похищаемого, а уже похищенного имущества или подстраховка соучастников при открытом насильственном хищении не входят в объективную сторону разбоя, который окончен с момента нападения, и не могут образовывать соисполнительство³⁷⁴. Верховный Суд и сам называет данные действия непосредственным *содействием* преступлению, что подпадает под описание пособничества, предусмотренного ч. 5 ст. 33 УК РФ, однако делает выбор в пользу другой

³⁷³ Необходимо отметить, что уголовно-правовая оценка деяний, совершенных совместно с лицами, которые в силу возраста или невменяемости не могут нести уголовную ответственность, является предметом многолетней дискуссии в науке уголовного права. Так, в научной литературе представлена и альтернативная позиция, допускающая вменение группового признака совершения преступления в вину лицу, соответствующему всем признакам субъекта преступления, в случае его «соучастия с несубъектом». См., напр.: Клепицкий И.А. Участие невменяемого в совершении преступления // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 2. С. 135–140; Есаков Г.А., Рарог А.И. Понимание Верховным Судом РФ «группы лиц» соответствует принципу справедливости // Российская юстиция. 2002. № 1. С. 51–53.

³⁷⁴ Яцеленко Б.В. Институт соучастия в преступлении: некоторые вопросы доктринальной и судебной интерпретации // Российский следователь. 2024. № 1. С. 38.

квалификации. Заместитель Председателя Верховного Суда А.Е. Меркушов объяснил данный подход *смыслом* уголовного закона³⁷⁵.

Таким образом, Верховный Суд не создал новой нормы, поскольку описанные действия уже предусмотрены ч. 5 ст. 33 УК РФ, однако по-своему выявил *смысл* нормы, в котором нападение в целях хищения чужого имущества в своей объективной стороне содержит действия, не являющиеся ни нападением, ни хищением. В результате толкование уголовно-правовых норм, предусмотренных ч. 2 и 5 ст. 33 и ч. 1 ст. 162 УК РФ, претерпело существенные изменения.

В этой связи оба рассматриваемых случая (как предположительные ошибки, так и явная аналогия) представляют интерес в настоящем диссертационном исследовании, поскольку каждый из них не может считаться толкованием уголовного закона в контексте установления *действительного* или же *истинного* смысла правовой нормы. Однако данные правовые явления стоит разграничивать.

Завершая рассмотрение вопроса об объеме толкования уголовного закона, отметим основные выводы.

Буква закона является надлежащим критерием для отнесения выводов интерпретации к расширительному, ограничительному или буквальному толкованию уголовного закона в рамках классификации толкования уголовного закона по объему. Соотношение смыслов нормы, получаемых в результате грамматического и системного толкования закона, можно прояснить с помощью логического правила соотношения понятий друг с другом как род (подчиняющее) и вид (подчиняющееся).

Судебная практика демонстрирует отсутствие какой-либо определенности по вопросу допустимого объема толкования и правомерности применения аналогии. С одной стороны, суды демонстрируют подход, смешивающий расширительное толкование и аналогию уголовного закона и отрицающий возможность их применения. С другой стороны, суды активно выходят за рамки буквы закона, не считая это ни расширительным толкованием, ни аналогией и мотивируя свое решение смыслом уголовного закона в отсутствие системной связи уголовно-правовых норм друг с другом.

---

³⁷⁵ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ «Некоторые вопросы судебной практики по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 4. (составитель Заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации А.Е. Меркушов).

Расширительное толкование допустимо лишь в случае опоры интерпретатора на системное толкование уголовного закона. В ином случае толкование подменяется аналогией, при которой правоприменитель опирается на общий смысл уголовного закона или на его принципы. При этом аналогию следует отличать от судебной ошибки. В последнем случае правоприменитель не создает нового нормативного правила, а отдает предпочтение при квалификации деяния или назначении наказания верной (по мнению интерпретатора) уголовно-правовой норме.

ГЛАВА 3. РАЗЪЯСНЕНИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ТОЛКОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА СУДАМИ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ

§ 1. Формы осуществления Верховным Судом Российской Федерации разъяснения уголовного закона и их значение для судов общей юрисдикции

Роль правовых позиций Верховного Суда при отправлении правосудия судами общей юрисдикции в последние десятилетия заметно возросла. Существовавшие ранние редкие ссылки на позиции Суда сегодня встречаются в решениях судов различного уровня повсеместно, зачастую с прямым указанием на источник, из которого суд черпает то или иное толкование. Подобное обстоятельство свидетельствует как о повышении статуса Верховного Суда в системе органов государственной власти, так и об усилении практической значимости его разъяснений для судов, что требует отдельного анализа.

При раскрытии данного вопроса в первую очередь необходимо определиться с тем, какую именно деятельность Верховного Суда допустимо рассматривать с точки зрения ее влияния на правоприменительную практику. Как известно, Верховный Суд принимает постановления или определения при разрешении конкретных уголовных дел³⁷⁶. Кроме того, Пленум Верховного Суда РФ издает тематические постановления по различным вопросам уголовного права на основе обобщения судебной практики по конкретной категории уголовных дел³⁷⁷, Президиум Верховного Суда РФ утверждает и публикует обзоры судебной практики по уголовным делам, а также ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению тех или иных положений Уголовного кодекса³⁷⁸. Рассмотрим каждую из форм деятельности Верховного Суда в отдельности.

Пожалуй, наименее дискуссионным является вопрос о влиянии *постановлений Пленума Верховного Суда РФ* на толкование уголовного закона и формирование общей судебной практики в стране. Для этого законодатель прямо наделил Пленум соответствующими полномочиями, которые активно реализуются путем издания постановлений, содержащих в себе универсальные положения, разъясняющие уголовный закон.

---

³⁷⁶ Часть 1–3 ст. 2 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) «О Верховном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 550.

³⁷⁷ Пункт 1 ч. 3 ст. 5 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) «О Верховном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 550.

³⁷⁸ Пункт 7 ч. 1 ст. 7 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) «О Верховном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 550.

В рамках принимаемых постановлений Пленум Верховного Суда определяет общий смысл и назначение толкуемых им положений уголовного закона, конкретизирует обобщенные формулировки, раскрывает специальные термины и оценочные признаки, содержащиеся в уголовном законе, формулирует правила квалификации преступлений и разрешает возникающие коллизии.

Значение постановлений Пленума Верховного Суда для судебной практики переоценить трудно. На протяжении всего диссертационного исследования нами приводились многочисленные примеры, когда то или иное положение уголовного закона раскрывалось именно в таких постановлениях, что служило опорой для судов при отправлении ими правосудия. Таким образом, постановления Пленума Верховного Суда можно с уверенностью определить как один из наиболее важных элементов обеспечения единообразия правоприменения в стране.

Другой не менее важной формой деятельности Верховного Суда является публикация *ответов на вопросы, поступившие из судов*, по вопросам применения тех или иных положений уголовного закона (далее – «Ответы»).

Подобная форма деятельности Верховного Суда является относительно новой, ведь первые Ответы были утверждены только в 2012 г. На сегодняшний день Верховным Судом опубликовано пять Ответов, посвященных вопросам применения уголовного закона. При этом следует иметь в виду, что в отдельных случаях Верховный Суд публикует Ответы межотраслевого содержания, в которых, в том числе, представлены результаты толкования отдельных положений уголовного закона. Таковым, к примеру, является «Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1», в котором Суд разъяснил вопросы применения отдельных положений гражданского, административного и уголовного законодательства, а также законодательства о банкротстве³⁷⁹.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Суд публикует Ответы в максимально короткий срок после широкомасштабных законодательных изменений. Так, между добавлением в Уголовный кодекс нового основания освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76² УК РФ) в июле

---

³⁷⁹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 5.

2016 г. и принятием Ответов, связанных с данной законодательной новеллой в сентябре 2016 г., прошло чуть менее трех месяцев, а изменения ст. 236 УК РФ «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил» в апреле 2020 г. были проанализированы Верховным Судом в тот же месяц³⁸⁰.

Отмеченное определяет функциональное назначение рассматриваемых документов. Публикуя Ответы, Верховный Суд действует в порядке опережения, разъясняя последние законодательные изменения при отсутствии четкой практики их применения, тем самым Суд предотвращает потенциальную возможность появления судебных ошибок и противоречивых решений. Разумеется, содержание Ответов обусловлено наличием вопросов и затруднений у судов общей юрисдикции. Однако на данной стадии суды осуществляют лишь «первичное ознакомление» с новыми изменениями, тогда как в постановлениях Пленума Верховный Суд реагирует на уже сформированную судебную практику, корректируя или закрепляя общий вектор правоприменения.

Подчеркнем, что принятие Верховным Судом Ответов связано не с каждыми законодательными новеллами. Достаточно вспомнить частоту изменений Уголовного кодекса, вносимых законодателем ежегодно, чтобы в этом убедиться. Необходимость в Ответах обуславливается именно крупными изменениями уголовного закона, которые, как правило, затрагивают сразу несколько институтов уголовного права и требуют комплексного подхода для решения возникающих в правоприменении вопросов, как например, в случае введения нового вида наказания или изменения категоризации преступлений.

По своему содержанию Ответы (как и постановления Пленума) призваны отразить общие подходы к применению тех или иных положений Уголовного кодекса, безотносительно к обстоятельствам конкретного уголовного дела. При этом содержание Ответов представляет собой изложение специальных коллизионных правил, а также правил применения уголовно-правовых норм в нетипичных и сложных случаях. В качестве примеров можно привести запрет квалификации действий пособника во взяточничестве по ч. 3 ст. 33 и ст. 290 (291) УК РФ в случае, если размер взятки

---

³⁸⁰ Безусловно, в некоторых случаях Верховный Суд реагировал не столь оперативно и Ответы публиковались позже, однако в подобных случаях временной разрыв между законодательными изменениями и публикацией Ответов составлял не более одного года, что не противоречит утверждению о скорой реакции суда на изменения уголовного закона.

составляет менее 25 тысяч рублей, в силу приоритета специальной нормы³⁸¹; определение правил зачета срока содержания под стражей в срок лишения свободы с учетом ограничений, предусмотренных ч. 3.2 ст. 72 УК РФ, в случае назначения наказания при совокупности преступлений или приговоров и др.³⁸²

Учитывая, что большинство правовых позиций, сформулированных в Ответах, выводится путем глубокого уяснения смысла уголовного закона, апелляция к ним в тексте судебных решений представляется обоснованным шагом³⁸³. В этой связи широкое обращение судов общей юрисдикции к Ответам, их универсальный характер, раскрытие сложных уголовно-правовых вопросов, а также их утверждение Президиумом Верховного Суда РФ позволяют утверждать об их самостоятельном и существенном влиянии на правоприменительную практику.

Наиболее спорным в доктрине уголовного права является выделение так называемых *практикообразующих решений Верховного Суда РФ по конкретному уголовному делу* в качестве самостоятельной формы выражения толкования уголовного закона.

Безусловно, о влиянии правовых позиций можно говорить лишь в случае, когда тот или иной подход Верховного Суда формулирует универсальное правило, рассчитанное на многократное применение, и раскрывает смысл правовой нормы в виде общей модели правового регулирования. Иными словами, деятельность Верховного Суда должна быть направлена именно на разъяснение уголовного закона, а не на разрешение конкретного уголовного дела. В этом аспекте И.А. Клепицкий отмечает, что формы разъяснений Верховного Суда по вопросам судебной практики могут выражаться в постановлениях Пленума Верховного Суда и в обзорах практики, утверждаемых его Президиумом³⁸⁴. При этом данная позиция согласуется со взаимосвязанными положениями п. 1 ч. 7 ст. 2, п. 1 ч. 3 ст. 5 и п. 7 ч. 1 ст. 7 Федерального конституционного

---

³⁸¹ См. вопрос 2.4 «Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению Федеральных законов от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ-326-ФЗ, направленных на совершенствование уголовной ответственности за коррупционные преступления и преступления экономической направленности, а также оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности (вступили в силу с 15 июля 2016 года)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.09.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

³⁸² Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению положений статьи 72 УК РФ (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 31.07.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 1.

³⁸³ См., напр.: Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 05.11.2024 по делу № 77-3798/2024 // СПС «Консультант Плюс».

³⁸⁴ Клепицкий И.А. Обязательность разъяснений Верховного Суда Российской Федерации в уголовном праве // Lex russica. 2021. 74(6). С. 105.

закона «О Верховном Суде Российской Федерации», которые определяют, что функция разъяснения уголовного закона в целях обеспечения единообразного применения судебной практики возложена на Пленум Верховного Суда РФ³⁸⁵. Кроме того, говорить о каком-либо влиянии можно лишь в отношении сложившейся практики, т.е. если она характеризуется сформированностью и устойчивостью, что трудно вывести из единичного судебного решения.

Дополнительно в доктрине отмечается, что формулировка правовых позиций в рамках толкования уголовного закона в конкретном деле является неким «побочным продуктом», поскольку цель принимаемых судом решений состоит в разрешении индивидуальной правовой ситуации, оправлении правосудия и определении судьбы конкретного лица³⁸⁶. Отдельные исследователи прямо заявляют, что никакого обобщения судебной практики в конкретных решениях не происходит³⁸⁷, и какого-либо абстрактного вывода по итогам рассмотрения конкретного дела высшая судебная инстанция не дает³⁸⁸. Иными словами, выводы, сформулированные в конкретном уголовном деле, следует ограничивать лишь данным уголовным делом, что обуславливает влияние решений Верховного Суда на судебную практику лишь убедительностью изложенной позиции и общим авторитетом судебного органа. Подобные аргументы, на первый взгляд, свидетельствуют о том, что принятие решений по конкретным делам не следует рассматривать как одну из форм деятельности Верховного Суда, обеспечивающей единообразие судебной практики. Однако согласиться с этим сложно.

Несмотря на особый и целевой характер рассматриваемой деятельности, выводы, которые Верховный Суд формулирует в описательно-мотивированной части своих практикообразующих решений, зачастую обладают всеми признаками нормативности, то есть формулируют универсальное правило при толковании уголовного закона³⁸⁹.

---

³⁸⁵ Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) «О Верховном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 550.

³⁸⁶ Ображиев К.В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2015. С. 343.

³⁸⁷ Морозов Б.П. Правоприменительное толкование уголовного закона : монография. Новосибирск : НВИ ВВ, 2016. С. 89.

³⁸⁸ Малютин Н.С. Судебное толкование нормативных правовых актов в Российской Федерации : монография. М. : Юрлитинформ, 2018. С. 88.

³⁸⁹ См., напр.: Дробышева Е.Н. О правовых позициях Верховного Суда Российской Федерации: теоретический и практический аспекты // Юридическая наука и правоохранительная практика. 3 (45). 2018. С. 99. Отметим также, что в данном контексте под нормативностью понимается свойство разъяснения закона, которое распространяет разъяснение на широкий круг общественных отношений и характеризуется возможностью неоднократного применения. Иными словами, подобное толкование не ограничено одной конкретной правовой

Следует при этом учитывать существенные признаки, изложенные в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами», которыми должен обладать акт, разъясняющий закон, чтобы за ним можно было признать нормативные свойства, а именно: издание органами государственной власти, органами местного самоуправления, иными органами, уполномоченными организациями или должностными лицами, наличие в нем результатов толкования норм права, которые используются в качестве общеобязательных в правоприменительной деятельности в отношении неопределенного круга лиц³⁹⁰. Представляется, что практикообразующие решения Верховного Суда данным критериям соответствуют.

Так, нормативным, а не казуальным характером обладает толкование признака добровольности освобождения похищенного лица на основании примечания к ст. 126 УК РФ. Начиная с 1998 г., Верховный Суд указывал, что действия по освобождению нельзя расценивать как добровольные, если фактическое освобождение состоялось уже после выполнения условий, выдвинутых похитителями, когда их цель была достигнута и смысл дальнейшего удержания потерпевшего оказался утраченным³⁹¹.

В знаковом решении по делу Р. М. Гамзатова Верховный Суд сформулировал общее правило уголовно-правовой оценки действий виновных лиц при несовпадении отдельных признаков состава преступления у исполнителя преступления и «сложных» соучастников (в частности, организатора преступления)³⁹². Согласно обстоятельствам уголовного дела Р. М. Гамзатов организовал убийство своей бывшей жены с целью сокрытия ранее совершенных развратных действий в отношении ее несовершеннолетней дочери. При этом Р. М. Гамзатов не сообщил исполнителю преступления об истинных мотивах своих действий и сказал, что причиной убийства является якобы разгульный образ жизни потерпевшей. В судебном решении указано: «Нормы действующего уголовного закона не препятствуют квалификации действий соучастников и исполнителей преступления по разным статьям и разным частям одной и той же статьи Особенной части УК РФ

ситуацией, рассмотренной в тексте судебного решения. Подробнее об этом: Кучин М.В. Судебное нормотворчество: концептуальные основы : монография. М. : Изд-во Юрайт, 2024. С. 158–160.

³⁹⁰ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 2.

³⁹¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. № 6. С. 12–13.

³⁹² Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 29.03.2017 по делу № 27П17 // СПС «Консультант Плюс».

в зависимости, в том числе, от мотива их преступного поведения, от целей, которые они преследовали, участвуя в преступлении».

Показательно в этой связи влияние, которое оказала данная правовая позиция на судебную практику. Так, в одном случае суд путем дословного воспроизведения позиции Верховного Суда обосновал правомерность вменения в вину пособнику мошенничества квалифицирующего признака «с использованием служебного положения» в ситуации, когда в отношении исполнителей мошенничества данный признак не вменялся³⁹³. Более того, суд прямо привел реквизиты постановления Президиума Верховного Суда по делу Р. М. Гамзатова для подкрепления своего решения. Аналогичная ссылка содержится в кассационном определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции, в котором действия исполнителя были квалифицированы по ч. 1 ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями», а пособника по ч. 3 ст. 33 и ч. 2 ст. 285 УК РФ «Организация злоупотребления должностными полномочиями с совершенное лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации ...»³⁹⁴.

Сформулированная в деле Р. М. Гамзатова правовая позиция оказалась пригодной к применению в совершенно различных фактических обстоятельствах – при квалификации преступлений против личности, собственности и порядка управления, поскольку в ней оказались сформулированы общие правила оценки действий сложных соучастников. Данное обстоятельство подчеркивает универсальность этой правовой позиции, несмотря на то, что она представлена в решении по конкретному уголовному делу.

Таким образом, каких бы сугубо прикладных целей не стремился достичь Верховный Суд, осуществляя судопроизводство по конкретному уголовному делу, в описательно-мотивированной части его решений могут присутствовать разъяснения общего характера, которые, с одной стороны, применяются для разрешения конкретного уголовного дела, а с другой, имеют самостоятельное значение и определяют универсальное понимание положений уголовного закона.

---

³⁹³ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 06.09.2022 по делу № 77-2933/2022 // СПС «Консультант Плюс».

³⁹⁴ Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 12.12.2024 по делу № 77-4834/2024 // СПС «Консультант Плюс».

Отметим, что рассматриваемая позиция и раньше встречалась в судебной практике. Так, согласно обстоятельствам одного из уголовных дел, виновный организовал убийство прокурора в связи с расследованием последним уголовного дела, однако исполнители и второй организатор преступления действовали по найму. По мнению суда, «тот факт, что деяния остальных участников преступления квалифицированы судом по иным статьям, не может служить доказательством неверной квалификации его действий, поскольку [...] другие осужденные руководствовались иными мотивами убийства прокурора С., действуя по найму»³⁹⁵.

Как можно заметить, в приведенном случае универсальной правовой позиции судом сформулировано не было, поскольку представленное обоснование и выводы всецело относились к конкретному преступлению. Хотя из них и можно сделать собственное умозаключение о правилах квалификации, по всей видимости, для судебной практики этого оказалось недостаточно.

Отдельно следует отметить, что правовые позиции Верховного Суда, сформулированные в конкретном деле, неоднократно находили свое отражение в постановлениях его Пленума. К примеру, ограничение п. «г» ч 1. ст. 61 УК РФ «наличие малолетних детей у виновного» случаями, когда виновный имеет заботу о своих детях, было сформулировано Верховным Судом по конкретному уголовному делу³⁹⁶, и после закреплено в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания» (п. 8) (утратило силу)³⁹⁷. На сегодняшний день правило также остается актуальным.

Ограничение положений ч. 3 ст. 62 УК РФ лицами, которым в силу закона может быть назначено пожизненное лишение свободы (а не теми, кто совершил преступление, за которое данное наказание предусмотрено в статье Особенной части Уголовного кодекса, поскольку целому ряду лиц пожизненное лишение свободы не назначается), изначально было представлено в конкретных судебных решениях и лишь спустя время

---

³⁹⁵ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 26.01.2012 по делу № 66-О11-158СП // СПС «Консультант Плюс».

³⁹⁶ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 04.10.2006 по делу № 345п06 // СПС «Консультант Плюс».

³⁹⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 4.

получило отражение в тексте постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения наказания судами Российской Федерации» (п. 37)³⁹⁸.

В одном из уголовных дел Верховный Суд указал, что, поскольку целью виновного являлось не удержание потерпевшего, а совершение другого преступления (убийства), уголовная ответственность по ст. 126 УК РФ должна исключаться³⁹⁹. Спустя восемнадцать лет данный подход нашел свое закрепление в тексте соответствующего постановления Пленума Верховного Суда от 24 декабря 2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» (п. 10)⁴⁰⁰.

Присоединение к действиям соучастника, совершившего эксцесс исполнителя в виде применения насилия в отношении потерпевшего в рамках хищения, оценено Верховным Судом как присоединение к разбойному нападению за несколько лет до того, как Пленум Верховного Суда отразил эту ситуацию в своем постановлении от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (п. 14.1)⁴⁰¹.

Приведенные примеры, с одной стороны, подчеркивают, что постановления Пленума Верховного Суда – это некое обобщение судебной практики, а с другой, подтверждают универсальность правовых позиций Верховного Суда, сформулированных им по конкретному уголовному делу, и их применимость в любом ином деле со схожими фактическими обстоятельствами как при квалификации деяния, так и при назначении наказания.

Другой приведенный довод о том, что судебная практика должна быть *сформирована*, как представляется, не препятствует даже единичным решениям Верховного Суда определять дальнейшее правоприменение в стране.

Зачастую Верховный Суд вынужден давать уголовно-правовую оценку нетипичным и неоднозначным ситуациям, в то время как при квалификации преступлений, совершение которых не отличается «оригинальностью» с точки зрения юридической оценки, правоприменителю достаточно обратиться к положениям Уголовного кодекса. К примеру, нет необходимости обращаться к судебной практике Верховного Суда при квалификации

---

³⁹⁸ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 14.11.2007 по делу № 470-П07пр; Определение Верховного Суда РФ от 08.02.2011 по делу № 19-О11-7 // СПС «Консультант Плюс».

³⁹⁹ См. п. 1 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ от 04.07.2001 «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2001 года» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 10.

⁴⁰⁰ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 3.

⁴⁰¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 29.07.2009 по делу № 157-П09 // СПС «Консультант Плюс».

целенаправленного выстрела в голову потерпевшего с целью причинения ему смерти. В этой связи учет позиций Верховного Суда, в том числе представленных в конкретном решении, подразумевает недостаточность, по мнению правоприменителя, ссылки на действующее законодательство, а значит, рассматриваемая ситуация, предположительно, должна быть сложной и нетипичной.

По этой причине сформированность судебной практики следует определять не через количество однородных судебных решений, а через отсутствие иных альтернативных вариантов толкования того или иного положения уголовного закона после того, как Верховный Суд сформулировал свою правовую позицию.

Так, приведенное ранее понимание добровольности при освобождении похищенного лица в случаях достижения виновным своих целей, не встречает в судебной практике никаких иных вариантов толкования, а положения, сформулированные более двадцати лет назад, практически дословно воспроизводятся в судебных решениях⁴⁰².

Соразмерность действий, направленных на заглаживание вреда, причиненного преступлением, самому вреду или возмещение имущественного ущерба и морального вреда в полном объеме, как условия применения п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, определенные Верховным Судом по делу А.В. Руденко⁴⁰³, в дальнейшем получили широкое распространение в судебной практике. Каким-либо иным образом положения п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ на сегодняшний день не истолковываются. При этом, по данным СПС «КонсультантПлюс», более чем в 75 решениях судов содержится прямая ссылка к реквизитам данного судебного акта, необходимая, как представляется, для подкрепления судом собственного решения по делу.

При этом следует учитывать, что судебная практика несвободна от ошибок и неточностей при применении уголовного закона. Поэтому в случаях, когда та или иная позиция Верховного Суда, изложенная им по конкретному уголовному делу, игнорируется или опровергается иным судебным толкованием, подобное не свидетельствует о несформированности судебной практики.

---

⁴⁰² См., напр.: Апелляционное определение Московского городского суда от 25.11.2024 по делу № 10-20357/2024; Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 06.09.2024 по делу № 22-3904/2024; Приговор Ленинского районного суда города Магнитогорска от 21.12.2023 по делу № 1-350/2023; Приговор Новосибирского областного суда от 25.10.2022 по делу № 22-3780/2022 // СПС «Консультант Плюс».

⁴⁰³ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 28.10.2020 по делу № 131-П20 // СПС «Консультант Плюс».

Примечателен в этой связи приговор Тушинского районного суда Москвы, в котором суд прямо указал, что разъяснения Верховного Суда не подлежат буквальному толкованию. Установив, что потерпевшие воспринимали угрозы виновного и демонстрируемое им оружие как реальные (в действительности оружие было заведомо для виновного негодным), суд привел положения постановления Пленума Верховного Суда, рекомендующие квалифицировать указанные действия по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ, но предпочел квалификацию по ч. 2 ст. 213 УК РФ⁴⁰⁴. Данное решение не обжаловалось сторонами по делу и вступило в законную силу. При этом признать подход суда *очевидно* противоречащим уголовному закону или общепринятым доктринальным положениям нельзя, даже если формально судебное решение явно противоречит позиции Верховного Суда. Однако это вовсе не свидетельствует о том, что судебная практика по данному вопросу не сформирована. Подобное представляет собой ошибку суда общей юрисдикции, которая могла бы быть исправлена в случае обращения сторон в вышестоящие судебные инстанции.

Представляется, что соответствующий вывод можно сделать лишь в случае, если альтернативная позиция приводится в решении самого Верховного Суда, либо признается им законной при пересмотре решений нижестоящих судов. Пока Верховный Суд выдерживает единую линию, следует исходить из презумпции сформированности судебной практики.

К примеру, приведение потерпевшего в беспомощное состояние в процессе убийства исключает возможность квалификации действий виновного по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ «Убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно сопряженное с похищением человека», в рамках данного признака состава преступления, поскольку приведение потерпевшего в беспомощное состояние входит в объективную сторону убийства, и беспомощность как свойство потерпевшего не существовала до начала совершения преступления.

---

⁴⁰⁴ Приговор Тушинского районного суда города Москвы от 12.12.2024 по делу № 1-843/2024 // СПС «Консультант Плюс».

Об этом Верховный Суд заявил еще в 1998 г.⁴⁰⁵, и с того момента его позиция оставалась неизменной⁴⁰⁶.

Показательна также практика непризнания спящих лиц беспомощными при их убийстве. Еще в 2000 г. Верховный Суд указал, что сон не является беспомощным состоянием⁴⁰⁷ и с того момента последовательно либо поддерживал данный подход нижестоящих судов⁴⁰⁸, либо отменял решения, в которых суды отклонялись от указанной позиции⁴⁰⁹.

Таким образом, отсутствие со стороны Верховного Суда иной уголовно-правовой оценки аналогичных с юридической точки зрения обстоятельств, по сравнению с подходами, выработанными им же ранее, справедливо считать показателем сформированной и устойчивой судебной практики. Следовательно, наличие нормативного толкования уголовного закона, а также последовательная приверженность Верховного Суда избранной им позиции дают основания для вывода о том, что решения Верховного Суда по конкретным уголовным делам могут выполнять несвойственную им роль – обеспечивать единообразие судебной практики путем нормативного толкования уголовного закона, влияющего на правоприменение нижестоящих судов.

Следует, однако, иметь в виду, что сказанное выше в полной мере относится к решениям, принимаемым Президиумом Верховного Суда. Решения по конкретным делам Судебной коллегии по уголовным делам, как отмечалось и в доктрине, и в рамках конституционного нормоконтроля, не могут выражать позицию всего Верховного Суда как судебного органа, ввиду особенностей порядка формирования и работы судебных

---

⁴⁰⁵ Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации № 1040п98 по делу Гаврилова и Харченко (Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 1998 года) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 7.

⁴⁰⁶ См., напр.: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ «Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2006 год» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 12; Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018) (ред. от 26.12.2018) // СПС «Консультант Плюс».

⁴⁰⁷ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 11.08.1999 № 749п99 // СПС «Консультант Плюс». Однако ранее Верховный Суд РФ придерживался противоположного подхода и до указанного времени прошлую практику следовало считать сложившейся и учитывать при отправлении правосудия (См., напр.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 75-097-19 по делу Ревина (Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 1997 года) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 12).

⁴⁰⁸ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27.11.2018 по делу № 70-АПУ18-2 // СПС «Консультант Плюс».

⁴⁰⁹ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 13.04.2009 по делу № 44-О09-18; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23.06.2016 по делу № 7-УД16-1 // СПС «Консультант Плюс».

коллегий⁴¹⁰. Кроме того, решения судебных коллегий могут быть обжалованы в Президиум, за которым в конечном счете остается «последнее слово». С учетом этого решение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда по конкретному уголовному делу само по себе не может определять сформированность судебной практики.

Однако, если правовая позиция судебной коллегии содержится в обзоре судебной практики, то, на наш взгляд, подобное свидетельствует о некоем «визировании» Президиумом Верховного Суда толкования уголовного закона, сформулированного в конкретном решении по уголовному делу, поскольку именно Президиумом утверждаются соответствующие обзоры. В таком случае это решение отражает позицию всего Верховного Суда как высшей судебной инстанции, а его влияние становится равнозначным влиянию решения самого Президиума.

Переходя к анализу *обзоров судебной практики* по уголовным делам, отметим следующее. По существу, в них содержатся краткие выдержки из тех же решений по конкретным уголовным делам и выводы, сделанные судом в рамках индивидуальной правовой ситуации. Их аккумуляция в единый документ не наделяет сам обзор какими-либо самостоятельными свойствами, поскольку новые правовые позиции в нем не формулируются.

Наглядно демонстрирует данный довод следующее судебное решение. Как указал кассационный суд, в ситуации, при которой каждый из осужденных по заранее достигнутой договоренности убивает «своего» потерпевшего и не присоединяется к процессу убийства другой жертвы, их действия не могут быть квалифицированы по п. «а», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ. При этом суд подчеркнул, что «такая правовая позиция сформулирована в постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2002 г. № 776п02 [...] и опубликована в обзоре судебной практики Верховного Суда РФ за IV квартал 2002 г.»⁴¹¹.

---

⁴¹⁰ Дробышева Е.Н. О правовых позициях Верховного Суда Российской Федерации: теоретический и практический аспекты // Юридическая наука и правоохранительная практика. 3 (45). 2018. С. 100; Постановление Конституционного Суда РФ от 17.10.2017 № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д.А. Абрамова, В.А. Ветлугаева и других» // СПС «Консультант Плюс».

⁴¹¹ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19.12.2024 по делу № 7У-8923/2024 // СПС «Консультант Плюс».

Таким образом, обзор Верховного Суда можно представить в виде более удобного способа передачи правовой позиции высшей судебной инстанции всем судам общей юрисдикции, однако его основным смысловым содержанием остается сформулированное в рамках конкретного уголовного дела правило.

Отдельно следует отметить, что обращение в судебных решениях к обзорам судебной практики зачастую представляется не в полной мере обоснованным по той причине, что искомые положения уже содержатся в тексте уголовного закона и не требуют дополнительного подтверждения судебной практикой.

В частности, обоснование правомерности конфискации денежных средств в случае, когда совершенное виновным преступление прямо указано в п. «а» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ, не требует ссылки на обзор судебной практики и может ограничиться указанием на данную статью уголовного закона⁴¹².

Невозможность назначения наказания в виде лишения свободы лицу, совершившему преступление небольшой тяжести впервые при отсутствии отягчающих обстоятельств, прямо указана в ч. 1 ст. 56 УК РФ и также не требует дополнительных подтверждений в обзоре судебной практики Верховного Суда⁴¹³.

Отнесение малолетнего к категории беспомощных лиц в рамках убийства устанавливается путем грамматического толкования конструкции «или иного лица...», предусмотренной п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ⁴¹⁴.

Необходимость учета отягчающего обстоятельства в виде использования оружия исчерпывающее обосновывается наличием соответствующего п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ и не требует обращения к обзору судебной практики⁴¹⁵.

Трудно определить необходимость обращения суда к обзору практики Верховного Суда при выводе о том, что наличие у виновного лица умысла на лишение жизни является обязательным признаком субъективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 105 и 108 УК РФ⁴¹⁶.

---

⁴¹² Приговор Муравленковского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 22.08.2024 по делу № 1-66/2024 // СПС «Консультант Плюс».

⁴¹³ Приговор Московского районного суда города Чебоксары от 11.12.2023 по делу № 1-437/2023 // СПС «Консультант Плюс».

⁴¹⁴ Приговор Заволжского районного суда города Ярославля от 09.02.2024 по делу № 1-12/2024 // СПС «Консультант Плюс».

⁴¹⁵ Приговор Кондопожского городского суда Республики Карелия от 30.11.2023 по делу № 1-168/2023 // СПС «Консультант Плюс».

⁴¹⁶ Приговор Куйбышевского районного суда города Самары от 12.02.2024 по делу № 1-17/2024 // СПС «Консультант Плюс».

Характер действий осужденного, использование ножа и нанесение им ранений потерпевшим, в том числе в область жизненно важных органов, свидетельствуют об умысле осужденного на убийство, но вовсе не при учете соответствующего обзора судебной практики, на что указал суд в приговоре, а в связи с положениями ст. 25 УК РФ⁴¹⁷.

Сложно согласиться и с тем, что охват угрозы убийством (ст. 119 УК РФ) как словесных, так и несловесных угроз определен в соответствии с обзором судебной практики Верховного Суда, поскольку сами нормативные положения ст. 119 УК РФ не дают оснований для другого вывода⁴¹⁸.

Другую группу примеров составляют случаи обращений судов к Обзорам судебной практики, в которых дублируются положения действующих постановлений Пленума Верховного Суда. При такой ситуации обращение к обзору вновь выступает некой трансмиссией, поскольку в действительности суды обращались к правовой позиции, изложенной в постановлении Пленума.

К примеру, указание на обзор судебной практики не «подкрепляет» обоснованность квалификации хищения денежных средств путем оплаты товаров с помощью чужой банковской картой по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, поскольку данное правило уже было представлено в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (п. 25.1) на момент вынесения приговора⁴¹⁹.

Правило о том, что совершение особо тяжких преступлений при наличии у лица судимости за одно тяжкое преступление образует опасный рецидив, содержится в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. «№ 58 О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (абз. 2 п. 46), в связи с чем обращение к обзору судебной практики также представляется излишним⁴²⁰.

---

⁴¹⁷ Приговор Армянского городского суда Республики Крым от 17.05.2024 по делу № 1-19/2024 // СПС «Консультант Плюс».

⁴¹⁸ Приговор Барышского городского суда Ульяновской области от 05.09.2024 по делу № 1-92/2024; Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 06.08.2020 по делу № 77-1792/2020 // СПС «Консультант Плюс».

⁴¹⁹ Приговор Видновского городского суда Московской области от 04.03.2025 по делу № 1-641/2024; Приговор Вознесенского районного суда Нижегородской области от 31.03.2023 по делу № 1-8/2023 // СПС «Консультант Плюс».

⁴²⁰ Приговор Керченского городского суда Республики Крым от 08.02.2024 по делу № 1-43/2024; Приговор Советского районного суда города Махачкалы от 24.12.2024 по делу № 1-1054/2024 // СПС «Консультант Плюс».

Констатация состояния необходимой обороны в случае, когда защита последовала непосредственно за актом хотя и оконченного посягательства, но исходя из обстоятельств для обронявшегося лица не был ясен момент его окончания, и лицо ошибочно полагало, что посягательство продолжается, не требует обращения к обзору судебной практики, поскольку данная позиция дословно представлена в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» (п. 8)⁴²¹.

Аналогичным образом особенности возмещения ущерба в рамках ст. 76² УК РФ определены в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующие основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», и ссылка на обзор судебной практики новых положений в судебное решение не привносит (п. 2.1)⁴²².

Уточним, что само себе указание в решениях на обзоры судебной практики нельзя назвать ошибкой судов. В этой связи изложение данных примеров в настоящем исследовании не имеет своей целью как-либо опровергнуть законность судебного решения или полноту проведенной юридической оценки. Указанные примеры призваны подчеркнуть содержательное значение подобных ссылок, для определения влияния обзоров судебной практики Верховного Суда на судебное правоприменение. Как представляется, несмотря на то, что искомое нормативное правило уже содержится в тексте уголовного закона (порой даже напрямую) или разъясняется в постановлениях Пленума Верховного Суда, опираясь на обзоры судебной практики, суды стремятся повысить убедительность своих решений.

В своем исследовании А.М. Разогреева определила подобный подход судов как риторическое усиление своего решения, зачастую смещеннное в конец мотивировочной части текста судебного акта⁴²³. Иными словами, в данных случаях превалирует прагматика формы, а не прагматика содержания.

---

⁴²¹ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 08.12.2021 по делу № 77-6599/2021 // СПС «Консультант Плюс».

⁴²² Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 06.07.2022 по делу № 77-3249/2022 // СПС «Консультант Плюс».

⁴²³ Выступление А.М. Разогреевой на заседании круглого стола Клуба уголовного права «De lege lata» на тему: «Цитирование разъяснений Пленума Верховного Суда РФ в решениях судов по уголовным делам» от 03.04.2023 // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VlgPLRbJTIg> (дата обращения 05.05.2025).

Следовательно, говорить о самостоятельном влиянии обзоров судебной практики на правоприменительную практику в рассматриваемых ситуациях трудно. При этом отметим, что не исключены случаи, когда отдельная правовая позиция изначально была представлена в обзоре судебной практики и лишь после этого оказалась добавлена в качестве разъяснения в то или иное постановление Пленума Верховного Суда. Однако подобное не меняет роли обзоров, поскольку изначально такая позиция была сформулирована или поддержана Верховным Судом в конкретном уголовном деле.

Аналогичным образом можно охарактеризовать и Бюллетень Верховного Суда РФ, в котором содержатся порой не менее важные правовые позиции. Однако необходимо учитывать, что Бюллетень Верховного Суда не является самостоятельной формой правоприменительной деятельности, а представляет собой информационно-юридическое издание – печатный орган Верховного Суда, в котором в концентрированном виде представлены решения судебных коллегий или Президиума Верховного Суда. И именно указанные документы следует рассматривать с точки зрения их роли в правоприменительной практике судов.

Таким образом, по нашему мнению, говорить о реальном влиянии позиций Верховного Суда на судебную практику можно только в том случае, если они закреплены в постановлениях Пленума Верховного Суда по уголовным делам, в Ответах на вопросы судов по применению тех или иных положений Уголовного кодекса, в решениях Президиума Верховного Суда по конкретным уголовным делам, а также в решениях Судебной коллегии по уголовным делам, представленных в обзоре судебной практики. При этом с точки зрения эффекта, который оказывает Верховный Суд на правоприменительную практику, формы его деятельности целесообразно рассматривать вместе, не проводя между ними каких-либо различий, поскольку, как указывалось выше, во всех указанных случаях Суд формулирует *универсальные правоприменительные позиции*.

Определившись с внешними формами выражения, с помощью которых Верховный Суд своими правовыми позициями влияет на судебное правоприменение, следует рассмотреть вопрос о том, каковым это влияние является по своему характеру. В первую очередь следует остановиться на том, являются ли правовые позиции Верховного Суда обязательными для нижестоящих судов.

При ответе на данный вопрос следует согласиться с позицией А.В. Наумова, который утверждает, что обязательность следует определять не с нормативно-позитивистских, а с социологических позиций⁴²⁴. В этой связи пересмотр решений Верховным Судом в качестве суда высшей инстанции гарантирует обеспечение единообразия при толковании уголовного закона. Как отмечал С.И. Вильнянский, при отмене судебного решения суд делает ссылку на уголовный закон, но в том истолковании, в каком эта инстанция его понимает и применяет на практике⁴²⁵. При этом, как неоднократно отмечалось в настоящем диссертационном исследовании, стремясь «усилить» свои решения, суды часто приводят сформулированные Верховным Судом позиции, как с указанием источника, так и представляя их как собственное толкование уголовного закона. При этом не имеет значения, раскрывает, дополняет или изменяет ли в действительности соответствующая позиция Верховного Суда смысл уголовно-правовой нормы, заложенной в тексте закона.

Будучи Председателем Верховного Суда РФ, В.М. Лебедев в предисловии к Комментарию к постановлениям Пленума Верховного Суда РФ указывал: «Для судей судов общей юрисдикции вопрос об обязательности разъяснений Пленума Верховного Суда РФ никогда не ставился под сомнение в практической деятельности»⁴²⁶. Позиция автора при этом основывалась на взаимодополнении текста разъяснений и закона, а не их противопоставлении, поскольку одно лишь раскрывает смысл другого, а, следовательно, суды все еще руководствуются только законом, но в его определенном понимании.

Показательны статистические данные тематических исследований. Если в 2002 г. опрос 150 научных и практических работников показал, что 40% опрашиваемых лиц однозначно признавали за постановлениями Пленума Верховного Суда обязательную силу⁴²⁷, то в 2015 г. данный процент ощутимо вырос. Из 489 опрашиваемых обязательную

⁴²⁴ Наумов А.В. О судебном толковании уголовного закона (в связи с юридической природой постановлений Пленума Верховного Суда РФ) // Уголовная ответственность и проблемы исполнения уголовных наказаний. Сборник научных трудов. 2009. С. 43.

⁴²⁵ Вильнянский С.И. Значение судебной практики в гражданском праве // Ученые записки. Ученые труды ВИОН. 1947. Вып. 9. С. 241.

⁴²⁶ Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам; под общ. ред. В.М. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. М. : НОРМА, 2014. С. 4.

⁴²⁷ Мадьярова А.В. Место и роль разъяснений Верховного Суда Российской Федерации в механизме уголовно-правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2001. С. 34.

силу признали 68% опрашиваемых, при этом подавляющее большинство из этой группы составляли практические работники⁴²⁸.

Отметим также, что при разработке проекта Конституции РФ, а именно ст. 126, большинство разработчиков проекта, представляющих собой судей, членов администрации Президента РФ и Правительства РФ, настаивало на том, что на практике постановления Пленума Верховного Суда воспринимаются как обладающие обязательной юридической силой независимо от того, отражено это в Конституции или нет.⁴²⁹ Судья Конституционного Суда РФ Ю.Д. Рудкин высказал мнение, с которым согласился Председатель Конституционного совещания, что на практике право прецедента (включая постановления Пленума Верховного Суда) существует, несмотря на то, что оно не закреплено в Конституции⁴³⁰.

При этом следует учитывать, что в доктрине отсутствует единый подход к пониманию данного термина. В одном случае из его содержания исключаются все акты, связанные с правоприменительной функцией суда⁴³¹, в другом, напротив, исключаются все акты общего характера⁴³². С позиции настоящего исследования нам близка точка зрения А.В. Наумова и Дж. Флетчера, которые говорили о прецеденте толкования и рассматривали его с точки зрения содержания, а не своей внешней формы⁴³³. В этой связи под прецедентом толкования мы понимаем конкретную правовую позицию Верховного Суда, сформулированную в результате толкования уголовного закона и нацеленную на многократное применение в аналогичных случаях, безотносительно к тому, в решении по конкретному делу или в постановлении Пленума она представлена.

Учитывая вышеизложенное, а также множество приведенных в диссертационном исследовании примеров толкования уголовного закона высшей судебной инстанцией,

---

⁴²⁸ Ображиев К.В. Указ. соч. С. 575.

⁴²⁹ Конституционное совещание: стенограммы, материалы, документы. 29 апреля – 10 ноября 1993 г. М. : Юридическая литература : издание Администрации Президента Российской Федерации, 1995. Т. 11. С. 44.

⁴³⁰ Там же. С. 49. Здесь стоит оговориться, что мы не склонны относить деятельность Пленума Верховного Суда РФ к созданию прецедентов в его классическом понимании, поскольку в издаваемых документах содержится обобщение судебной практики, а не мотивировка решения по конкретному делу. В этой связи высказывание Ю.Д. Рудкина воспринимается как указание на «прецедент толкования». Однако указанное не меняет общий смысл приведенной позиции.

⁴³¹ См., напр.: Яцеленко Б.В. Уголовно-правовая природа усмотрения // Уголовное право. 2024. № 3 С. 56; Тонков Е.Н. Английский прецедент и российский прецедент толкования: соотношение феноменов // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 10. С. 31.

⁴³² См., напр.: Рарог А.И. Правовое значение разъяснений Пленума Верховного суда РФ // Государство и право. 2001. № 2. С. 51; Жинкин А.А. Судебный прецедент в уголовном праве России // Общество: политика, экономика, право. № 11. 2016. С. 148.

⁴³³ Наумов А.В., Флетчер Дж. Основные концепции современного уголовного права. М. : Юристъ, 1998. С. 229–231.

можно заключить, что фактически правовые позиции Верховного Суда являются обязательными для нижестоящих судов и могут представлять собой прецедент толкования той или иной уголовно-правовой нормы.

Рассуждая об обязательности и универсальности правовых позиций Верховного Суда, нельзя оставить без внимания вопрос о допустимости признания тех или иных актов высшего судебного органа источниками уголовного права.

Сформулированные в настоящем исследовании положения не призваны легитимизировать правовые позиции Верховного Суда, которые не в полной мере вытекают из текста уголовного закона. Прецедент толкования не должен создавать новые правовые нормы, а может лишь разъяснить уже существующие положения уголовного закона. В этой связи, если грамматическое или системное толкование уголовного закона не позволяют прийти к выводу, сформулированному Верховным Судом, такой вывод не должен применяться, и, если он представлен в постановлении Пленума Верховного Суда, соответствующее разъяснение должно быть исключено.

Вместе с тем трудно не согласиться с позицией К.В. Ображиева, который заявляет, что отрицать нормотворческий характер значительного числа постановлений Пленума Верховного Суда – значит не видеть реального положения вещей⁴³⁴. В своем диссертационном исследовании автор приводит обстоятельные аргументы и многочисленные примеры, свидетельствующие об обязательном и нормативном характере постановлений Пленума Верховного Суда, что позволяет, по мнению автора, относить их к формально-юридическим источникам уголовного закона.

В то же время, согласно заключению Диссертационного совета, такие авторитетные специалисты, как А.И. Рарог, В.М. Хомич, Л.Л. Кругликов, О.В. Ведерникова, А.П. Кузнецов, Н.А. Лопашенко и А.Л. Иванов, выражали частичное или полное несогласие с позицией диссертанта по данному вопросу⁴³⁵.

---

⁴³⁴ Ображиев К.В. Указ. соч. С. 321.

⁴³⁵ Заключение Диссертационного совета Д.170.001.02 на базе Федерального Государственного Казенного Образовательного Учреждения Высшего Профессионального Образования «Академия Генеральной Прокуратуры Российской Федерации» по Диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук о присуждении Ображиеву Константину Викторовичу, гражданину Российской Федерации, ученой степени доктора юридических наук // URL: https://agprf.org/userfiles/ufiles/dis_sovet/diss/2015/obragiev/zakluchenie-dissoveta.pdf (дата обращения 04.04.2025).

Развившаяся еще в середине прошлого века дискуссия и сегодня не претерпела значительных изменений в своем содержании⁴³⁶. Представляется, что причиной, по которой исследователи не могут прийти к единому мнению, является различие в изначальных подходах к решению вопроса, а именно: какие основания – фактические или юридические – следует оценивать для признания позиций Верховного Суда источником уголовного права. Иными словами, акцент вновь делается либо на форме, либо на содержании предмета исследования.

Действительно, принцип разделения властей и подчиненность судей только закону формально являются серьезными препятствиями для расширения источников уголовного права. Опираясь на данные положения и анализируя действующее на тот момент законодательство, А.С. Шляпочников прямо заявлял, что Верховный Суд не наделен полномочиями по правотворчеству⁴³⁷. В современных работах, по существу, представлены аналогичные доводы⁴³⁸.

Следует согласиться с теми авторами, которые указывают, что вопрос об указаниях высшего судебного органа страны как об источнике уголовного права с юридической точки зрения несостоителен⁴³⁹. Ни в середине 50-х годов прошлого века, ни на современном этапе развития правовой системы, роль суда как правотворца нормативно закреплена не была, хотя на уровне законодательных инициатив подобные предложения были⁴⁴⁰.

На практике же Верховный Суд РФ неоднократно издавал спорные и неоднозначные разъяснения, что позволяло и позволяет ставить вопрос об их нормотворческом характере. Примечательно, что об этой проблеме говорили

⁴³⁶ Исаев М.М. Судебная практика Пленума Верховного Суда СССР как источник советского уголовного права // Ученые записки. Ученые записки ВИЮН. 1947. Вып. 5. С. 75–79.

⁴³⁷ Шляпочников А.С. Указ. соч. С. 33–35.

⁴³⁸ См., напр.: Султанов Р.А. О правовой определенности и судебном нормотворчестве // Российская юстиция. 2006. № 3. С. 37; Малюшин А.А. Полномочия судов в области толкования и охраны Конституции РФ // Российский судья. 2009. № 2. С. 8; Анишина В.И. Основы судебной власти и правосудия в РФ: Курс лекций. М. : Эксмо, 2008. С. 148; Загайнова С.К. Судебный прецедент: проблемы правоприменения. М. : Норма, 2002. С. 136, 154.

⁴³⁹ Шульга И.В. Понятие и виды правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации : вопросы теории : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 150.

⁴⁴⁰ Изначальный текст законопроекта № 1024643–7 «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» содержал в себе указание на то, что в случае принятия Конституционным Судом РФ постановления в рамках негативного законотворчества, либо признающего норму несоответствующей Конституции РФ, Верховный Суд РФ в целях *устранения пробела или противоречий в правовом регулировании* не позднее двух месяцев с указанного события должен дать разъяснения по вопросам судебной практики // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1024643-7> (дата обращения 21.05.2025). В доктрине данное предложение оценено как юридическое признание постановлений Пленума Верховного Суда РФ источниками права, в т.ч. уголовного. (Калиновский Б.К. Постановление Пленума ВС РФ будет признано источником права // Уголовный процесс. № 11. 2020. С. 9)

еще в 60-е годы прошлого столетия: «В тех случаях, когда в прошлом Пленум Верховного Суда СССР в своих руководящих указаниях выходил за рамки закона и брал на себя миссию дополнять в той или иной мере закон, он поступал явно неправильно»⁴⁴¹.

Некоторый спад интереса к данной теме в середине прошлого столетия, как представляется, можно объяснить известными итогами научной конференции, проводимой в Ленинграде в 1963 г., на которой, как указывается в литературе, «М.Д. Шаргородский в своем докладе «осмелился» покритиковать тогдашний Верховный Суд Союза ССР за то, что он вместо того, чтобы неукоснительно следовать предписаниям закона, иногда становится на путь нормотворчества», что вызвало негативную реакцию со стороны государственной власти и оказало охлаждающий эффект на интерес к данной теме⁴⁴². Однако спустя более шестидесяти лет ситуация не изменилась, и именно неоднозначные позиции Верховного Суда РФ раз за разом актуализируют данную дискуссию⁴⁴³.

Вместе с тем для целей настоящего диссертационного исследования ключевым является определение единого и обязательного к применению судами варианта толкования уголовного закона, а не теоретический спор о его формальных источниках. В этой связи признание или непризнание таковыми, к примеру, постановлений Пленума Верховного Суда, сущностно не меняет практическое значение сформулированных в нем правовых позиций и их обязательность для нижестоящих судов по причинам, указанным ранее.

При этом непризнание за ними официального статуса источника уголовного права не препятствует их проверке на соответствие уголовному закону, вопреки встречающемуся в литературе мнению⁴⁴⁴.

Как отмечает А.В. Елинский, на сегодняшний день позиция Конституционного Суда РФ состоит в том, что жалобы на нарушение конституционных прав граждан постановлениями Пленума Верховного Суда РФ не относится к его компетенции,

⁴⁴¹ Ромашкин П., Кличко И. Актуальные вопросы юридической науки // Газета «Правда». № 67. 8 марта 1957. С. 4. // URL: https://marxism-leninism.info/paper/pravda_1957_67-6138 (дата обращения 21.05.2025).

⁴⁴² Шаргородский М.Д. Избранные труды. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. С. 26. (Сост. и предисл. Б.В. Волженкин).

⁴⁴³ См., напр.: Яцеленко Б.В. Судебный прецедент в системе российского уголовного права // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2012. № 6. С. 6-12.

⁴⁴⁴ Сугаипов А.С-Э. Постановления пленума Верховного Суда Российской Федерации: источник уголовного права или разъяснение? // Контентус, 2019. № 10 (87). С. 56; Ображиев К.В. Указ. соч. С. 340.

определенной ч. 4 ст. 125 Конституции РФ⁴⁴⁵. Названный автор писал эти строки в 2011 г. и сделал оговорку, что не исключает изменение позиции Конституционного Суда в будущем. Однако и на сегодняшний день Конституционный Суд учитывает толкование уголовного закона, содержащееся в постановлениях Пленума Верховного Суда, лишь через призму определенности самого уголовного закона и не осуществляет их оценку с точки зрения содержательных противоречий с Конституцией РФ.

Однако если обратиться к отдельным решениям Конституционного Суда, можно сделать вывод, что не существует каких-либо правовых ограничений для расширения конституционного нормоконтроля за счет включения в него правовых позиций, содержащихся в постановлениях Пленума Верховного Суда.

К примеру, Конституционный Суд определил, что в пределах его компетенции является проверка Постановлений Государственной Думы РФ об объявлении амнистии, которые, очевидно, законом не являются⁴⁴⁶. Однако суд определил, что данные акты могут быть приравнены к закону, поскольку они имеют особую конституционную природу (их принятие предусмотрено ст. 103 Конституции) и они носят нормативный характер, (распространяются на индивидуально неопределенный круг лиц и деяний).

Особый интерес представляет Постановление Конституционного Суда, в котором Суд оценил порядок судебной проверки актов федеральных органов исполнительной власти, а именно: писем Федеральной налоговой службы РФ⁴⁴⁷.

Так, ФНС не уполномочена принимать какие-либо нормативные правовые акты. Издание писем ФНС не соответствует порядку введения в действие и опубликования нормативных правовых актов, а содержание писем должно ограничиваться разъяснениями по вопросам применения налогового законодательства, что говорит о том, что письма ФНС не должны проверяться в порядке, предусмотренном для судебного обжалования нормативных правовых актов.

---

⁴⁴⁵ Елинский А.В. Уголовное право в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. М.: Волтерс Кluver, 2011. С. 25.

⁴⁴⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 05.07.2001 № 11-П «По делу о проверке конституционности постановления Государственной Думы от 28 июня 2000 года № 492-III ГД «О внесении изменения в Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Советского районного суда города Челябинска и жалобами ряда граждан» // СПС «Консультант Плюс».

⁴⁴⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2015 № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества «Газпром нефть» // СПС «Консультант Плюс».

Однако Конституционный Суд сделал следующий шаг и оценил данные документы с точки зрения их фактического значения. По существу, Суд признал право на существование порочных нормативных правых актов, которые являются таковыми по содержанию, но не по форме. Так, в решении указано: «В силу *принципа ведомственной субординации* территориальные налоговые органы обязаны [...] руководствоваться исходящими от Федеральной налоговой службы разъяснениями норм налогового законодательства - такие акты опосредованно, через правоприменительную деятельность должностных лиц налоговых органов, приобретают, по сути, обязательный характер и для неопределенного круга налогоплательщиков».

Суд также добавил, что «такое разъяснение, [...] может расходиться с их (нормами – прим. А.Л.) действительным смыслом и тем самым, по сути, фактически устанавливать для налогоплательщиков предписания общего характера, [...]. Отказ же в судебной проверке разъяснений, обладающих нормативными свойствами, [...], пролонгирует их действие в правоприменительной налоговой практике в качестве официального нормативного толкования соответствующих законоположений, которое может противоречить их действительному смыслу и притом распространяется на неопределенный круг лиц».

Таким образом, Конституционный Суд подтвердил сразу несколько принципиально важных моментов: ведомственная субординация определяет фактическую обязательность разъяснений вышестоящего органа по отношению к нижестоящему; акты, разъясняющие закон, могут содержать в себе нормативные положения; подобные акты должны получать судебную проверку.

Очевидно, что к правовым позициям Верховного Суда положения главы 21 Кодекса административного судопроизводства РФ неприменимы, поскольку судья Верховного Суда не может оценивать решения Пленума и Президиума этого же суда, и единственным допустимым вариантом для их обжалования является конституционное судопроизводство⁴⁴⁸.

Приведенные решения Конституционного Суда позволяют утверждать, что на сегодняшний день наличествуют все правовые основания, допускающие обжалование постановлений Пленума Верховного Суда в порядке конституционного

---

⁴⁴⁸ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

нормоконтроля. Представляется, что принятый на сегодняшний день подход, отрицающий подобную возможность, опирается, прежде всего, на политические соображения и учет лишь формального статуса правовых позиций Верховного Суда⁴⁴⁹.

Однако даже такой подход Конституционного Суда не является непреодолимым препятствием в силу следующего. Поскольку формально все позиции Верховного Суда являются лишь толкованием, т.е. раскрытием истинного смысла правовой нормы, то обжалованию может подлежать сама уголовно-правовая норма, в ее истолковании Верховным Судом.

Данный вывод соответствует давно сложившемуся подходу, согласно которому Конституционный Суд проверяет положение закона на его соответствие Конституции в его истолковании, которое сложилось в правоприменительной практике. Косвенно указывает на это в одном из своих решений и сам Конституционный Суд: «К компетенции Суда не относится проверка конституционности *самых по себе постановлений Пленума Верховного Суда РФ*, то есть *вне связи с нормативными правовыми актами*, на основании и во исполнение которых они приняты»⁴⁵⁰.

Опираясь на проведенный в рамках данного параграфа анализ, можно утверждать, что формированию единой правоприменительной практики в стране служат следующие формы деятельности Верховного Суда: принятие постановлений Пленума Верховного Суда, принятие Ответов на вопросы судов по применению тех или иных положений Уголовного кодекса, осуществление уголовного судопроизводства Президиумом Верховного Суда по конкретным уголовным делам, а также принятие решений Судебной коллегией Верховного Суда, при условии их представления в обзоре судебной практики, утверждаемом Президиумом Верховного Суда.

Сформированные в указанных документах правовые позиции являются нормативным толкованием уголовного закона, поскольку формулируют универсальное понимание содержания уголовно-правовых норм безотносительно к конкретному

---

⁴⁴⁹ См., напр.: Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2007 № 598-О-О; Определение Конституционного Суда РФ от 14.10.2004 № 325-О; Определение Конституционного Суда РФ от 26.09.2024 № 2108-О // СПС «Консультант Плюс».

⁴⁵⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2008 г. № 970-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Рубанова Виктора Макаровича на нарушение его конституционных прав отдельными положениями Гражданского кодекса РФ, Гражданского процессуального кодекса РСФСР, Кодекса РФ об административных правонарушениях, Налогового кодекса РФ, Трудового кодекса РФ, Уголовно-процессуального кодекса РФ, а также нормативными актами федеральных министерств и ведомств, судебными постановлениями» // СПС «Консультант Плюс».

уголовному делу. При этом данные правовые позиции являются обязательными и подкрепляются полномочием Верховного Суда РФ по окончательному пересмотру судебных решений.

Также, как представляется, отсутствуют правовые ограничения для включения правовых позиций, изложенных в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам, в предмет возможного конституционного нормоконтроля, осуществляемого Конституционным Судом РФ, поскольку данные акты Верховного Суда РФ содержат в себе нормативные положения, а ведомственная субординация в системе органов судебной власти определяет фактическую обязательность разъяснений Верховного Суда РФ по отношению к судам общей юрисдикции.

§ 2. Определенность уголовного закона при его толковании Верховным Судом Российской Федерации

В настоящем исследовании неоднократно подчеркивалось, что цель судебного толкования состоит в том, чтобы понять волю законодателя, которая воплотилась в тексте уголовного закона.

Вместе с тем в научной литературе представлено мнение о том, что в результате примененных способов толкования интерпретатор должен констатировать именно причинно-следственную связь полученных знаний с источником. Если интерпретатор не пришел к *неизбежному и однозначному* выводу о содержании толкуемой нормы, то в таком случае толкование невозможно⁴⁵¹. Данный тезис основывается на том, что при выборе одного из нескольких вариантов толкования интерпретатор не стремится познать сущность нормы, а отдает предпочтение более привлекательному при тех или иных условиях варианту, что может быть обусловлено, например, уголовно-политическими мотивами, имеющими непостоянный характер.

В идеальной правовой системе подобные замечания справедливы. Толкование не должно оставлять пространства для сомнений или допущений, а смысл нормы должен быть конкретным и определенным. Особенно это важно для уголовного закона, поскольку его определенность вытекает из принципа законности, а нарушение указанного требования может свидетельствовать о фактическом отсутствии уголовно-правового запрета. Однако наш язык настолько сложен и богат, что объективно едва ли возможно

---

⁴⁵¹ См., напр.: Черданцев А.Ф. Указ. соч. С. 43; Мадьярова А.В. Указ. соч. С. 139–140.

при конструировании уголовного закона избежать каких-либо неточностей или двусмысленностей. Кроме того, следует учитывать и иные обстоятельства – нарушение правил законодательной техники, сиюминутные веяния уголовной политики и отсутствие научной проработки законодательных изменений. Все это препятствует точному и единообразному пониманию текста уголовного закона. Но отмеченное не означает, что толкование вовсе невозможно.

В случае, если ни грамматический, ни логический способы толкования не позволяют определить точный и единственный смысл уголовно-правовой нормы, следует обращаться к указанному ранее принципу толкования всех сомнений в пользу обвиняемого. Несмотря на то, что данное решение может не соответствовать замыслу законодателя, его все же нельзя назвать правотворчеством, поскольку более благоприятный смысл строго произведен от текста уголовного закона.

Подтверждением данного тезиса служит подход Конституционного Суда, выраженный в Постановлении от 8 декабря 2022 г. № 53, в котором Суд констатировал наличие правовых оснований как ко включению в размер похищенного сумм налогов с полученных доходов, так и к исключению этих сумм из общего размера похищенного⁴⁵². Суд определил, что в условиях двух противоположных вариантов толкования он не может выбрать менее благоприятный для гражданина вариант. До соответствующих законодательных изменений правоприменитель должен был руководствоваться более благоприятным для обвиняемого толкованием.

Отметим также, что Конституционный Суд может прекратить конституционный нормоконтроль, вызванный неопределенной нормой уголовного закона, исключительно в связи с «определенвшейся» правоприменительной практикой. Так, рассматривая вопрос о квалификации бесконтактной оплаты товаров чужой банковской картой, Суд констатировал отсутствие четких правовых оснований для разграничения п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ч. 1 ст. 159³ УК РФ, посчитав, что обе указанные нормы способны регулировать данную ситуацию⁴⁵³. Однако производство по делу было прекращено в связи с тем, что Пленум Верховного Суда в соответствующих

---

⁴⁵² Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2022 № 53-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Тихоокеанского флотского военного суда» // СПС «Консультант Плюс».

⁴⁵³ Определение Конституционного Суда РФ от 09.07.2021 № 1374-О «О прекращении производства по делу о проверке конституционности пункта «г» части третьей статьи 158 и статьи 159³ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Железнодорожного районного суда города Рязани» // СПС «Консультант Плюс».

постановлениях разрешил возникшую неопределенность. Как известно, теперь указанные случаи квалифицируются по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

В целом же на протяжении нескольких десятков лет Конституционный Суд связывает определенность уголовного закона в том числе с наличием судебного толкования, к которому при необходимости можно обратиться в понимании смысла законодательного положения⁴⁵⁴.

Таким образом, несколько вариантов толкования текста уголовного закона не является препятствием для установления истинного смысла правовой нормы и дальнейшего правоприменения. Учитывая, что Верховный Суд призван давать разъяснения по вопросам судебной практики, справедливо, что именно его толкование уголовного закона рассматривается Конституционным Судом как устранение противоречий и обеспечение единообразия правоприменения.

Реализация данного положения, как представляется, обусловливается наличием в тексте уголовного закона неполноты или противоречия, которые требуют дополнительных разъяснений от высшего судебного органа. С этой целью Верховный Суд формулирует правовую позицию, определяющую как смысл и порядок применения неочевидной уголовно-правовой нормы, так и границы ее универсальности, устранивая таким образом правовую неопределенность⁴⁵⁵. Рассмотрим каждый из элементов данной деятельности.

Первоочередный шаг состоит в том, чтобы констатировать *правовую неопределенность в тексте уголовного закона*, препятствующую единообразному правоприменению. Подобное может вызываться, например, использованием отлагательных существительных, которые обозначают одновременно и процесс и результат действия («склонение», «вовлечение» и др.), неточностью законодательных формулировок, возникновением коллизий, необходимостью разрешить конкуренцию и др. Однако в некоторых случаях Верховный Суд формулирует правовые позиции

---

⁴⁵⁴ См., напр.: Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2024 № 2048-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Комар Марины Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью первой 1 статьи 205² Уголовного кодекса Российской Федерации»; Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» // СПС «Консультант Плюс».

⁴⁵⁵ Безусловно, Верховный Суд вправе истолковывать любую уголовно-правовую норму, однако в контексте определенности уголовного закона особое значение имеет толкование неочевидных законодательных положений.

в отношении, казалось бы, достаточно определенных уголовно-правовых норм, ясно и однозначно изложенных в тексте закона.

Так, Уголовный кодекс предусматривает ответственность за уничтожение или повреждение чужого имущества как умышленно (ст. 167 УК РФ), так и по неосторожности (ст. 168 УК РФ). В обоих случаях повреждаемое или уничтожаемое имущество должно быть для виновного *чужим*.

Несмотря на то, что данный признак получил свое подробное раскрытие в доктрине уголовного права применительно к хищению, во всех преступлениях в сфере экономики он понимается аналогичным образом, что не оспаривается ни с теоретических, ни с практических позиций⁴⁵⁶. Так, в случаях, когда виновный изымает чужое имущество, ошибочно считая его бесхозным или полагая, что у него есть право на это имущество, хищение отсутствует. Также, как представляется, хищение исключается при совершении лицом каких-либо действий с имуществом юридического лица, в котором он является единственным участником, несмотря на то, что с точки зрения гражданского права имущественная обособленность юридического лица очевидна⁴⁵⁷. Кроме того, хищение исключается при изъятии имущества, находящегося в общей совместной собственности⁴⁵⁸. Во всех указанных случаях отсутствует либо *чужое* имущество, либо осознание лицом данного обстоятельства.

Однако применительно к ст. 167 и 168 УК РФ Верховный Суд занял весьма неоднозначную позицию, определив, что, если в результате поджога собственного имущества причинен значительный ущерб имуществу, которое являлось совместной собственностью виновника пожара и иных лиц, такие действия охватываются ст. 167 или 168 УК РФ в зависимости от формы вины⁴⁵⁹. Таким образом Суд определил, что *чужим* в рамках данных преступлений является имущество, которое может

---

⁴⁵⁶ См. напр.: Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб. : Юридический Центр Пресс, 2002. С. 196–216; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть. Разделы VII–VIII: в 4 т. (постатейный). Т. 2. / отв. ред. В.М. Лебедев. М. : Юрайт, 2017 // СПС «Консультант Плюс».

⁴⁵⁷ См., напр.: Постановление Президиума Смоленского областного суда от 19.12.2018 по делу № 44у-93/2018 // СПС «Консультант Плюс». Также подробнее об этом: Данилов Д.О., Пархоменко С.Д. Уголовная ответственность владельца компании за растрату и иные хищения // Уголовный процесс. 2022. № 4. С. 45–51. В то же время отметим, что в судебной практике широко распространен и противоположный подход.

⁴⁵⁸ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.12.2023 № 41–УД23–31К4 // СПС «Консультант Плюс».

⁴⁵⁹ См. абз. 1 и 2 п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.06.2002 № 14 (ред. от 18.10.2012) «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 8.

находиться в общей долевой и общей совместной собственности. И если в отношении долевой собственности подобный вывод не вызывает серьезных возражений, то общая совместная собственность на 100% принадлежит как виновнику пожара, так и, например, его супруге. Усмотрение в данном случае чужого для виновного имущества прямо противоречит положениям института собственности в гражданском праве⁴⁶⁰.

В контексте способов толкования можно отметить ранее озвученные проблемы преодоления правоприменительной практикой как буквального значения признака «чужое имущество», так и системных связей с гражданским законодательством, одно из функциональных назначений которого состоит в том, чтобы определять принадлежность вещей различным субъектам. Однако на данном этапе можно сделать следующий шаг и проанализировать влияние данного и иных спорных решений на правоприменительную практику.

К примеру, в одном решении по гражданскому делу представлена позиция ОМВД России по Богородскому району Нижегородской области, согласно которой «уничтожение собственником имущества, являющегося совместной собственностью, состава преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ, не образует»⁴⁶¹. Дословно данная позиция приведена в приговоре Октябрьского районного суда Иркутска по другому делу⁴⁶², а также в приговоре Кетовского районного суда Курганской области, в котором подсудимый был оправдан в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 167 УК РФ⁴⁶³. Ссылаясь на положения ст. 33 и 34 Семейного Кодекса РФ⁴⁶⁴, Николаевский районный суд Ульяновской области также исключил общее имущество супругов из предмета преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 167 УК РФ⁴⁶⁵. В ситуации, когда лицо повредило автомобиль, находящийся в совместной собственности со своей

---

⁴⁶⁰ Примечательно, что согласие с данной позицией можно обнаружить и в доктрине уголовного права. См., напр.: Зарубин А.В. Уголовно-правовая характеристика уничтожения или повреждения чужого имущества : учебное пособие. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. С. 35–36. Однако кроме ссылок на положения ст. 253 ГК РФ и ст. 35 СК РФ какая-либо аргументация позиции в работе отсутствует.

⁴⁶¹ Решение Богородского городского суда Нижегородской области от 21.02.2019 по делу № 2-126/2019 // СПС «Консультант Плюс».

⁴⁶² Приговор Октябрьского районного суда города Иркутска от 24.03.2014 по делу № 1-16/2014 // СПС «Консультант Плюс».

⁴⁶³ Приговор Кетовского районного суда Курганской области от 21.01.2015 по делу № 1-12/2015 // СПС «Консультант Плюс».

⁴⁶⁴ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

⁴⁶⁵ Приговор Николаевского районного суда Ульяновской области от 16.02.2018 по делу № 1-1-7/2018 // СПС «Консультант Плюс».

супругой, Московский областной суд в порядке апелляционного судопроизводства указал, что «причинение лицом самому себе материального ущерба ненаказуемо по закону»⁴⁶⁶.

Данные решения приняты спустя более десяти лет после того, как Верховный Суд сформулировал приведенную позицию. В этой связи нельзя сказать, что практика еще не адаптировалась к новым изменениям. Представляется, что это позиция судов и их самостоятельное толкование уголовного закона, которое фактически противоречит разъяснениям Верховного Суда.

Безусловно, подавляющее большинство судов придерживается позиции высшей судебной инстанции, усматривая повреждение или уничтожение чужого имущества со стороны собственника. При этом обоснование принятых решений не содержит в себе каких-либо положений действующего законодательства, а представляет собой прямую или косвенную ссылку к разъяснениям Верховного Суда. Так, суды либо приводят рассматриваемый пункт постановления в качестве обоснования своей позиции⁴⁶⁷, либо дословно цитируют соответствующие положения, облекая их в форму собственного толкования и определения «смысла закона»⁴⁶⁸. В итоге суды фактически применяют разъяснения Верховного Суда, а не толкуют текст уголовного закона и закономерно не приводят норм материального права, которым, по их мнению, не соответствует позиция стороны защиты или решения нижестоящих судов.

Таким образом, в правовой действительности одновременно существуют два противоречащих друг другу подхода в понимании чужого для виновного имущества в рамках ст. 167 и 168 УК РФ. В результате усмотрение Верховным Судом неопределенности уголовно-правовой нормы, изложенной достаточно ясно, и ее толкование вопреки ее очевидному смыслу, не способствует достижению определенности уголовного закона и приводит к противоположному эффекту в судебной практике.

Нельзя не отметить, что в результате подобного толкования складывается весьма парадоксальная ситуация. Если виновный совершил преступление, предусмотренное

---

⁴⁶⁶ Апелляционное постановление Московского областного суда от 11.05.2021 по делу № 22-2972/2021 // СПС «Консультант Плюс».

⁴⁶⁷ См., напр.: Приговор Красноармейского районного суда Краснодарского края от 04.03.2022 по делу № 1-57/2022; Приговор Новохоперского районного суда Воронежской области от 22.02.2024 № 1-10/2024 // СПС «Консультант Плюс».

⁴⁶⁸ Приговор Ломоносовского районного суда города Архангельска от 29.09.2023 по делу № 1-6/2023 // СПС «Консультант Плюс».

ст. 264¹ УК РФ «Управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость», то транспортное средство, находящееся в общей совместной собственности, будет признано принадлежащим виновному и в соответствии с п. «д» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ конфисковано, поскольку «каких-либо ограничений, в том числе касающихся режима собственности подлежащего конфискации имущества, положения ст. 104¹ УК РФ не содержат»⁴⁶⁹. Однако если виновный уничтожит этот же автомобиль, то данное имущество окажется для него чужим.

Показательна в этом же аспекте судебная практика квалификации взяточничества, осуществляемого в рамках оперативно-розыскных мероприятий. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 9 июля 2013 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» истолковал данную ситуацию следующим образом: получение или дача взятки в условиях оперативно-розыскного мероприятия должны квалифицироваться как оконченное преступление (п. 13). Частный случай подобных мероприятий – оперативный эксперимент, при котором одна из сторон взяточничества в действительности сотрудничает с правоохранительными органами.

С точки зрения буквы закона справедливо, что в рамках оперативного эксперимента отсутствует необходимое соучастие, предусмотренное ст. 290 и 291 УК РФ. Лицо, которое играет роль взяткодателя или взяткополучателя, собирается лишь инсценировать подобные действия и в действительности не хочет передавать (или получать) взятку. Обратное приводило бы к выводу о том, что обеспечение совершения преступления является одной из задач оперативно-розыскной деятельности, не упомянутой в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности»⁴⁷⁰. Об ошибочности квалификации подобных случаев как оконченных преступлений заявляли такие

---

⁴⁶⁹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 09.11.2023 по делу № 12-УДП23-8-К6 // СПС «Консультант Плюс». Позже Верховный Суд РФ прямо подтвердит свою позицию в абз. 2 п. 3(1) постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2018 № 17 (ред. от 12.12.2023) «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 1.

⁴⁷⁰ См. ст. 2 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «Об оперативно-розыскной деятельности» // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

авторитетные исследователи, как Б.В. Волженкин⁴⁷¹, П.С. Яни⁴⁷², М.А. Любавина⁴⁷³. Однако с момента своего принятия данный подход Верховного Суда остался неизменным.

Фактически Суд истолковал термины «дача» или «получение» взятки как охватывающие собой деятельность по имитации передачи предмета преступления от одного лица к другому. Однако, как и в прошлом примере, сложно утверждать, что текст уголовного закона был сформулирован недостаточно четко и допускал подобное толкование. В результате правоприменительная практика продемонстрировала сложности в понимании данного разъяснения.

Так, Верховный Суд Карачаево-Черкесской Республики определил, что, поскольку должностное лицо приняло участие в оперативном эксперименте, оно отказалось получать взятку, следовательно, попытка ее передать не была доведена до конца. С данным решением согласился и Пятый кассационный суд общей юрисдикции⁴⁷⁴.

Как представляется, логика суда безупречна: если лицо участвует в оперативном эксперименте, его цель заключается в изобличении виновного и никакого участия в преступлении (как сторона взяточничества) оно не принимает. Следовательно, взяточничества ни в форме получения, ни в форме передачи не происходит. Однако Верховный Суд при пересмотре решений определил, что в соответствии с позицией Пленума, указанные действия необходимо квалифицировать как оконченное преступление и в том числе этому основанию отменил решения нижестоящих судов по данному уголовному делу⁴⁷⁵.

Вместе с тем представленное решение не единично. Суды различных уровней также не усматривали в подобных случаях оконченный состав преступления⁴⁷⁶. При этом все решения являются вступившими в законную силу. Однако если в рамках

---

⁴⁷¹ Волженкин Б.В. Служебные преступления. М. : Юристъ, 2000. С. 273.

⁴⁷² Яни П.С. Новые вопросы квалификации взяточничества // Законность. 2014. № 10. С. 35.

⁴⁷³ Любавина М.А. Квалификация взяточничества : конспект лекций. СПб. : СПб. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 2005. С. 22.

⁴⁷⁴ Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 25.04.2024 по делу № 77-531/2024 // СПС «Консультант Плюс».

⁴⁷⁵ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 03.10.2024 по делу № 30-УДП24-4-К5 // СПС «Консультант Плюс».

⁴⁷⁶ См., напр.: Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 25.02.2025 по делу № 77-552/2025; Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12.05.2021 по делу № 77-1149/2021; Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 15.02.2024 по делу № 77-580/2024; Приговор Октябрьского районного суда города Пензы от 06.08.2024 по делу № 1-360/2024; Апелляционное определение Верховного суда Республики Мордовия от 02.07.2024 по делу № 22-796/2024; Апелляционное определение Владимирского областного суда от 18.09.2024 по делу № 22-1984/2024 // СПС «Консультант Плюс».

процессуальных механизмов данные уголовные дела будут рассмотрены в Верховном Суде, они ожидаемо получат иную оценку.

Таким образом, толкование в достаточной степени определенного уголовного закона вопреки его очевидному смыслу, как представляется, не способствует достижению поставленной перед Верховным судом цели в виде обеспечения единообразия практики правоприменения.

Однако следует учитывать фактическую обязательность правовых позиций Верховного Суда для судов общей юрисдикции, как и тот факт, что любое разъяснение Суда безотносительно к тому, вытекает ли оно из текста уголовного закона или представляется крайне спорным с точки зрения его буквы, обеспечено полномочием Верховного Суда РФ по пересмотру решений нижестоящих судов. При условии активной реализации данного полномочия, число судебных решений, противоречащих правовой позиции высшего судебного органа, в итоге будет сведено к минимуму. В результате говорить о спорности и неочевидности разъяснений Верховного Суда можно будет лишь на страницах научной печати, тогда как судебная практика придет к единообразию.

По этой причине куда более важным для достижения определенности при судебном толковании уголовного закона представляется второй шаг – *определение границ универсальности сформулированной правовой позиции*.

Например, приведенное ранее разъяснение относительно уничтожения общего совместного имущества супругов описывает ситуацию с четко определенным набором условий. Согласно разъяснению, преступление, предусмотренное ст. 167 УК РФ, при уничтожении общего совместного имущества налицоствует в действиях виновного только в случае, если ущерб имуществу причинён именно в результате поджога и если виновный поджигает сначала свое имущество. Вместе с тем буквальный смысл разъяснения не охватывает случаи уничтожения или повреждения имущества в рамках ч. 1 ст. 167 УК РФ или иным общеопасным способом, о котором говорится в ч. 2 ст. 167 УК РФ, а также случаи, когда виновный изначально уничтожает общее совместное имущество.

Как уже указывалось, с точки зрения буквы закона данные действия не должны образовывать состав преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ, а поскольку разъяснения Верховного Суда в этой части отсутствуют, казалось бы,

нет никаких препятствий к применению только уголовного закона и исключению в указанных случаях уголовной ответственности.

В то же время очевидно, что определение чужого имущества Верховный Суд не мог поставить в зависимость от того, поджогом или, например, взрывом причиняется ущерб. Такое толкование было бы абсурдным, поскольку данные признаки совершенно не связаны между собой. Очевидно, что ни очередность, ни способ уничтожения имущества не могут предопределять его принадлежность тому или иному лицу. Несмотря на то, что в самом тексте разъяснений приведен частный пример, смысл разъяснения говорит о том, что общая совместная собственность является чужим для виновного имуществом в любых случаях его уничтожения или повреждения в рамках ст. 167 и 168 УК РФ. Обратный вывод приведет к тому, что столь сильные различия в правовых последствиях аналогичных по своему смыслу действий будет трудно объяснить с точки зрения справедливости, равенства прав и свобод граждан и эффективной защиты прав потерпевших, в то время как однородные по своей юридической природе отношения должны регулироваться одинаковым образом, на что неоднократно указывал Конституционный Суд⁴⁷⁷.

Аналогичный вопрос об определении границ универсальности правовой позиции Верховного Суда возникает при квалификации действий виновного, в случае совершения им преступления в отношении двух или более потерпевших, при условии, что данное обстоятельство предусмотрено в качестве квалифицирующего признака состава преступления. На данный момент Верховный Суд придерживается подхода, согласно которому, в ряде случаев данный признак не требует установления единства умысла на совершение преступлений в отношении всех потерпевших. Прямо об этом указывается в разъяснениях применительно к убийству⁴⁷⁸, половому сношению, лесбиянству, мужеложству и развратным действиям в отношении несовершеннолетних⁴⁷⁹, а также

---

⁴⁷⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.03.2008 № 6-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 21 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Товарищество застройщиков», открытого акционерного общества «Нижнекамскнефтехим» и открытого акционерного общества «ТНК-ВР Холдинг» // СПС «Консультант Плюс».

⁴⁷⁸ См. п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.

⁴⁷⁹ См. п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 2.

к нарушению уставных правил взаимоотношений между военнослужащими⁴⁸⁰. Позиция Верховного Суда состоит в том, что данные преступления могут совершаться одновременно или в разное время, что не образует совокупности преступлений, главное – чтобы ни за одно из них виновное лицо не было осуждено. Однако соответствующий признак предусмотрен и для множества других составов преступлений для которых подобные разъяснения Верховного Суда отсутствуют, и правоприменителю необходимо самостоятельно определять границы универсальности данной правовой позиции.

В некоторых случаях суды прямо распространяют логику Верховного Суда и на другие составы преступлений. К примеру, в тексте судебных решений, в которых обосновывалось вменение п. «б» ч. 3 ст. 111 УК РФ в случаях, когда действия подсудимого не были объединены единым умыслом в отношении нескольких потерпевших, указывалось, что судом приняты во внимание⁴⁸¹ или учтены⁴⁸² разъяснения, содержащиеся в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1, либо приводилась ссылка на ст. 17 УК РФ⁴⁸³. В одном из решений суд прямо указал: «*По смыслу закона, с учетом принципа аналогии закона и положений ч. 1 ст. 17 УК РФ, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью [...] не образует совокупности преступлений [...] при условии, что ни за одно из этих деяний виновный ранее не был осужден*»⁴⁸⁴.

Показателен вывод Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по следующему делу. Заместитель Генерального прокурора РФ обратился в суд с кассационным представлением, указывая, что действия осужденного ошибочно квалифицированы по п. «ж» ч. 2 ст. 126 УК РФ как похищение двух лиц, поскольку «умысел на их совершение формировался индивидуально с учетом выяснения осужденным новых сведений и реализовывался при различных обстоятельствах...»⁴⁸⁵. Отказывая в удовлетворении представления, суд сослался на три вышеуказанных

⁴⁸⁰ См. п. 30 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 7.

⁴⁸¹ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 01.07.2021 по делу № 77-1954/2021 // СПС «Консультант Плюс».

⁴⁸² Приговор Октябрьского районного суда города Омска от 02.10.2023 по делу № 1-397/2023 // СПС «Консультант Плюс».

⁴⁸³ Приговор Кировского городского суда Мурманской области от 05.07.2024 по делу № 1-51/2024 // СПС «Консультант Плюс».

⁴⁸⁴ Приговор Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края от 30.06.2015 по делу № 271/2015 // СПС «Консультант Плюс».

⁴⁸⁵ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 03.08.2023 по делу № 74-УДП23-10сп-А5 // СПС «Консультант Плюс».

постановления Пленума Верховного Суда, в которых толкуется аналогичный квалифицирующий признак, а также на ст. 17 УК РФ и оставил решения нижестоящих судов в силе.

Не претендуя на абсолютную полноту проведенного анализа, заметим, что нами не было обнаружено примеров подобной квалификации неосторожных преступлений, в которых количество потерпевших также выступает квалифицирующим признаком состава преступления (например, ст. 109, 215, 264 УК РФ и др.). Однако представляется, что рассматриваемые разъяснения могут применяться и к указанным случаям, поскольку в разъяснениях не говорится об обязательном наличии умысла у виновного, а лишь об учтенной законодателем совокупности преступлений и отсутствии судимости у лица, которое их совершает.

Вместе с тем, несмотря на то, что признак неоднократности был исключен из Уголовного кодекса более двадцати лет назад, суды чаще всего стремятся обосновать вменение квалифицирующего признака «в отношении двух или более лиц» в рамках составов преступлений, не охваченных правовой позицией Верховного Суда, именно единством умысла у виновного, ссылаясь на то, что преступление было совершено при одних и тех же обстоятельствах, практически одновременно⁴⁸⁶, в одном месте и в короткий промежуток времени⁴⁸⁷ и др.

Таким образом, отсутствие границ универсальности правовых позиций Верховного Суда препятствует достижению единообразия в практике применения уголовного закона. Для обеспечения справедливости и равенства всех перед законом и судом представляется целесообразным выработать подход, согласно которому следует признавать за подобными разъяснениями универсальный характер. Иными словами, если правовая позиция Суда представлена для одного частного случая, но по своему содержанию она способна полностью охватить и другие ситуации, ее смысл следует распространять на смежные отношения, пользуясь приемом толкования по аналогии⁴⁸⁸.

Отметим, что в приведенном ранее примере судебное толкование ст. 167 УК РФ, по нашему мнению, противоречит букве закона, и наиболее предпочтительным способом

⁴⁸⁶ Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.04.2024 по делу № 77-1103/2024// СПС «Консультант Плюс».

⁴⁸⁷ Апелляционное определение Саратовского областного суда от 07.11.2024 по делу № 22-2560/2024 // СПС «Консультант Плюс».

⁴⁸⁸ Подробнее о толковании по аналогии: Сабитов Т.Р., Морозов М.В. Вывод по аналогии при квалификации преступлений // Уголовное право. 2014. № 2. С. 63–68.

разрешения неопределенности является отмена указанного разъяснения. В отличие от этого, позиция по вопросу вменения квалифицирующего признака «в отношении двух или более лиц» – это вывод, сформулированный на основе толкования положений ст. 17 УК РФ, какими их понимает Верховный Суд. Однако, учитывая фактическую роль правовых позиций Верховного Суда для судов общей юрисдикции, в обоих случаях предложенный вариант видится наиболее эффективным способом обеспечения единообразия судебной практики.

Как можно заметить, для определения границ универсальности правовой позиции Суда необходимо определить сам подход, который потенциально может быть использован по аналогии при толковании признаков состава других преступлений. Следовательно, правоприменителю должно быть понятно не только само квалификационное правило, сформулированное Верховным Судом, но и правовые основания и их смысл, которыми руководствовался Суд. Ведь, как уже указывалось, способ уничтожения имущества незначим для определения его принадлежности виновному лицу, следовательно, не он оказывает влияние на выводы Верховного Суда. В данном примере, по всей видимости, Суд исходил из правовой природы общей совместной собственности, однако в тексте разъяснений данная логика не прослеживается.

Как представляется, достижению указанной цели может служить раскрытие в правовой позиции содержания положений уголовного или иноотраслевого законодательства, либо раскрытие смысла правовой нормы с доктринальной точки зрения, которую разделяет Суд. Являясь выражением требования обоснованности, предъявляемого к судебным решениям (ст. 297 УПК РФ), мотивированность должна прослеживаться и в правовых позициях Верховного Суда. С одной стороны, данный подход снизит частоту упреков Верховного Суда в нормотворчестве, поскольку правовая позиция будет выявлять смысл правовых норм, а не создавать их. С другой стороны, вывод, сделанный на основе толкования конкретных норм, будет способствовать их правильному пониманию судами и, как следствие, единообразному применению. Рассмотрим данный тезис на отдельных примерах.

Так, квалифицирующий признак «в отношении двух или более лиц», согласно разъяснениям Верховного Суда, применяется соответствующим образом в силу толкования положений ст. 17 УК РФ – общей нормы ко всем положениям Особенной части УК РФ. Следовательно, обоснованно предположение, что аналогичное толкование

должно быть предусмотрено для случаев похищения, причинения тяжкого вреда здоровью, смерти по неосторожности и любых других преступлений, в которых предусмотрен соответствующий квалифицирующий признак.

В обратном случае, когда положения уголовного закона, послужившие основой для правовой позиции Суда, не раскрываются, вывод о границах универсальности соответствующих разъяснений сделать крайне затруднительно, либо вовсе невозможно. Так, Верховный Суд определил, что присоединение к эксцессу исполнителя в рамках грабежа или разбоя должно квалифицироваться как совершение соответствующего преступления с вменением признака группы лиц по предварительному сговору⁴⁸⁹. Очевидно, что Верховный Суд проанализировал субъективные признаки соучастия, учел правила перерастания преступлений. Однако, поскольку в соответствующем разъяснении не представлена правовая опора сформулированной позиции при толковании указанных положений, правоприменитель лишен отправной точки в своих рассуждениях при оценке схожих по своему правовому смыслу ситуаций. Как следствие, остается неясным, следует ли вменять признак группы лиц по предварительному сговору в случаях, когда к эксцессу исполнителя присоединились другие соучастники, например при перерастании полового сношения с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 134 УК РФ) в изнасилование (ст. 131 УК РФ) или при перерастании причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) в убийство (ст. 105 УК РФ).

Еще более дезориентирующим правоприменителя в вопросе определения границ универсальности правовых позиций Верховного Суда, на наш взгляд, является ситуация, при которой Верховный Суд формулирует различные правовые позиции при оценке схожих по своему правовому смыслу фактических обстоятельств.

Так, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» определяет, что применение насилия или угроза его применения в отношении иных лиц (не являющихся непосредственными потерпевшими от преступлений, предусмотренных ст. 131 или 132 УК РФ), требует дополнительной квалификации по иным статьям Особенной части УК РФ (п. 4). Данный подход объяснен смыслом ст. 17 УК РФ.

---

⁴⁸⁹ См. абз. 2 п. 14.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.

В то же время, в постановлении от 24 декабря 2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» Пленум занял противоположную позицию. Так, в разъяснении прямо определено, что насилие или угроза его применения могут осуществляться как в отношении похищаемого лица или лица, незаконно лишаемого свободы, так и в отношении иных лиц, что не требует квалификации по совокупности преступлений (п. 6) (разумеется, если способ не представляет собой более тяжкое преступление с точки зрения строгости наказания).

В результате перед правоприменителем вновь встает вопрос о том, как следует оценивать применяемое насилие или угрозу его применения не к основному потерпевшему. Совершенно неясно, следует ли ограничить подход, квалифицирующий указанные действия по совокупности преступлений, лишь соответствующими преступлениями против половой свободы и половой неприкосновенности или он имеет более широкое применение. В пользу первого варианта свидетельствует иная оценка насилия при похищении, а в пользу второго «смысл» ст. 17 УК РФ – единой для всей Особенной части. Вместе с тем ответ на данный вопрос имеет важное значение, поскольку действующий Уголовный кодекс содержит более 50 составов преступлений, в которых насилие может быть применено и к другим лицам, зачастую с целью склонить основного потерпевшего к определенному поведению, либо облегчить совершение деяния в отношении основного потерпевшего.

Положения ч. 3 ст. 62 УК РФ определяют, что в случае, если в соответствующей статье Особенной части УК РФ предусмотрены пожизненное лишение свободы или смертная казнь, то к виновным лицам не могут быть применены льготы, предусмотренные ч. 1 ст. 62 УК РФ (срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания).

Толкуя указанное положение, Верховный Суд указал, что данное ограничение не применяется к лицам, которым в силу закона нельзя назначить пожизненное лишение свободы, например женщинам (ч. 2 ст. 57 УК РФ), или при назначении наказания за неоконченное преступление (ст. 66 УК РФ)⁴⁹⁰. Таким образом, фраза

---

⁴⁹⁰ См. п. 37 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

«предусмотренность статьей Особенной части» в своей смысловом содержании оказалось заменена на «может быть назначено конкретному лицу». И хотя данное решение не следует ни из буквы закона, ни из его системного смысла, оно представляет интерес не само по себе, а в системном единстве с другим решением высшей судебной инстанции.

Часть 4 ст. 78 УК РФ определяет, что вопрос применения сроков давности к лицу, совершившему преступление, наказуемое смертной казнью или пожизненным лишением свободы, остается на усмотрение суда. Следует обратить внимание на используемые в законе формулировки. Так, законодатель говорит не об абстрактных преступных деяниях, а о совершенном (конкретном) преступлении и правовых последствиях для лица, связанных именно с таким преступлением. В противном случае, если законодатель стремился охватить круг абстрактных преступлений, он бы использовал уже известную ему формулировку из ст. 62 УК РФ о предусмотренности соответствующего наказания статьей Особенной части, однако он сделал акцент на наказуемость совершенного лицом преступления. Так, при совершении женщиной убийства, квалифицируемого по ч. 2 ст. 105 УК РФ, ее преступление не может быть наказуемо смертной казнью или пожизненным лишением свободы. Однако Верховный Суд РФ в своем постановлении занял противоположную позицию и указал, что вопрос о применении сроков давности решается судом вне зависимости от того, можно ли лицу в силу закона назначить соответствующее наказание или нет⁴⁹¹.

По существу, в обоих рассматриваемых случаях Верховный Суд разрешал вопрос о том, подпадает ли категория лиц, в отношении которых исключено применение пожизненного лишения свободы, под действие правовых норм, посвященных данному виду наказания, однако продемонстрировал две противоположные позиции. В результате ответ на поставленный вопрос оказался не определен, что затрудняет понимание границ универсальности той или иной позиции и препятствует однозначному толкованию уголовного закона в смежных ситуациях. Так, остается неясным, применимы ли к подсудимому положения ч. 1 ст. 65 УК РФ о смягчении наказания при вердикте

---

⁴⁹¹ См. п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

присяжных заседателей о снисхождении или нет, если подсудимому не может быть назначено пожизненное лишение свободы.

Отношение Верховного Суда к состоянию алкогольного опьянения как к признаку беспомощности также можно определить как неоднозначное. Если применительно к изнасилованию алкогольное или наркотическое опьянение, лишающее потерпевшую возможности понимать характер и значение совершенных с ней действий, либо оказать сопротивление виновному, признается беспомощным состоянием⁴⁹², то в рамках убийства Верховный Суд методично исключает из квалификации нижестоящих судов п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ в указанных случаях⁴⁹³. Вместе с тем беспомощность потерпевшего предусмотрена в качестве отягчающего наказание обстоятельства (п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ), в связи с чем универсальное понимание данного обстоятельства приобретает особое значение в контексте определенности уголовного закона при его толковании.

Приведенные точечные указания представляют собой решения «частного порядка» и не позволяют определить границы универсальности той или иной правовой позиции Верховного Суда. В результате как в доктрине, так и судебных решениях множатся противоречащие друг другу подходы и споры, отдаляющие правоприменение от ясности и единообразия. Наиболее наглядно подобные противоречия можно продемонстрировать на примере судебной оценки действий теневых руководителей.

Так, Верховный Суд указывает, что виновным в уклонении от уплаты налогов, сборов, страховых взносов⁴⁹⁴, а также в незаконном предпринимательстве⁴⁹⁵ может быть признано лицо, фактически осуществляющее соответствующую деятельность через подставных лиц. Поскольку Верховный Суд говорит, что именно виновное лицо фактически имело полномочия по руководству организацией и занималось предпринимательской деятельностью, следовательно, Суд утверждает о наличии у такого

---

⁴⁹² См. п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 2.

⁴⁹³ См., напр.: постановление Президиума Верховного Суда РФ от 28 марта 2012 г. по делу № 11-П12ПР // СПС «Консультант Плюс».

⁴⁹⁴ См. абз. 3 п. 6 и п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

⁴⁹⁵ См. абз. 2 п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 № 23 (ред. от 07.07.2015) «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 1.

лица организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций, вне зависимости от их юридического закрепления.

Судебная практика столкнулась с вопросом о допустимости распространения данного подхода на другие составы преступлений, в которых исполнение тех или иных функций является определяющим условием для наступления уголовной ответственности, к примеру, при совершении мошенничества в сфере предпринимательской деятельности (ч. 5–7 ст. 159 УК РФ и ст. 159⁴ УК РФ (утратила силу)), мошенничества в сфере кредитования (ст. 159¹ УК РФ), а также мошенничества с использованием служебного положения (ч. 3 ст. 159 УК РФ).

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» определяет, что исполнителем мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, может быть только лицо, обладающее признаками специального субъекта этого преступления, – виновный обязательно должен быть индивидуальным предпринимателем или членом органа управления коммерческой организацией (абз. 4 п. 11). На первый взгляд, признание фактического положения обвиняемого в компании невозможно. Однако конкретные решения судов общей юрисдикции говорят об обратном.

В ряде случаев суды сохраняют за виновными фактический статус лица, принимающего решения, участвующего в экономической деятельности компании и в итоге являющегося как субъектом предпринимательства, так и соответствующего вида мошенничества⁴⁹⁶. Показательно, что Восьмой кассационный суд, следуя концепции фактического руководства, изменил решения нижестоящих судов, согласно которым виновный не мог являться субъектом преступления, предусмотренного ст. 159⁴ УК РФ, поскольку он не являлся учредителем или директором компании⁴⁹⁷. Суд кассационной инстанции данные обстоятельства не признал препятствием для осуждения лица по ст. 159⁴ УК РФ.

---

⁴⁹⁶ См., напр.: Приговор Свердловского районного суда города Белгорода от 15.12.2021 по делу № 1–287/2021; Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 14.09.2022 по делу № 22–1852/2022 // СПС «Консультант Плюс».

⁴⁹⁷ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18.03.2020 по делу № 77–311/2020 // СПС «Консультант Плюс».

Применительно к ст. 159¹ УК РФ Пленум Верховного Суда РФ отмечает, что субъектом указанного преступления может быть только заемщик – физическое лицо, действующее в своих интересах, либо представитель юридического лица, действующий на законных основаниях (абз. 2 п. 13). Однако, используя подход к оценке действий теневого руководителя, суды квалифицируют действия виновных лиц и в случае отсутствия каких-либо законных оснований, в связи с наличием лишь фактического руководства компанией⁴⁹⁸.

В случае использования лиц, неосведомленных о преступных намерениях виновного, Пленум определяет, что действия последнего не могут быть квалифицированы по ст. 159¹ УК РФ, а представляют собой мошенничество, предусмотренное ст. 159 УК РФ (п. 14). Таким образом, статус фактического руководителя как субъекта преступления, предусмотренного ст. 159¹ УК РФ, определяется осведомленностью номинальных генеральных директоров компаний, что трудно признать подходящим критерием для определения соответствующего универсального правила.

Анализ правоприменительной практики также показал, что суды, в чьих решениях фактические руководители были осуждены по ст. 159 УК РФ, не вменяют осужденным в вину соответствующий признак из ч. 3 ст. 159 УК РФ – «использование лицом своего служебного положения»⁴⁹⁹. Вместе с тем именно фактическое их наличие и делает возможным привлечение к уголовной ответственности теневого руководителя за мошенничество в принципе, поскольку именно он в действительности принимает организационно-распорядительные или административно-хозяйственные решения в компании.

На данный момент вопрос об универсальности подхода к оценке действий теневых руководителей остается неразрешенным, поскольку из существующих разъяснений и судебных решений нельзя определить конкретный набор условий, который должен соблюдаться, чтобы вменение в вину фактическому руководителю совершения того или иного преступления было возможным. Если логика Верховного Суда РФ позволяет вменять в вину такому лицу совершение преступлений, предусмотренных

---

⁴⁹⁸ См., напр.: Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 17.03.2020 по делу № 22-549/2020; Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 19.01.2023 по делу № 77-43/2023; Приговор Ленинского районного суда города Ростова-на-Дону от 08.11.2021 по делу № 1-326/2021 // СПС «Консультант Плюс».

⁴⁹⁹ См. подробнее: Ленюский А.А. Мошенничество руководителей компаний. Спорные вопросы правоприменения // Уголовный процесс. 2023. № 10. С. 42–48.

ст. 159¹ или ст. 159⁴ УК РФ (ч. 5–7 ст. 159 УК РФ в действующей редакции уголовного закона), то трудно найти основания, препятствующие распространению данного подхода на ч. 3 ст. 159 УК РФ или, например, на ст. 201 «Злоупотребление полномочиями» и 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями»⁵⁰⁰. Представляется, что для определенности уголовного закона вопрос универсальности данного подхода необходимо разрешить путем выведения более четких критериев, при которых фактический руководитель признается надлежащим субъектом того или иного преступления.

На основании проведённого исследования считаем необходимым сделать следующие выводы.

Неопределенность уголовного закона, в том числе вариативность его толкования, может быть преодолена правовыми позициями Верховного Суда РФ. Данная деятельность предполагает выявление Судом уголовно-правовых норм, недостаточно ясно изложенных в тексте уголовного закона, и формулирование соответствующих правовых позиций, разрешающих возникшую неопределенность. При этом в условиях внутренней противоречивости правовых позиций Верховного Суда и их изложения в виде итоговых квалификационных решений правоприменитель нуждается в определении границ их универсальности, в особенности при толковании смежных признаков в других уголовно-правовых нормах. Разрешение данной проблемы видится в дополнительной мотивированности правовых позиций Верховного Суда при раскрытии смысла уголовно-правовых норм и формировании на этой основе общего правила толкования тех или иных положений уголовного закона.

§ 3. Темпоральные пределы действия актов разъяснения уголовного закона Верховного Суда Российской Федерации

Толкование уголовного закона Верховным Судом РФ производно от самого законодательного материала, поскольку последний выступает единственным объектом толкования. Разумно предположить, что до тех пор, пока текст уголовного закона (и текст иноотраслевого бланкетного законодательства) остается неизменным, смысл уголовно-

---

⁵⁰⁰ Так, в своем исследовании М.В. Арзамасцев приводит примеры решений, в которых суды признают фактических руководителей организации субъектами злоупотребления полномочиями вместо номинальных управленцев, даже когда наделение управленческими полномочиями реальных руководителей юридически не оформлено (Арзамасцев М.В. Особенности квалификации злоупотребления полномочиями. Уголовный процесс. 2021. № 8. С. 34–44).

правовой нормы также не может подвергаться изменению. Безусловно, развитие общественных отношений и возникновение нетипичных для судебной практики ситуаций, требующих своей юридической оценки, может потребовать формулировки дополнительных разъяснений, однако они будут обогащать и конкретизировать уже существующие правовые позиции, но не менять их содержание. Подобное справедливо с точки зрения как главной цели судебного толкования – выявления действительного смысла уголовно-правовой нормы и воли законодателя, так и предсказуемости и определенности уголовно-правового запрета.

В этой связи, если при формировании правовой позиций Верховный Суд разрешает возникшую неопределенность, определяет содержание и границы универсальности выработанного им подхода, то, как представляется, такая позиция будет в полной мере обеспечивать единообразие правоприменения, и она не может быть изменена без соответствующих законодательных изменений. Однако отечественное правоприменение знает немало случаев изменения со временем правовых позиций Верховного Суда по выявлению смысла той или иной уголовно-правовой нормы при неизменной букве уголовного закона. Приведем ряд примеров.

Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления подвергалось различной трактовке в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР и РФ, менявших объем этого понятия, которое трактовалось либо как процесс, либо как результат склонения несовершеннолетнего⁵⁰¹.

В 2015 г. в рамках одного постановления Пленум Верховного Суда РФ изменил свое понимание сбыта наркотических средств и психотропных веществ, определив, что для оконченного сбыта не требуется их приобретение⁵⁰². В целом же в рамках ст. 228¹ УК РФ каждая стадия преступления оказалась смешенной на одну вперед в сторону оконченного преступления (т.е. то, что раньше считалось приготовлением к сбыту стало

⁵⁰¹ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 03.12.1976 № 16 (ред. от 05.12.1986) «О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность» (утратило силу) // СПС «Консультант Плюс»; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.02.2000 № 7 (ред. от 06.02.2007) «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» (утратило силу) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.

⁵⁰² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 30 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 года № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

считаться покушением, а прежнее покушение, соответственно, стало расцениваться как оконченное преступление).

С 2000 г. Пленум предлагает квалифицировать случаи получения денежных средств якобы для передачи должностному лицу в виде взятки, а в действительности с намерением оставить их себе, в качестве мошенничества⁵⁰³. При этом ранее Пленум рекомендовал квалифицировать данные действия как подстрекательство к даче взятки или же как пособничество взяточничеству⁵⁰⁴.

Современное понятие бандитизма более не охватывает совершение бандой тех или иных преступлений, для которых банда была создана, и требует их квалификации по совокупности с преступлениями, предусмотренными ст. 209 УК РФ⁵⁰⁵.

До 2017 г. Пленум квалифицировал взлом дверей, замков и решеток при проникновении в жилище в качестве способа совершения хищения с вменением соответствующего квалифицирующего признака. Однако в мае 2017 г. Пленум изменил свою позицию и рекомендовал квалифицировать действия виновных по совокупности преступлений (соответствующее хищение и ст. 167 УК РФ)⁵⁰⁶.

До 2004 г. Пленум предлагал квалифицировать действия виновных лиц по совокупности ст. 171 и 199 УК РФ в случае, когда виновное лицо занималось незаконным предпринимательством и уклонялось от уплаты налогов с такой деятельности⁵⁰⁷. После 2004 г. в своем новом постановлении Пленум указал, что данный случай полностью охватывается ст. 171 УК РФ⁵⁰⁸.

В 2021 г. Верховный Суд РФ определил, что хищение денежных средств с чужой банковской карты образует кражу, а не мошенничество с электронными средствами платежа, как это определялось ранее⁵⁰⁹.

---

⁵⁰³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2000 № 6 (ред. от 22.05.2012) «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» (утратило силу) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4.

⁵⁰⁴ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23.09.1977 № 16 «О судебной практике по делам о взяточничестве» (утратило силу) // СПС «Консультант Плюс».

⁵⁰⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 5.

⁵⁰⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 17 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7.

⁵⁰⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.07.1997 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Российской Федерации уголовного законодательства об ответственности за уклонение от уплаты налогов» (утратило силу) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 9.

⁵⁰⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 № 23 (ред. от 07.07.2015) «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 1.

⁵⁰⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 № 22 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации» // Российская газета. 2021. 16 июля.

Как было определено в настоящем диссертационном исследовании, целью судебного толкования является выявление истинной законодательной воли, нашедшей свое отражение в тексте уголовного закона. Грамматический и системный методы, а также толкование всех сомнений в пользу виновного, как представляется, способны определить «правильный» вариант толкования уголовно-правового положения в любом случае. Вместе с тем, какую бы позицию ни занял Верховный Суд, как только он истолковывает положение уголовного закона в постановлении Пленума, он заявляет, что именно это толкование и является истинным смыслом нормы и волей законодателя.

Наглядно демонстрирует отмеченное судебная практика, сложившаяся по вопросу момента окончания сбыта наркотических средств, осуществленного в рамках оперативно-розыскных мероприятий. Так, ранее суды прямо указывали, что «*по смыслу уголовного закона, в тех случаях, когда передача наркотического средства осуществляется в ходе проверочной закупки [...] содеянное следует квалифицировать по ч. 3 ст. 30 и соответствующей части ст. 228¹ УК РФ, поскольку в этих случаях происходит изъятие наркотического средства из незаконного оборота*»⁵¹⁰. При этом суд обосновывал свою позицию не ссылкой на положение Пленума Верховного Суда, в котором содержалось аналогичное разъяснение, а именно смыслом уголовного закона.

Однако после июня 2015 г. и изменения Пленумом Верховного Суда своих позиций суды стали указывать, что «*по смыслу уголовного закона [...] изъятие, в таких случаях, сотрудниками правоохранительных органов из незаконного оборота указанных средств не влияет на квалификацию преступления как оконченного*»⁵¹¹.

Таким образом, в обоих случаях судами заявляется о выяснении смысла уголовного закона. Однако, поскольку законодатель не сигнализировал об изменении своих взглядов на общественные отношения, и текст уголовного закона не менялся, изменение толкования Верховным Судом, по всей видимости, должно означать, что правоприменитель в какой-то момент осознал, что новый смысл является истинной законодательной волей, а предыдущий подход, в силу тех или иных причин, оказался неверным. Иными словами, принятие нового подхода символизирует ошибочность старой

---

⁵¹⁰ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ «Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2008 год» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 8.

⁵¹¹ Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 08.06.2021 по делу № 77-1974/2021 // СПС «Консультант Плюс».

позиции⁵¹². При этом мы исходим из того, что смена правовой позиции не должна предопределяться уголовной политикой, поскольку она является внешним по отношению к уголовному закону обстоятельством.

В этой связи апелляция к так называемой «сильной риторике» в судебных решениях – повышенной общественной опасности и требованию обеспечить справедливость при квалификации содеянного, представляется неубедительной, поскольку содержание уголовно-правовой нормы должно выводиться только из текста закона (если речь идет не об оценочных признаках, целевое назначение которых как раз и состоит в учете экономического, социального и политического контекста)⁵¹³.

Примечательно в этой связи Определение Конституционного Суда РФ по жалобе З.Б. Рахматуллоева⁵¹⁴. Заявитель был осужден в 2013 г. за то, что вместе с соучастником расфасовывал наркотик, перевозил его в машине и раскладывал в тайники для будущих покупателей. Суд первой инстанции квалифицировал его действия как покушение на сбыт наркотических средств, предусмотренный ч. 3 ст. 30 и ч. 5 ст. 228¹ УК РФ. В своей жалобе в Конституционный Суд заявитель указывал, что до 30 июня 2015 г. судебная практика понимала совершенные им действия как приготовление к сбыту наркотиков, и лишь после изменения позиции Пленума Верховного Суда данные действия стали пониматься как покушение на сбыт. Поскольку его деяние было совершено раньше указанных изменений, он должен был быть осужден не за покушение, а за приготовление к сбыту наркотиков.

Отказывая в принятии жалобы, Конституционный Суд указал, что при сравнении двух актов судебного толкования необходимо руководствоваться принципом *nullum crimen, nulla poena sine lege*, чтобы правоприменение соответствовало принципам равенства, справедливости и формальной определенности уголовного закона. Также Суд прямо указал на правила действия уголовного закона во времени, что характерно для регулирования нормативных предписаний.

---

⁵¹² Необходимо уточнить, что об ошибочности подхода можно говорить лишь с определенной степенью условности, подразумевая «объективную» ошибочность в виде несоответствия истинной воле законодателя. С юридической точки зрения судебное решение в момент его принятия являлось верным, поскольку основывалось на букве закона и актуальных разъяснениях Верховного Суда РФ.

⁵¹³ Разогреева А.М. Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации по вопросу квалификации преступлений с «негодным» субъектом: опыт дискурс-анализа // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 223.

⁵¹⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 25.10.2016 № 2251–О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Республики Таджикистан Рахматуллоева Зарифджона Бозоровича на нарушение его конституционных прав статьями 30 и 228¹ Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

Отдельное внимание Конституционный Суд уделил самой практике изменения Верховным Судом своих позиций. Как указано в Определении, «одной из целей Верховного Суда РФ является устранение неопределенности нормы, обеспечение ее однозначного истолкования и единообразного применения, в том числе при необходимости адекватного и своевременного приспособления регулирующей роли нормы в единстве ее буквы и духа к той или иной сфере общественных отношений *в их динамике*». И если для конституционного нормоконтроля подобное утверждение бесспорно, то с точки зрения уголовно-правового регулирования с этим трудно согласиться. Поскольку смысл закона выводится из его текста, а сам текст при этом не меняется, представляется что и смысл не может быть изменен по воле судебной власти, какой бы динамикой общественных отношений это ни оправдывалось.

Вместе с тем судебная практика выработала отдельные правила квалификации подобных ситуаций. Так, подобно правилу действия уголовного закона во времени, новые разъяснения, ухудшающие положение виновного лица, также имеют лишь перспективное действие, т.е. применяются к отношениям, возникшим после их принятия. В частности, отдельным письмом Верховный Суд указал судам общей юрисдикции, что разъяснения, по-новому определяющие объективную сторону сбыта наркотиков, следует применять только в случае совершения соответствующих преступлений после 30 июня 2015 г.⁵¹⁵.

Судебная практика восприняла данный подход. К примеру, в приговоре Кировского районного суда Кемерово указано: «Действия А.А. Матюшиной следует квалифицировать по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 228¹ УК РФ как покушение на незаконный сбыт наркотических средств, поскольку деяние подсудимой совершено *до принятия постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 30...*»⁵¹⁶.

Отголоски данных изменений встречаются и в относительно свежих судебных решениях. В приговоре Курганского городского суда Курганской области от 17 мая 2023 г. указано, что «уголовно-правовая оценка инкриминируемого С. преступления

---

⁵¹⁵ Письмо Верховного Суда РФ от 10.07.2015 № 7-ВС-4284/15 «О применении постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14» // СПС «Консультант Плюс». Примечательно при этом, что само постановление Пленума Верховного Суда, изменяющее правовую позицию, было опубликовано в Российской Газете лишь 10 июля 2015 г., что, как представляется, ставит под сомнение презумпцию правознакомства граждан в период с 30 июня по 10 июля 2015 г.

⁵¹⁶ Приговор Кировского районного суда города Кемерово от 21.07.2015 по делу № 1-260-15 // СПС «Консультант Плюс»

должна осуществляться с учетом действовавших во время его совершения разъяснений в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14»⁵¹⁷.

Встречаются примеры, когда данное обстоятельство не учитывается судами вплоть до уровня Верховного Суда, который исправлял допущенные ошибки⁵¹⁸.

Оценим подобные случаи с точки зрения определенности судебной практики. С одной стороны, ограничение действия во времени уголовно-правовых норм, ухудшающих положение лица, совершившего преступление, никем не оспариваются, а правила их применения в целом не вызывают сложностей для судов. С другой стороны, описанные в законе одинаковым образом одни и те же действия получают различную уголовно-правовую оценку в зависимости только от меняющейся позиции Верховного Суда. В круг обязанностей судов добавляется еще одна – проверять позицию высшего судебного органа на ее действие во времени так же, как это происходит применительно к самому уголовному закону. Подобное размывает четкие признаки состава того или иного преступления, к примеру, сбыта наркотиков, поскольку в правовой реальности существует четкий набор действий, характеризующий сбыт до 30 июня 2015 г., и отличный от него набор действий, характеризующий сбыт после этой даты, что способствует формированию в одной правовой реальности противоречивых судебных решений. В этой связи практику Верховного Суда по пересмотру своих правовых позиций при неизменности текста уголовного закона с точки зрения определенности судебной практики трудно оценить положительно.

Отдельный интерес в этом аспекте представляют обратные случаи, при которых правовое положение лиц, совершивших преступление, улучшается в связи с изменением Пленумом Верховного Суда своих позиций.

К примеру, согласно изменениям от 26 ноября 2024 г., угроза заведомо негодным оружием (неисправным, учебным и др.) более не квалифицируется как хулиганство с применением оружия. Пленум разъяснил, что данные действия могут быть

---

⁵¹⁷ Приговор Курганского городского суда Курганской области от 17.05.2023 по делу № 1-131/2023 // СПС «Консультант Плюс».

⁵¹⁸ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 01.10.2024 по делу № 31-УД24-8-К6 // СПС «Консультант Плюс».

квалифицированы как хулиганство, совершенное с угрозой применения насилия⁵¹⁹. Однако до указанной даты разъяснения определяли, что данный случай охватывается квалифицирующим признаком «применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия»⁵²⁰.

Данное изменение несомненно улучшает положение виновных лиц. В этой связи, ссылаясь на новую редакцию постановления Пленума, суды исключали соответствующий признак из объема обвинения⁵²¹. В отдельных случаях суды отмечали ошибочность квалификации действий виновных по признаку использования оружия⁵²².

Аналогичная ситуация сложилась в отношении лиц, осужденных до 2011 г. за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления, когда Верховный Суд под вовлечением понимал лишь сами действия виновного лица, вне зависимости от результивности вовлечения. Очевидно, что новый подход расширил границы объективной стороны преступления, сделав его состав по своей конструкции материальным, что отдалило момент юридического окончания преступления и улучшило положение виновных лиц. В этой связи Президиум Краснодарского краевого суда в своем надзорном постановлении от 20 ноября 2013 г. переквалифицировал действия виновного с ч. 4 ст. 150 на ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 150 УК РФ, руководствуясь новыми разъяснениями Пленума Верховного Суда⁵²³. Суд первой инстанции вынес приговор 27 сентября 2010 г. и ожидаемо оценил действия виновного по попытке вовлечь несовершеннолетнего в угон автомобиля как оконченное преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 150 УК РФ, как и разъяснял на тот момент Верховный Суд. С итоговым решением Президиума согласился и Верховный Суд РФ в своем кассационном определении⁵²⁴.

Аналогичное решение по другому делу принял Верховный Суд Республики Мордовия, переквалифицировав действия виновного с ч. 4 ст. 150 УК РФ на ч. 3 ст. 30

⁵¹⁹ См. пп. 6 п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2024 № 36 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2025. № 1.

⁵²⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 1.

⁵²¹ См., напр.: Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 25.02.2025 № 22-488/2025; Апелляционное определение Верховного суда Республики Бурятия от 04.03.2025 по делу № 22-321/2025 // СПС «Консультант Плюс».

⁵²² Приговор Котельничского районного суда Кировской области от 20.12.2024 по делу № 1-107/2024; Апелляционное определение Московского областного суда от 09.01.2025 № 22-69/2025 // СПС «Консультант Плюс».

⁵²³ Постановление Президиума Краснодарского краевого суда от 20.11.2013 по делу № 44у-721/13 // СПС «Консультант Плюс».

⁵²⁴ Определение Верховного Суда РФ от 28.05.2014 по делу № 18-Д14-12 // СПС «Консультант Плюс».

и ч. 4 ст. 150 УК РФ, ссылаясь на соответствующие разъяснения Верховного Суда⁵²⁵. Совершенные виновным действия по вовлечению несовершеннолетнего были осуществлены им также в период действия ранних разъяснений.

Примечательно, что в обоих случаях, как и в приведенном выше примере в рамках ст. 213 УК РФ, суды констатировали неверную юридическую оценку фактических обстоятельств со стороны нижестоящих судов и изменяли решения в связи с допущенными нарушениями уголовного закона. Данное уточнение имеет отнюдь не только процессуальное значение, поскольку определение основания, наличием которого обусловливались изменения решений судов, влияет на понимание роли разъяснений Верховного Суда.

Как можно заметить, в судебной практике отсутствует единый подход к изменениям Верховным Судом своих позиций. Если новые разъяснения ухудшают положение виновного, суды применяют правила действия уголовно-правовых норм во времени. При улучшении правового положения виновного суды констатируют нарушение уголовного закона. С такой практикой принятия судебных решений трудно согласиться. Обе названные ситуации – одинаковые с точки зрения правовой действительности явления, заключающиеся в изменении позиции Пленума Верховного Суда относительно смысла толкуемой уголовно-правовой нормы. Следовательно, подход в обоих случаях также должен быть единым.

В доктрине отмечается, что указание на нарушение уголовного закона в подобных случаях является вынужденным решением судов, поскольку более подходящих вариантов уголовно-процессуальное законодательство не содержит⁵²⁶. Однако, по нашему мнению, данный довод не оправдывает обоснованность такой практики.

При принятии решения суд первой инстанции в действительности не допускает юридических ошибок, верно толкует уголовный закон и даже учитывает мнение судей вышестоящего суда. Кроме того, признание подобной ситуации ошибкой должно влечь пересмотр принятых решений и в случае ухудшения положения виновного в рамках предусмотренных уголовно-процессуальным законом процедур и сроков, поскольку обратное свидетельствовало бы о нарушении равенства граждан перед законом,

⁵²⁵ Кассационное определение Верховного суда Республики Мордовия от 22.06.2011 по делу № 22-961/11 // СПС «Консультант Плюс».

⁵²⁶ Ображиев К.В. Действие уголовно-правовых норм во времени: проблемы теории и практики // Уголовное право. 2016. № 2. С. 66.

ненадлежащей защите интересов общества и государства, а также прав потерпевших. Однако, как уже указывалось, Верховный Суд не пошел по данному пути. Примечательно, что в одном из своих кассационных определений Верховный Суд привел положения ст. 9 и 10 УК РФ и затем указал, что «*по смыслу вышеприведенных положений закона, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, влекущие за собой ухудшение положения осужденного, не распространяются на деяния, совершенные до их принятия*»⁵²⁷.

Ссылки на ст. 9 и 10 УК РФ, регулирующие правоприменение в случае принятия более мягкого уголовного закона, обязывает судей руководствоваться п. 13 ст. 397 УПК РФ и пересматривать решения в порядке исполнения приговора в связи с изданием уголовного закона, имеющего обратную силу, в случаях, когда положение осужденного улучшается. Однако, когда в конкретном деле в заявлении стороны защиты содержалась данная просьба, Саратовский областной суд указал, что «*каких-либо изменений, улучшающих положение осужденного [...], внесено не было, в связи с чем оснований для принятия ходатайства А. к производству не имеется*»⁵²⁸. Иными словами, суд истолковал ст. 10 УК РФ как относящуюся исключительно к уголовному закону и его вступлению в силу, а не к постановлениям Пленума Верховного Суда.

По нашему мнению, в данном вопросе необходимо прийти к общему знаменателю и оценивать приведенные ситуации одинаковым образом. Наиболее предпочтительный вариант разрешения указанной проблемы видится в том, что ст. 10 УК РФ должна предусматривать возможность придания обратной силы не только непосредственно уголовному закону, но и уголовному закону в его истолковании, содержащемся в правовых позициях Пленума Верховного Суда РФ и Президиума Верховного Суда.

Предложенный подход имеет преимущество перед альтернативой в виде формулирования нового основания для изменения приговора в порядке контроля вышестоящим судом.

Во-первых, это избавит от необходимости констатировать судебную ошибку там, где ее не было. Во-вторых, данное законодательное изменение будет способствовать обеспечению равенства прав граждан, поскольку, как подчеркивал Конституционный

⁵²⁷ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 01.10.2024 по делу № 31-УД24-8-К6 // СПС «Консультант Плюс».

⁵²⁸ Апелляционное постановление Саратовского областного суда от 21.11.2019 по делу № 22-3478/2019 // СПС «Консультант Плюс».

Суд, «императивное по своему характеру правило [...] предписывающее применять новый закон в случаях, когда после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, не предполагает наличие у суда или иного органа, применяющего закон, дискреционных полномочий, которые позволяли бы ему в таких случаях игнорировать действие этого закона. Следовательно, государство [...] должно обеспечить на практике действие механизма приведения в соответствие с ним ранее принятых судебных решений независимо от наличия просьбы со стороны заинтересованных лиц»⁵²⁹. Таким образом, ревизионная обратная сила улучшающих положение виновного лица разъяснений не будет обусловлена наличием заявления со стороны защиты, что, в свою очередь, повысит гарантии определенности и обеспечения единообразия в применении уголовного закона.

Не менее важным аспектом темпоральной согласованности уголовного закона и его толкования является требование к актуальности правовых позиций Верховного Суда. Руководствуясь той же логикой, которая ставит толкование в зависимость от текста уголовного закона, следует заключить, что законодательные изменения должны влечь пересмотр правовых позиций Верховного Суда РФ по соответствующей проблеме, которые опирались на прошлый законодательный материал. Если разъяснение более не основывается на тексте закона, оно должно быть исключено, либо скорректировано в соответствии с современными правовыми реалиями, поскольку оно уже не отражает действительную законодательную волю и не раскрывает смысл уголовно-правовой нормы. Однако анализ правоприменительной практики позволяет утверждать, что ситуации, при которой уголовный закон меняется, а постановление Пленума Верховного Суда сохраняет свою правовую позицию в прежнем виде, не являются редкостью⁵³⁰.

Так, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» содержало

---

⁵²⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.2006 № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 3 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации», Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устраниющим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А.К. Айжанова, Ю.Н. Александрова и других» // СПС «Консультант Плюс».

⁵³⁰ См. подробнее: Ленюсский А.А. Актуальность разъяснений Верховного Суда РФ как условие единообразия судебной практики // Законность. 2025. № 10. С. 38–42.

указание о том, что совершение лицом преступления в состоянии опьянения не является отягчающим обстоятельством (абз. 2 п. 10). До октября 2013 г. данное разъяснение было согласовано с законом, однако после принятия 21 октября 2013 г. Федерального закона № 270-ФЗ Уголовный кодекс претерпел ряд изменений, среди которых было введение ч. 1.1 ст. 63 УК РФ⁵³¹. Согласно данной норме суд, назначающий наказание, мог признать опьянение отягчающим обстоятельством в зависимости от обстоятельств конкретного дела. Данное постановление имело несколько редакций, в том числе принятых уже после принятия поправок в УК РФ. Лишь через два года, когда Пленум Верховного Суда принял новое постановление от 22 декабря 2015 г. «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», разъяснение по данному вопросу утратило свою силу, а новое пришло в соответствие с текстом закона.

В абз. 3 п. 47 постановления от 11 января 2007 г. № 2 Пленум Верховного Суда разъяснял, что условное осуждение должно быть отменено при совершении лицом преступления, относящегося к категории средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого. Данная рекомендация просуществовала до 2015 г., пока данное постановление не было отменено. Вместе с тем еще в 2011 г. законодатель решил, что совершение преступления средней тяжести больше не влечет безусловной отмены условного осуждения. Данный вопрос стал решаться судом в индивидуальном порядке (ч. 4–5 ст. 74 УК РФ).

Действующее постановление о судебной практике по делам об убийстве 1999 г. в п. 7 до сих пор содержит указание на то, что убийство, сопряженное с захватом заложника, квалифицируется по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, в то время как сама норма была изменена в 2009 г., и данный признак был из нее исключен шестнадцать лет назад.

Пленум Верховного Суда более трех лет после соответствующих законодательных изменений разъяснял, что умолчание о незаконном владении банковской картой должно квалифицироваться как мошенничество, предусмотренное ст. 159³ УК РФ (п. 17)⁵³². Руководствуясь данными разъяснениями, Шестой кассационный суд общей юрисдикции осудил виновного Ю.Ю. Кектана по ст. 159³ УК РФ⁵³³. Однако в кассационном

⁵³¹ Федеральный закон от 21.10.2013 № 270-ФЗ «О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 43. Ст. 5440.

⁵³² Речь идет об утратившем силу п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. № 1 от 30.11.2017) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

⁵³³ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 13.05.2020 № 77-954/2020 // СПС «Консультант Плюс».

определении Верховный Суд упрекнул нижестоящую инстанцию в использовании его же (Пленума Верховного Суда) разъяснений. Как указано в определении, «разъяснения были даны применительно к ранее действовавшей редакции ст. 159 УК РФ. Однако Федеральным законом [...] в ст. 159³ УК РФ внесены изменения»⁵³⁴. Тому обстоятельству, что данные разъяснения сохранялись спустя два года после законодательных изменений, в том числе и в 2020 г. (на момент принятия кассационным судом своего решения), Верховный Суд оценки не дал.

Подобное положение дел негативным образом складывается на правоприменении и, как представляется, не способствует, а напротив, препятствует обеспечению единобразия и определенности судебного толкования уголовного закона. Показателен в обсуждаемом аспекте следующий пример.

Действующее постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» в своей первой редакции определяло, что использование заведомо непригодного оружия при хулиганстве дает основания для квалификации действий виновного как хулиганства, совершенного с применением оружия. Однако данное указание Верховный Суд сформулировал путем ссылки на п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ в актуальной на тот момент редакции уголовного закона, которая и предусматривала соответствующий признак.

Однако в 2020 г. законодатель изменил ст. 213 УК РФ. Теперь соответствующий признак содержался в ч. 2 ст. 213 УК РФ, а п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ стал предусматривать применение насилия или угрозу его применения в ходе хулиганства. Вместе с тем Пленум Верховного Суда законодательным изменениям оценки не дал и долгое время не пересматривал свои позиции. Несмотря на то, что соответствующие разъяснения оказались неактуальны, формально они продолжали действовать, что привело к непредсказуемой судебной практике.

Некоторые суды, буквально воспринимая текст разъяснений, квалифицировали действия виновного по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ. К примеру, таким образом

---

⁵³⁴ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.09.2020 по делу № 12-УДП20-5-К6 // СПС «Консультант Плюс».

квалифицировалось хулиганство с использованием списанного охолощённого оружия⁵³⁵, макета массогабаритного автомата⁵³⁶, непригодного для стрельбы пистолета⁵³⁷, игрушечного пистолета⁵³⁸, муляжа ручной гранаты⁵³⁹.

В других случаях суды трактовали текст разъяснений с учетом времени их принятия и определяли ссылку Верховного Суда не на п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ, а на признак применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия. В этом случае выводы были противоположными и квалификация осуществлялась по ч. 2 ст. 213 УК РФ в действующей редакции уголовного закона. Так, данная квалификация отражена при использовании учебно-имитационной гранаты⁵⁴⁰, непригодного для стрельбы пистолета⁵⁴¹, а также электропневматического автомата⁵⁴². Как можно отметить, указанные предметы не имеют сущностных отличий между собой ни в первом, ни во втором случае, что нельзя сказать о правовом положении осужденных.

В одном из приведенных решений примечательно то, что суд отдельно указал: «Данное постановление принято в 2007 году, когда действовала иная редакция ст. 213 УК РФ, [...] каких-либо изменений в редакцию постановления Пленума Верховного Суда РФ в связи с последующим изменением редакции ст. 213 УК РФ не вносилось, и данная редакция постановления действует до сих пор».

Таким образом, одни и те же обстоятельства получали различную правовую оценку, что было вызвано непониманием актуальной правовой позиции Верховного суда по данному вопросу.

Полностью поддерживая подход, представленный в последнем решении, отметим, что в подобных случаях суды должны выбирать «меньшее из зол», поскольку в любом

---

⁵³⁵ Апелляционное определение Ленинградского областного суда от 04.07.2024 по делу № 22-436/2024; Приговор Люберецкого городского суда Московской области от 11.07.2024 по делу № 1-610/2024 // СПС «Консультант Плюс».

⁵³⁶ Приговор Воскресенского городского суда Московской области от 01.12.2022 по делу № 1-469/2022 // СПС «Консультант Плюс».

⁵³⁷ Приговор Октябрьского районного суда города Уфы от 29.08.2023 по делу № 1-468/2023 // СПС «Консультант Плюс».

⁵³⁸ Приговор Железнодорожного районного суда города Новосибирска от 15.10.2024 по делу № 1-313/2024 // СПС «Консультант Плюс».

⁵³⁹ Приговор Советского районного суда города Красноярска от 09.09.2024 по делу № 1-1269/2024 // СПС «Консультант Плюс».

⁵⁴⁰ Приговор Промышленного районного суда города Ставрополя от 13.04.2022 по делу № 1-100/2022 // СПС «Консультант Плюс».

⁵⁴¹ Апелляционное определение Кировского областного суда от 02.12.2021 по делу № 22-2158/2021 // СПС «Консультант Плюс».

⁵⁴² Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 03.06.2022 по делу № 22-2273/2022 // СПС «Консультант Плюс».

из двух вариантов они нарушают либо уголовный закон, либо разъяснения вышестоящего судебного органа. Как показывает анализ, опасаясь возможной отмены судебного решения, суды в целом отдают предпочтение именно разъяснениям Верховного Суда.

Упрекать нижестоящие суды в том, что ими не была учтена актуальность разъяснений Пленума Верховного Суда, как это представлено в решении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу Ю. Ю. Кектана, по нашему мнению, несправедливо. Как указывал Конституционный Суд, толкование закона высшими судебными органами оказывает существенное воздействие на формирование судебной практики. Оно фактически является обязательным для нижестоящих судов *на будущее время*⁵⁴³. В постановлении подчеркивается, что обязательность для учета сохраняется не в момент принятия разъяснений и не до первых законодательных изменений, а на будущее время.

Кроме того, обязанность критического восприятия позиций Верховного Суда судами общей юрисдикции еще больше усложнит и без того непростую систему их сосуществования с уголовным законом. Как указывалось на протяжении всего диссертационного исследования, нередки случаи, когда разъяснения противоречат тексту Уголовного кодекса или дополняют уголовное право новыми положениями. Совершенно неясно при этом, в каких случаях Верховный Суд настаивает на собственном видении уголовного закона, а в каких случаях суды должны понять неактуальность его разъяснений. При этом молчание Верховного Суда РФ можно легко расценить как подтверждение ранее избранной позиции, которая не нуждается в каких-либо изменениях. Отказ от руководящей роли Верховного Суда в одних случаях и сохранение ее в других не позволит даже фактически определить статус разъяснений для правоприменительной практики, что безусловно приведет к снижению уровня ее единообразия и определенности.

Очевидно, что при этом необходимо учитывать содержание возникающих противоречий. В случае прямого и очевидного несоответствия уголовного закона и правовых позиций Верховного Суда в силу потери последними своей актуальности,

---

⁵⁴³ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение «Берег», открытых акционерных обществ «Карболит», «Завод «Микропровод» и «Научно-производственное предприятие «Респиратор»» // СПС «Консультант Плюс».

суды ожидаемо руководствуются лишь Уголовным кодексом. Например, нам не удалось найти решений судов, в которых учитывалась бы действующая рекомендация Верховного Суда о вменении п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ в случае убийства, сопряженного с захватом заложника. Следовательно, даже если подобное разъяснение не является актуальным, судебная практика все равно остается определенной и единообразной.

Однако если позиция Верховного Суда не противоречит законодательным изменениям безусловно и напрямую, то судебная практика рискует оказаться неопределенной, что было продемонстрировано нами на конкретных примерах. Справедливо предположить, что в таких случаях, пока действует то или иное разъяснение Верховного Суда, это разъяснение транслирует волю высшего судебного органа, а, следовательно, принятые на его основе судебные решения не должны признаваться незаконными.

В этой связи чрезвычайно важно не допускать возникновения подобных ситуаций на практике. Представляется, что именно Верховный Суд, выступая гарантом точности и определенности сформулированных им же правовых позиций, в силу возложенной на него обязанности обеспечения единообразия судебной практики в стране должен предотвращать возможные противоречия и оперативно поддерживать актуальность своих разъяснений.

В завершение данного параграфа сформулируем следующие выводы.

Темпоральная согласованность законодательных изменений и позиций Верховного Суда РФ при толковании уголовного закона является одним из условий обеспечения определенности и единообразия судебной практики. Особое значение в этой связи приобретает практика пересмотра Верховным Судом своих правовых позиций при неизменной букве закона, которую трудно оценить положительно, поскольку данная деятельность создает сразу несколько «смыслов» правового положения, в зависимости от времени его применения. При этом правоприменитель демонстрирует различный подход к подобным изменениям. Если новая правовая позиция содержательно ухудшает положение лица, совершившего преступление, по сравнению с ранее действовавшими разъяснениями, суды используют правила действия уголовного закона во времени. Если новая правовая позиция улучшает его правовое положение, то все решения нижестоящих судов отменяются в связи с неправильным применением уголовного закона. Решение возникших противоречий видится в том, что ст. 10 УК РФ должна предусматривать

возможность придания обратной силы не только непосредственно уголовному закону, но и уголовному закону в его истолковании, содержащемся в правовых позициях Пленума Верховного Суда РФ и Президиума Верховного Суда РФ.

Также условием единообразия судебной практики и определенности уголовного закона является поддержание актуальности правовых позиций Верховного Суда РФ в условиях постоянно изменяющегося законодательства. Наибольшее значение подобное приобретает в случае, когда неприменимость правовой позиции Верховного Суда в явном виде не вытекает из характера законодательных изменений. Отсутствие актуальных разъяснений при таких условиях способно привести к разобщенной судебной практике и снижению определенности уголовного закона. Разрешение потенциальных противоречий видится в признании презумпции актуальности таких разъяснений и допустимости их учета судами общей юрисдикции при отправлении правосудия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведение подавляющего большинства диссертационных исследований по праву так или иначе связано с проверкой значимости доктринальных идей и научных взглядов для судебной практики. При этом насколько бы ни были разработаны и общепризнаны те или иные теоретические постулаты, именно реальное правоприменение всегда представляло особый интерес для ученых при проверке своих выводов и предположений. Ведь, как известно, теория без практики мертва, а практика без теории слепа. В этой связи, несмотря на то, что теория толкования уголовного закона является одной из наиболее разработанных в науке уголовного права, именно практика правоприменения обнажает ряд проблем, не получивших своего однозначного решения до сих пор.

Представляется, что изначальная причина проблем состоит в том, что при всей разработанности учения о толковании, наука уголовного права спустя несколько столетий так и не смогла договориться об основных понятиях этого учения. С учетом этого в настоящем диссертационном исследовании был уточнен терминологический аппарат и дано определение судебного толкования уголовного закона как интеллектуальной деятельности суда (судьи), направленной на уяснение его действительного смысла, изложенного в принятом законодателем тексте. Дальнейшее его разъяснение выходит за рамки толкования, однако непосредственно с ним связано в рамках правоприменения, поскольку суды строго ограничены в формах осуществления своей деятельности. В этой связи судебное толкование предопределено необходимостью вынесения правоприменительного акта по конкретному уголовному делу, а внешней формой его выражения является судебное решение или самостоятельный акт, разъясняющий положения уголовного закона. Объектом толкования должен выступать текст уголовного закона, а не его дух, общий и незримый смысл или желание законодателя. Целью толкования является определение воли законодателя, воплотившейся в тексте уголовного закона на момент его принятия. При этом в случае, если интерпретатор обнаруживает противоречие между волей законодателя и итоговым текстом уголовного закона, приоритет должен отдаваться последнему в силу формальной определенности уголовного закона и принципа законности. Как показало проведенное исследование, именно это положение нередко нарушается судами при толковании отдельных, зачастую пробельных положений уголовного закона, через указание на общий смысл закона, который не выводится из его буквы.

Вместе с тем выявленное противоречие между буквой закона и волей законодателя может служить сигналом для законодателя о том, что его замысел не получил своего отражения в тексте уголовного закона, и для выражения действительной законодательной воли последний нуждается в корректировке.

Анализ предлагаемых в науке принципов судебного толкования продемонстрировал отсутствие у них какого-либо содержательного наполнения, которое могло бы предопределять деятельность интерпретатора и задавать ему общие ориентиры в процессе толкования. В силу полной производности толкования от самого законодательного материала, предлагаемые принципы, в частности справедливости или защиты прав граждан, необходимо адресовывать законодателю при разработке им текста уголовного закона. В то же время в диссертационном исследовании поддерживается подход, выделяющий принцип законности и принцип *in dubio pro reo* при толковании уголовного закона. Принцип законности определен как необходимость соответствия судебного толкования уголовного закона тому истолкованию, которое дает Конституционный Суд РФ. Несмотря на то, что принцип *in dubio pro reo* преимущественно раскрывается в уголовно-процессуальном аспекте при установлении и анализе фактических обстоятельств уголовного дела, автором отстаивается позиция, что он имеет и материально-правовое содержание, что подтверждается практикой Конституционного Суда РФ, соответствующим образом толкующего непреодолимые сомнения, вытекающие из не в полной мере определенного текста уголовного закона.

Анализ выделяемых в доктрине способов толкования уголовного закона через призму практического правоприменения позволил сделать вывод о целесообразности выделения лишь грамматического и системного способов толкования уголовного закона. Как показало исследование, судебная практика далеко не всегда воспринимает выработанные правила толкования и зачастую выявляет абстрактный смысл закона в весьма неожиданных его интерпретациях. Нередко подобная деятельность критируется в работах как общего характера, так и в узконаправленных трудах, посвященных анализу той или иной группы преступлений. Ряд отступлений от правил грамматического толкования хоть и не входит в прямое противоречие с буквой закона, однако препятствует единообразному и предсказуемому применению уголовного закона, в частности при употреблении терминов в различных значениях, употреблении различных терминов в одном значении, а также при произвольном изменении значения общеупотребительных

слов. Судебная практика демонстрирует, что при преодолении выводов, получаемых в результате грамматического толкования, суды в большинстве случаев недостаточно мотивируют свою позицию, либо ограничиваются указанием на общий смысл закона.

В диссертационном исследовании отстаивается позиция, согласно которой смысл, выявленный в результате грамматического толкования уголовного закона, может быть уточнен лишь в рамках системного толкования, которое, с одной стороны, играет дополняющую роль, а с другой – обладает приоритетом в силу своей специальности и конкретизации. Однако и системное толкование не является универсальным способом, который может быть применён при толковании любого уголовно-правового положения. В ряде случаев правоприменитель демонстрирует стремление к формулировке автономных уголовно-правовых понятий, которые внешне выглядят как бланкетные термины, однако не требуют для своего толкования обращения к иноотраслевому законодательству. Подобная деятельность, не получившая на сегодняшний день должного научного осмысливания, ставит вопрос о системной связи регулятивных и охранительных норм. Представляется, что практика нуждается в четких критериях и основаниях для наделения понятий регулятивных отраслей собственным смыслом. На данном этапе развития учения о толковании стоит отметить, что определение бланкетного или автономного термина в тексте уголовного закона зависит от его функционального назначения, определяемого логическим путем.

Представляется важным вывод о том, что использование исторического способа толкования уголовного закона допустимо лишь в качестве подтверждения выводов, сделанных интерпретатором на основе грамматического и системного толкования. В случае выявления противоречий между смыслами, выявленными в результате использования данных способов толкования, приоритет должен отдаваться последним в силу их большей опоры на текст уголовного закона. Как продемонстрировано в настоящем диссертационном исследовании, нередко суды не учитывают данное правило и отдают приоритет историческому толкованию уголовного закона, что приводит к судебным ошибкам.

Анализ правоприменительных решений преимущественно последних десяти лет показал, что все чаще возникают ситуации, в которых толкование и правотворчество в судебных актах идут «рука об руку». В подавляющем большинстве случаев расширительное толкование и аналогия не разграничиваются между собой

и декларируются как недопустимые. Вместе с тем реальное содержание правоприменительных решений свидетельствует о широком применении судами аналогии как для преодоления системных пробелов уголовного закона, так и для корректировки объемов преступного и наказуемого. Однако подобная деятельность вновь маскируется под толкование незримого смысла уголовного закона.

Отсутствие каких-либо четких нормативных правил толкования уголовного закона, с одной стороны, обусловливает наличие взаимоисключающих судебных решений, а с другой, усиливает роль Верховного Суда как органа, призванного бороться с данным явлением и обеспечивать единообразие судебной практики. Однако, как показал проведенный анализ, несмотря на безусловно положительную деятельность Верховного Суда в данном направлении, порой его правовые позиции могут внести противоречия в правоприменительную практику.

С точки зрения реального влияния на процесс правоприменения в настоящем диссертационном исследовании были выделены следующие формы деятельности Верховного Суда: принятие постановлений Пленумом Верховного Суда, принятие Ответов на вопросы судов по применению тех или иных положений Уголовного кодекса, принятие решений Президиумом Верховного Суда по конкретным уголовным делам, решений Судебной коллегии Верховного Суда, представленных в обзоре судебной практики, в силу утверждения последнего Президиумом Верховного Суда. Сформулированные в указанных документах правовые позиции Верховного Суда по существу являются универсальным и обязательным толкованием уголовного закона для всех судов общей юрисдикции.

Обзоры судебной практики по уголовным делам могут иметь значение универсального и обязательного толкования уголовного закона только в случае, если содержат в себе ту или иную позицию по применению положений Уголовного кодекса, которая была сформулирована Судебной коллегией Верховного Суда РФ и в последующем одобрена и поддержана Президиумом Верховного Суда путем ее включения в соответствующий обзор судебной практики. В ином случае, когда в обзоре судебной практики содержится указание на правовую позицию, сформулированную Президиумом Верховного Суда по конкретному уголовному делу, либо на разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда, говорить о самостоятельном влиянии данного документа на судебную практику трудно.

Отдельное внимание в диссертационном исследовании уделено вопросу определенности уголовного закона при его толковании Верховным Судом. Автором отмечается, что для достижения указанной цели Верховному Суду необходимо выявить норму, недостаточно ясно изложенную в тексте уголовного закона, и после этого сформулировать правовую позицию, раскрывающую ее смысл. При этом анализ судебной практики показал, что правоприменитель нуждается в определении границ универсальности сформулированных правовых позиций Верховного Суда, поскольку их отсутствие приводит к противоречивой практике по смежным уголовно-правовым вопросам. Решением указанной проблемы может стать более подробная мотивировка Верховным Судом своей правовой позиции со ссылкой на конкретные положения законодательства и раскрытием их содержания применительно к конкретной правовой ситуации, либо с помощью обращения к положениям уголовно-правовой доктрины, поддерживаемой судом. Данная практика позволит определить наличие или отсутствие единого подхода высшего судебного органа к толкованию тех или иных положений уголовного закона, что будет способствовать достижению единообразия в правоприменении.

В диссертационном исследовании рассмотрен вопрос темпоральных пределов действия актов разъяснения уголовного закона Верховным Судом. Автором отмечается, что изменение правовых позиций Верховного Суда в сторону улучшения правового положения лица, совершившего преступление, при неизменной букве уголовного закона необходимо учитывать в качестве основания для применения ст. 10 УК РФ и применения уголовно-правовых норм в их истолковании, содержащемся в правовых позициях Пленума Верховного Суда РФ и Президиума Верховного Суда РФ.

Рассматривая обратные случаи, когда разъяснения Пленума Верховного Суда не меняются в условиях законодательных изменений, автор пришел к следующим выводам: при очевидной и бесспорной потере актуальности разъяснений, к примеру, при полной декриминализации того или иного деяния, являющегося предметом разъяснения Верховного Суда, такое разъяснение не может подлежать применению. В случае если разъяснение меняет свое содержание, однако может быть учтено правоприменителем без нарушения принципа законности, должна сохраняться презумпция актуальности разъяснений Пленума Верховного Суда.

При этом сама по себе ситуация рассинхронизации во времени законодательных изменений и толкования уголовного закона Верховным Судом, с учетом складывающейся правоприменительной практики, признается автором нежелательной и приводящей к противоречивым судебным решениям, в связи с чем возникновение подобных противоречий должно быть исключено или сведено к минимуму путем постоянного поддержания актуальности правовых позиций Верховного Суда в условиях изменяющегося законодательства.

Вместе с тем, в силу многогранности темы исследования, сохраняются перспективы для ее дальнейшей разработки. Так, более детального исследования заслуживает вопрос отражения уголовно-правовой доктрины в судебных решениях как опоры для той или иной правовой позиции при толковании уголовного закона. В частности, необходимо более конкретное определение правил и пределов подобной аргументации, критериев, предъявляемых как к самой доктрине, так и к ее авторам. Подобные вопросы не получили подробного освещения в настоящей работе и представляют собой перспективное направление развития учения о судебном толковании уголовного закона.

БИБЛИОГРАФИЯ

Нормативные правовые акты Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. 04.07.2020.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
6. Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) «О Верховном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 550.
7. Закон РСФСР от 22.03.1991 № 948-I «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 18.04.1991. № 16. Ст. 499.
8. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 23.07.2025) «О средствах массовой информации» // Российская газета. 1992. 8 февраля.
9. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «Об оперативно-розыскной деятельности» // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
10. Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О наркотических средствах и психотропных веществах» // СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 219.
11. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.
12. Федеральный закон от 21.10.2013 № 270-ФЗ «О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 43. Ст. 5440.

13. Федеральный закон от 06.03.2022 № 38-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 10. Ст. 1395.

14. Постановление Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 (ред. от 11.06.2025) «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 27. Ст. 3198.

Международные нормативные правовые акты и материалы судебной практики

15. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с «Протоколом (№ 1)» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

16. Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года // СЗ РФ. 2000. № 22. Ст. 2269.

17. Конвенция о психотропных веществах (заключена в г. Вене 21.02.1971) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXV. М., 1981. С. 416–434.

18. Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (заключена в г. Вене 20.12.1988) // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Вып. XLVII. М., 1994. С. 133–157.

19. Постановление ЕСПЧ от 25.04.1978 «Дело «Тайрер (Tyrer) против Соединенного Королевства» // СПС «Консультант Плюс»

20. Постановление Европейского Суда по делу «S.W. против Соединенного Королевства» (S.W. v. United Kingdom) от 22 ноября 1995 г. // СПС «Консультант Плюс».

Утратившие силу документы

21. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

22. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 (ред. от 27.04.1959) «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
23. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
24. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 24.07.1929 «Об утверждении положения о Верховном Суде Союза ССР и прокуратуре Верховного Суда Союза ССР». СЗ СССР. 1929. № 50. Ст. 444.
25. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 07.08.1932 «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» // СЗ СССР. 1932. № 62. Ст. 360.
26. Закон СССР от 25.12.1958 «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1958. № 1. Ст. 6.
27. Федеральный закон от 24.06.2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» // СЗ РФ. 2023. № 26. Ст. 4678.
28. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 11.07.1972 № 4 «О судебной практике по делам о хищении государственного и общественного имущества» (утратило силу) // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924–1973, М., 1974.
29. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 03.12.1976 № 16 (ред. от 05.12.1986) «О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность» (утратило силу) // СПС «Консультант Плюс».
30. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23.09.1977 № 16 «О судебной практике по делам о взяточничестве» (утратило силу) // СПС «Консультант Плюс».
31. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 27.11.1981 № 6 «О внесении изменений и дополнений в Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. № 4 «О судебной практике по делам о хищении

государственного и общественного имущества» (утратило силу) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1982. № 1

32. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.07.1997 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Российской Федерации уголовного законодательства об ответственности за уклонение от уплаты налогов» (утратило силу) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 9.

33. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2000 № 6 (ред. от 22.05.2012) «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» (утратило силу) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4.

34. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.02.2000 № 7 (ред. от 06.02.2007) «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» (утратило силу) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4.

35. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.01.2007 № 2 (ред. от 03.12.2013) «О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания» (утратило силу) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2.

Проекты нормативных правовых актов и сопроводительные документы

36. Законопроект № 200753–6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»
// URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/200753-6>

37. Законопроект № 352918–6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»
// URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/352918-6>

38. Законопроект № 613254–6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения достоверности сведений, представляемых при государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/613254-6>

39. Законопроект № 186266–7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/186266-7>

40. Законопроект № 645492–7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности»
// URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/645492-7>

41. Законопроект № 848246–7 «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/848246-7>

42. Законопроект № 1024643–7 «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1024643-7>

43. Законопроект № 902782–8 «О внесении изменений в статью 104–1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/902782-8>

Материалы судебной практики

Акты Конституционного Суда РФ:

44. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.07.2001 № 11–П «По делу о проверке конституционности постановления Государственной Думы от 28 июня 2000 года № 492–III ГД «О внесении изменения в Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 55–летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Советского районного суда города Челябинска и жалобами ряда граждан» // СПС «Консультант Плюс».

45. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2003 № 9–П «По делу о проверке конституционности положения статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П.Н. Белецкого, Г.А. Никовой, Р.В. Рукавишникова, В.Л. Соколовского и Н.И. Таланова» // СПС «Консультант Плюс».

46. Определение Конституционного Суда РФ от 14.10.2004 № 325–О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Власова Валерия Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 4, 49, 52, 53 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пунктом 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2004 года «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

47. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.2006 № 4–П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 3 Федерального закона «О введении в действие

Уголовного кодекса Российской Федерации», Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устраниющим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А.К. Айжанова, Ю.Н. Александрова и других» // СПС «Консультант Плюс».

48. Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2007 № 598-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Азизова Мухарутдина Азизовича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 406 и частью первой статьи 412 Уголовно-процессуального кодекса РФ, а также Постановлением Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами норм главы 48 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих производство в надзорной инстанции» // СПС «Консультант Плюс».

49. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.03.2008 № 6-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 21 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Товарищество застройщиков», открытого акционерного общества «Нижнекамскнефтехим» и открытого акционерного общества «ТНК-ВР Холдинг» // СПС «Консультант Плюс».

50. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» // СПС «Консультант Плюс».

51. Определение Конституционного Суда РФ от 20.11.2008 № 970-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Рубанова Виктора Макаровича на нарушение его конституционных прав отдельными положениями Гражданского кодекса РФ, Гражданского процессуального кодекса РСФСР, Кодекса РФ об административных правонарушениях, Налогового кодекса РФ, Трудового кодекса РФ, Уголовно-процессуального кодекса РФ, а также нормативными актами федеральных министерств и ведомств, судебными постановлениями» // СПС «Консультант Плюс».

52. Определение Конституционного Суда РФ от 29.01.2009 № 41-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Капцуговича Севастьяна

Игоревича на нарушение его конституционных прав статьей 242 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

53. Определение Конституционного Суда РФ от 02.07.2009 № 1037-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ходорковского Михаила Борисовича на нарушение его конституционных прав статьей 160 и примечанием 1 к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС »Консультант Плюс».

54. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение «Берег», открытых акционерных обществ «Карболит», «Завод «Микропровод» и «Научно-производственное предприятие «Респиратор»» // СПС «Консультант Плюс».

55. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2011 № 3-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.В. Капорина, И.В. Коршуна и других» // СПС «Консультант Плюс».

56. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.2014 № 31-П «По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Глория»» // СПС «Консультант Плюс».

57. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2015 № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества «Газпром нефть» // СПС «Консультант Плюс».

58. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 22-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 226¹ уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О.Е. Недашковского и С.П. Яковleva» // СПС «Консультант Плюс».

59. Определение Конституционного Суда РФ от 25.10.2016 № 2251-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Республики Таджикистан

Рахматуллоева Зарифджона Бозоровича на нарушение его конституционных прав статьями 30 и 228¹ Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

60. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212¹ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» // СПС »Консультант Плюс».

61. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.10.2017 № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д.А. Абрамова, В.А. Ветлугаева и других» // СПС «Консультант Плюс».

62. Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2018 № 2047-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Слабодчикова Андрея Ивановича на нарушение его конституционных прав частью первой и пунктами «а», «г» части второй статьи 242¹ Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

63. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.04.2021 № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116¹ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой» // СПС «Консультант Плюс».

64. Определение Конституционного Суда РФ от 09.07.2021 № 1374-О «О прекращении производства по делу о проверке конституционности пункта «г» части третьей статьи 158 и статьи 159³ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Железнодорожного районного суда города Рязани» // СПС «Консультант Плюс».

65. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2022 № 53-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Тихоокеанского флотского военного суда» // СПС «Консультант Плюс».

66. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2023 № 19-П «По делу о проверке конституционности части первой и пункта «в» части второй статьи 178 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пункта 1 примечаний к данной статье в связи с жалобой гражданина С.Ф. Шатило» // СПС «Консультант Плюс».

67. Определение Конституционного Суда РФ от 30.11.2023 № 3259-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фоминцева Дмитрия Валерьевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 292 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

68. Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2024 № 2048-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Комар Марины Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью первой 1 статьи 205¹ Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

69. Определение Конституционного Суда РФ от 26.09.2024 № 2108-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Украины Соколюка Александра Анатольевича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также абзацем третьим пункта 4 и пунктом 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // СПС «Консультант Плюс».

Акты Верховного Суда РФ:

70. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.04.1994 № 2 (ред. от 06.02.2007) «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» // Российская газета. 1994. 14 июля.

71. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 5.

72. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.

73. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 (ред. от 11.06.2019) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // СПС «Консультант Плюс».

74. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.06.2002 № 14 (ред. от 18.10.2012) «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной

безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 8.

75. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003, № 2.

76. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 № 23 (ред. от 07.07.2015) «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 1.

77. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 8.

78. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 (ред. от 26.11.2024) «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 1.

79. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 03.04.2008 № 4 «О внесении изменения в постановление пленума верховного суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 6.

80. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8.

81. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.

82. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 № 6 (ред. от 03.03.2015) «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 7.

83. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 15.12.2022) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 12.

84. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

85. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

86. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 2.

87. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 30 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 года № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

88. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 (ред. от 26.02.2019) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

89. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

90. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

91. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 17 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного

Суда Российской Федерации по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7.

92. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

93. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.05.2018 № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 7.

94. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2018 № 17 (ред. от 12.12.2023) «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 1.

95. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 2.

96. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

97. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 3.

98. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324–327¹ Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2020. 30 декабря.

99. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 № 22 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации» // Российская газета. 2021. 16 июля.

100. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 7.

101. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2023 № 47 «О практике применения судами законодательства об отсрочке отбывания наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 2.

102. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2024 № 36 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2025. № 1.

103. Письмо Верховного Суда РФ от 10.07.2015 № 7-ВС-4284/15 «О применении постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14» // СПС «Консультант Плюс».

104. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 01.10.1997 «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 1997 года» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 12.

105. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 19.04.1999 «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 1998 года» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 7.

106. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 04.07.2001 «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2001 года» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 10.

107. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ «Некоторые вопросы судебной практики по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 4.

108. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ «Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2006 год» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 12.

109. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ «Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2008 год» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 8.

110. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2009 года (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 10.03.2010) (ред. от 29.12.2010) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 5.

111. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2015) (ред. от 26.04.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 9.

112. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017) (ред. от 26.04.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1–3.

113. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018) (ред. от 26.12.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 5–6.

114. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 5.

115. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 3.

116. Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению Федеральных законов от 3 июля 2016 года № 323–ФЗ–326–ФЗ, направленных на совершенствование уголовной ответственности за коррупционные преступления и преступления экономической направленности, а также оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности (вступили в силу с 15 июля 2016 года)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.09.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

117. Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению положений статьи 72 УК РФ (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 31.07.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 1.

118. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 11.08.1999 по делу № 749п99 // СПС «Консультант Плюс».

119. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 04.10.2006 по делу № 345п06 // СПС «Консультант Плюс».

120. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 14.11.2007 по делу № 470–П07пр // СПС «Консультант Плюс».

121. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 29.07.2009 по делу № 157-П09 // СПС «Консультант Плюс».

122. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 11.04.2012 по делу № 34-П12 // СПС «Консультант Плюс».

123. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 23.04.2014 по делу № 27П14 // СПС «Консультант Плюс».

124. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 29.03.2017 по делу № 27П17 // СПС «Консультант Плюс».

125. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 28.10.2020 по делу № 131-П20 // СПС «Консультант Плюс».

126. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 13.04.2009 по делу № 44-О09-18 // СПС «Консультант Плюс».

127. Определение Верховного Суда РФ от 08.02.2011 по делу № 19-О11-7 // СПС «Консультант Плюс».

128. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 26.01.2012 по делу № 66-О11-158СП // СПС «Консультант Плюс».

129. Определение Верховного Суда РФ от 28.05.2014 по делу № 18-Д14-12 // СПС «Консультант Плюс».

130. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23.06.2016 по делу № 7-УД16-1 // СПС «Консультант Плюс».

131. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 01.06.2021 по делу № 3-УДП21-16-К3 // СПС «Консультант Плюс».

132. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.02.2022 по делу № 14-УД21-10-К1 // СПС «Консультант Плюс».

133. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.09.2020 по делу № 12-УДП20-5-К6 // СПС «Консультант Плюс».

134. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.11.2022 по делу № 5-УД22-126-К2 // СПС «Консультант Плюс».

135. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11.05.2023 по делу № 44–УД23–7сп–А4 // СПС «Консультант Плюс».

136. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 03.08.2023 по делу № 74–УДП23–10сп–А5 // СПС «Консультант Плюс».

137. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.11.2023 по делу № 82–УДП23–10–К7 // СПС «Консультант Плюс».

138. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 09.11.2023 по делу № 12–УДП23–8–К6 // СПС «Консультант Плюс».

139. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2023 по делу № 88–УДП23–7–К8 // СПС «Консультант Плюс».

140. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.12.2023 по делу № 41–УД23–31К4 // СПС «Консультант Плюс».

141. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 01.10.2024 по делу № 31–УД24–8–К6 // СПС «Консультант Плюс».

142. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 03.10.2024 по делу № 30–УДП24–4–К5 // СПС «Консультант Плюс».

143. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.10.2024 по делу № 89–УД24–10–К7 // СПС «Консультант Плюс».

144. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27.11.2018 по делу № 70–АПУ18–2 // СПС «Консультант Плюс».

Акты иных судов РФ:

145. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18.03.2020 по делу № 77–311/2020 // СПС «Консультант Плюс».

146. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 13.05.2020 по делу № 77–954/2020 // СПС «Консультант Плюс».

147. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 06.08.2020 по делу № 77–1792/2020 // СПС «Консультант Плюс».

148. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 21.12.2020 по делу № 77–2540/2020 // СПС «Консультант Плюс».

149. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25.02.2021 по делу № 77–502/2021 // СПС «Консультант Плюс».

150. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12.05.2021 по делу № 77–1149/2021 // СПС «Консультант Плюс».

151. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 08.06.2021 по делу № 77–1974/2021 СПС «Консультант Плюс».

152. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 01.07.2021 по делу № 77–1954/2021 // СПС «Консультант Плюс».

153. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28.10.2021 по делу № 77–4000/2021 // СПС «Консультант Плюс».

154. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 08.12.2021 по делу № 77–6599/2021 // СПС «Консультант Плюс».

155. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 06.07.2022 по делу № 77–3249/2022 // СПС «Консультант Плюс».

156. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 06.09.2022 по делу № 77–2933/2022 // СПС «Консультант Плюс».

157. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 29.09.2022 по делу № 77–4928/2022 // СПС «Консультант Плюс».

158. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 05.10.2022 по делу № 77–3085/2022 // СПС «Консультант Плюс».

159. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 19.01.2023 по делу № 77–43/2023 // СПС «Консультант Плюс».

160. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25.05.2023 по делу № 77–1777/2023 // СПС «Консультант Плюс».

161. Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 05.09.2023 по делу № 77–2659/2023 // СПС «Консультант Плюс».

162. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 05.12.2023 по делу № 77–5492/2023 // СПС «Консультант Плюс».

163. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 11.01.2024 по делу № 7У–10440/2023 // СПС «Консультант Плюс».

164. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 23.01.2024 по делу № 77–533/2024 // СПС «Консультант Плюс».

165. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 15.02.2024 по делу № 77–580/2024 // СПС «Консультант Плюс».

166. Кассационное постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.03.2024 по делу № 77–846/2024 // СПС «Консультант Плюс».

167. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.04.2024 по делу № 77–1103/2024 // СПС «Консультант Плюс».

168. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 25.04.2024 по делу № 77–531/2024 // СПС «Консультант Плюс».

169. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 10.09.2024 по делу № 77–3124/2024 // СПС «Консультант Плюс».

170. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 05.11.2024 по делу № 77–3798/2024 // СПС «Консультант Плюс».

171. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 12.12.2024 по делу № 77–4834/2024 // СПС «Консультант Плюс».

172. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19.12.2024 по делу № 7У–8923/2024 // СПС «Консультант Плюс».

173. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14.01.2025 по делу № 77–28/2025 // СПС «Консультант Плюс».

174. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 05.02.2025 по делу № 77–353/2025 // СПС «Консультант Плюс».

175. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 25.02.2025 по делу № 77–552/2025 // СПС «Консультант Плюс».

176. Кассационное определение Верховного суда Республики Мордовия от 22.06.2011 по делу № 22–961/11 // СПС «Консультант Плюс».

177. Постановление Президиума Краснодарского краевого суда от 20.11.2013 по делу № 44у–721/13 // СПС «Консультант Плюс».

178. Постановление Президиума Верховного Суда Удмуртской республики от 17.01.2014 по делу № 44У-13/2014 // СПС «Консультант Плюс».

179. Постановление Президиума Смоленского областного суда от 19.12.2018 по делу № 44у-93/2018 // СПС «Консультант Плюс».

180. Постановление Президиума Московского областного суда от 30.10.2019 № 468 по делу № 44у-241/2019 // СПС «Консультант Плюс».

181. Определение Верховного суда Республики Коми от 07.06.2012 по делу № 33-2069АП/2012г. // СПС «Консультант Плюс»

182. Апелляционное постановление Западно-Сибирского окружного военного суда от 11.09.2015 по делу № 22-107/2015 // СПС «Консультант Плюс».

183. Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 05.05.2016 по делу № 22-4263/2016 // СПС «Консультант Плюс».

184. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым от 18.04.2017 по делу № 1-34/2017 // СПС «Консультант Плюс».

185. Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 16.08.2017 по делу № 22-4553АП/2017 // СПС «Консультант Плюс».

186. Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 31.01.2019 по делу № 22-339/2019 // СПС «Консультант Плюс».

187. Апелляционное определение Московского областного суда от 05.03.2019 по делу № 22-1422/2019 // СПС «Консультант Плюс».

188. Постановление Одинцовского городского суда Московской области от 14.08.2019 по делу № 10-48/2019 // СПС «Консультант Плюс».

189. Апелляционное постановление Лобненского городского суда Московской области от 12.11.2019 по делу № 10-21/2019 // СПС «Консультант Плюс».

190. Постановление Московского областного суда от 12.12.2019 по делу № 6-4/201 // СПС «Консультант Плюс».

191. Апелляционное определение Московского областного суда от 21.01.2020 по делу № 22-90/2020 // СПС «Консультант Плюс».

192. Апелляционное постановление Волжского районного суда города Саратова от 06.02.2020 по делу № 10-2/2020 // СПС «Консультант Плюс».

193. Определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 25.02.2020 по делу № 55-129/2020 // СПС «Консультант Плюс».

194. Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 17.03.2020 по делу № 22–549/2020 // СПС «Консультант Плюс».

195. Апелляционное определение Самарского областного суда от 29.07.2020 по делу № 22–685/2020 // СПС «Консультант Плюс».

196. Апелляционное определение Брянского областного суда от 18.05.2021 по делу № 2–24/2021 // СПС «Консультант Плюс».

197. Апелляционное определение Саратовского областного суда от 07.06.2021 по делу № 22–1337/2021 // СПС «Консультант Плюс».

198. Апелляционное постановление Хорошевского районного суда города Москвы от 07.06.2021 по делу № 10–10/2021 // СПС «Консультант Плюс».

199. Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 11.05.2021 по делу № 22–1851/2021 // СПС «Консультант Плюс».

200. Апелляционное постановление Московского областного суда от 11.05.2021 по делу № 22–2972/2021 // СПС «Консультант Плюс».

201. Апелляционное определение Саратовского областного суда от 11.11.2021 по делу № 22–2817/2021 // СПС «Консультант Плюс».

202. Апелляционное определение Кировского областного суда от 02.12.2021 по делу № 22–2158/2021 // СПС «Консультант Плюс».

203. Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 24.01.2022 по делу № 55–3/2022 // СПС «Консультант Плюс».

204. Апелляционное определение Омского областного суда от 02.02.2022 по делу № 22–27/2022 // СПС «Консультант Плюс».

205. Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 03.06.2022 по делу № 22–2273/2022 // СПС «Консультант Плюс».

206. Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 22.08.2022 по делу № 55–431/2022 // СПС «Консультант Плюс».

207. Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 14.09.2022 по делу № 22–1852/2022 // СПС «Консультант Плюс».

208. Апелляционное определение Воронежского областного суда от 07.12.2022 по делу № 22–3076/2022 // СПС «Консультант Плюс».

209. Апелляционное определение Томского областного суда от 16.03.2023 по делу № 22–60/2023 // СПС «Консультант Плюс».

210. Апелляционное определение Воронежского областного суда от 22.03.2023 по делу № 22–737/2023 // СПС «Консультант Плюс».

211. Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 25.04.2023 по делу № 22–2791/2023 // СПС «Консультант Плюс».

212. Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 02.05.2023 по делу № 55–181/2023 // СПС «Консультант Плюс».

213. Апелляционное определение Верховного суда Республики Хакасия от 09.06.2023 по делу № 22–888/2023 // СПС «Консультант Плюс».

214. Апелляционное определение Московского областного суда от 06.06.2024 по делу № 22–3478/2024 // СПС «Консультант Плюс».

215. Апелляционное определение Верховного суда Республики Мордовия от 02.07.2024 по делу № 22–796/2024 // СПС «Консультант Плюс».

216. Апелляционное определение Ленинградского областного суда от 04.07.2024 по делу № 22–436/2024 // СПС «Консультант Плюс».

217. Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 06.09.2024 по делу № 22–3904/2024 // СПС «Консультант Плюс».

218. Апелляционное постановление Забайкальского краевого суда от 10.09.2024 по делу № 22–2072/2024 // СПС «Консультант Плюс».

219. Апелляционное определение Владимирского областного суда от 18.09.2024 по делу № 22–1984/2024 // СПС «Консультант Плюс».

220. Апелляционное определение Саратовского областного суда от 07.11.2024 по делу № 22–2560/2024 // СПС «Консультант Плюс».

221. Апелляционное определение Московского городского суда от 25.11.2024 по делу № 10–20357/2024 // СПС «Консультант Плюс».

222. Апелляционное определение Московского областного суда от 09.01.2025 по делу № 22–69/2025 // СПС «Консультант Плюс».

223. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 25.02.2025 по делу № 22–488/2025 // СПС «Консультант Плюс».

224. Апелляционное определение Верховного суда Республики Бурятия от 04.03.2025 по делу № 22–321/2025 // СПС «Консультант Плюс».

225. Приговор Октябрьского районного суда города Иркутска от 24.03.2014 по делу № 1–16/2014 // СПС «Консультант Плюс».

226. Приговор Кетовского районного суда Курганской области от 21.01.2015 по делу № 1–12/2015 // СПС «Консультант Плюс».

227. Решение Ленинского районного суда города Ставрополя от 24.02.2015 по делу № 2–980/2015 // СПС «Консультант Плюс».

228. Приговор Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края от 30.06.2015 по делу № 271/2015 // СПС «Консультант Плюс».

229. Приговор Николаевского районного суда Ульяновской области от 16.02.2018 по делу № 1–1–7/2018 // СПС «Консультант Плюс».

230. Приговор Димитровского районного суда города Костромы от 24.10.2018 по делу № 1–108/2018 // СПС «Консультант Плюс».

231. Приговор Старорусского районного суда Новгородской области от 30.10.2018 по делу № 1–265/2018 // СПС «Консультант Плюс».

232. Приговор Бежицкого районного суда города Брянска от 05.02.2019 по делу № 1–26/2019 // СПС «Консультант Плюс».

233. Решение Богородского городского суда Нижегородской области от 21.02.2019 по делу № 2–126/2019 // СПС «Консультант Плюс».

234. Приговор Ленинского районного суда города Смоленска от 27.02.2019 по делу № 1–7/2019 // СПС «Консультант Плюс».

235. Приговор Сампурского районного суда Тамбовской области от 28.02.2019 по делу № 1–35/2018 // СПС «Консультант Плюс».

236. Приговор Орехово-Зуевского городского суда Московской области от 06.03.2019 по делу № 1–152/2019 // СПС «Консультант Плюс».

237. Приговор Орехово-Зуевского городского суда Московской области от 19.03.2019 по делу № 1–216/2019 // СПС «Консультант Плюс».

238. Приговор Орехово-Зуевского городского суда Московской области от 25.03.2019 по делу № 1–210/2019 // СПС «Консультант Плюс».

239. Приговор Жигулевского городского суда Самарской области от 05.07.2019 по делу № 1–38/2019 // СПС «Консультант Плюс».

240. Постановление Химкинского городского суда Московской области от 26.12.2019 по делу № 1–803/2019 // СПС «Консультант Плюс».

241. Приговор Золотухинского районного суда Курской области от 02.07.2020 по делу № 1–28/2020 // СПС «Консультант Плюс».

242. Приговор Ипатовского районного суда Ставропольского края от 02.07.2020 по делу № 1–75/2020 // СПС «Консультант Плюс».

243. Приговор Балаковского районного суда Саратовской области от 20.08.2020 по делу № 1–3–40/2020 // СПС «Консультант Плюс».

244. Приговор Ленинского районного суда города Костромы от 11.05.2021 по делу № 1–104/2021 // СПС «Консультант Плюс».

245. Приговор Ленинского районного суда города Ростова-на-Дону от 08.11.2021 по делу № 1–326/2021 // СПС «Консультант Плюс».

246. Приговор Свердловского районного суда города Белгорода от 15.12.2021 по делу № 1–287/2021 // СПС «Консультант Плюс».

247. Приговор Калужского районного суда Калужской области от 03.12.2021 по делу № 1–1247/2021 // СПС «Консультант Плюс».

248. Приговор Красноармейского районного суда Краснодарского края от 04.03.2022 по делу № 1–57/2022 // СПС «Консультант Плюс».

249. Приговор Промышленного районного суда города Ставрополя от 13.04.2022 по делу № 1–100/2022 // СПС «Консультант Плюс».

250. Приговор Саровского городского суда Нижегородской области от 28.04.2022 по делу № 1–2/2022 // СПС «Консультант Плюс».

251. Приговор Красногорского городского суда Московской области от 05.07.2022 по делу № 1–4/2022 // СПС «Консультант Плюс».

252. Приговор Туинского районного суда Свердловской области от 12.07.2022 по делу № 1–89/2022 // СПС «Консультант Плюс».

253. Приговор Новосибирского областного суда от 25.10.2022 по делу № 22–3780/2022 // СПС «Консультант Плюс» // СПС «Консультант Плюс».

254. Приговор Ленинского районного суда города Севастополя от 23.11.2022 по делу № 1–40/2022 // СПС «Консультант Плюс».

255. Приговор Воскресенского городского суда Московской области от 01.12.2022 по делу № 1–469/2022 // СПС «Консультант Плюс».

256. Приговор Междуреченского городского суда Кемеровской области от 13.02.2023 по делу № 1–17/2023 // СПС «Консультант Плюс».

257. Приговор Чугуевского районного суда Приморского края от 07.03.2023 по делу № 1–1/2023 // СПС «Консультант Плюс».

258. Приговор Промышленного районного суда города Смоленска от 28.03.2023 по делу № 1–8/2023 // СПС «Консультант Плюс».

259. Приговор Приволжского районного суда города Казани от 29.03.2023 по делу № 1–279/2023 // СПС «Консультант Плюс».

260. Приговор Вознесенского районного суда Нижегородской области от 31.03.2023 по делу № 1–8/2023 // СПС «Консультант Плюс».

261. Приговор Куйбышевского районного суда города Самары от 11.04.2023 по делу № 1–7/2023 // СПС «Консультант Плюс».

262. Приговор Курганского городского суда Курганской области от 17.05.2023 по делу № 1–131/2023 // СПС «Консультант Плюс».

263. Приговор Саровского городского суда Нижегородской области от 01.06.2023 по делу № 1–13/2023 (1–175/2022) // СПС «Консультант Плюс».

264. Приговор Невьянского городского суда Свердловской области от 27.07.2023 по делу № 1–103/2023 // СПС «Консультант Плюс».

265. Постановление Шамильского районного суда Республики Дагестан от 27.07.2023 по делу № 1–32/2023 // СПС «Консультант Плюс».

266. Приговор Кировского районного суда города Ярославля от 16.08.2023 по делу № 1–204/2023 // СПС «Консультант Плюс».

267. Приговор Абдулинского районного суда Оренбургской области от 17.08.2023 по делу № 1–41/2023 // СПС «Консультант Плюс».

268. Приговор Октябрьского районного суд города Уфы от 29.08.2023 по делу № 1–468/2023 // СПС «Консультант Плюс».

269. Приговор Ломоносовского районного суда города Архангельска от 29.09.2023 по делу № 1–6/2023 // СПС «Консультант Плюс».

270. Приговор Октябрьского районного суда города Омска от 02.10.2023 по делу № 1–397/2023 // СПС «Консультант Плюс».

271. Приговор Кондопожского городского суда Республики Карелия от 30.11.2023 по делу № 1–168/2023 // СПС «Консультант Плюс».

272. Приговор Московского районного суда города Чебоксары от 11.12.2023 по делу № 1–437/2023 // СПС «Консультант Плюс».

273. Приговор Ленинского районного суда города Магнитогорска от 21.12.2023 по делу № 1–350/2023 // СПС «Консультант Плюс».

274. Приговор Керченского городского суда Республики Крым от 08.02.2024 по делу № 1-43/2024 // СПС «Консультант Плюс».

275. Приговор Заволжского районного суда города Ярославля от 09.02.2024 по делу № 1-12/2024 // СПС «Консультант Плюс».

276. Приговор Куйбышевского районного суда города Самары от 12.02.2024 по делу № 1-17/2024 // СПС «Консультант Плюс».

277. Приговор Новохоперского районного суда Воронежской области от 22.02.2024 по делу № 1-10/2024 // СПС «Консультант Плюс».

278. Приговор Ленинского районного суда города Нижнего Новгорода от 26.02.2024 по делу № 1-50/2024 // СПС «Консультант Плюс».

279. Приговор Армянского городского суда Республики Крым от 17.05.2024 по делу № 1-19/2024 // СПС «Консультант Плюс».

280. Приговор Ленинского районного суда города Нижнего Тагила от 02.07.2024 по делу № 1-237/2024 // СПС «Консультант Плюс».

281. Приговор Кировского городского суда Мурманской области от 05.07.2024 по делу № 1-51/2024 // СПС «Консультант Плюс».

282. Приговор Люберецкого городского суда Московской области от 11.07.2024 по делу № 1-610/2024 // СПС «Консультант Плюс».

283. Приговор Октябрьского районного суда города Пензы от 06.08.2024 по делу № 1-360/2024 // СПС «Консультант Плюс».

284. Приговор Приволжского районного суда города Казани от 21.08.2024 по делу № 1-676/2024 // СПС «Консультант Плюс».

285. Приговор Муравленковского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 22.08.2024 по делу № 1-66/2024 // СПС «Консультант Плюс».

286. Приговор Барышского городского суда Ульяновской области от 05.09.2024 по делу № 1-92/2024 // СПС «Консультант Плюс».

287. Приговор Советского районного суда города Красноярска от 09.09.2024 по делу № 1-1269/2024 // СПС «Консультант Плюс».

288. Приговор Железнодорожного районного суда города Новосибирска от 15.10.2024 по делу № 1-313/2024 // СПС «Консультант Плюс».

289. Приговор Тушинского районного суда города Москвы от 12.12.2024 по делу № 1-843/2024 // СПС «Консультант Плюс».

290. Приговор Котельничского районного суда Кировской области от 20.12.2024 по делу № 1-107/2024 // СПС «Консультант Плюс».

291. Приговор Советского районного суда города Махачкалы от 24.12.2024 по делу № 1-1054/2024 // СПС «Консультант Плюс».

292. Приговор Видновского городского суда Московской области от 04.03.2025 по делу № 1-641/2024 // СПС «Консультант Плюс».

Монографии, учебники, учебные пособия, комментарии

293. Актуальные проблемы теории государства и права : учебное пособие / отв. ред. Р.В. Шагиева. 2-е изд., пересм. М. : Норма : ИНФРА-М, 2024. 576 с.

294. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е., Андрианов В.К. Уголовная политика : учебное пособие. М. : РГУП, 2018. 74 с.

295. Беляев В.Г. Применение уголовного закона : Учеб. пособие. Волгоград : ВЮИ, 1998. 120 с.

296. Беляев Н.А. Уголовная политика и пути ее реализации. Л.: Изд-во ЛГУ. 1986. 176 с.

297. Бойко А.И. Язык уголовного закона и его понимание: монография. М. : Юрлитинформ, 2010. 316 с.

298. Бойцов А.И. Преступления против собственности / А.И. Бойцов. СПб. : Юридический Центр Пресс, 2002. 775 с.

299. Брайнин Я.М. Советское уголовное право : Общая часть. Киев : Изд-во Киевского ун-та, 1955. 207 с.

300. Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. М. : Юридическая литература, 1967. 240 с.

301. Васьковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов : Для начинающих юристов / Е.В. Васьковский. М.: Бр. Башмаковы, 1913. 152 с.

302. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России : учебное пособие. СПб. : Юридический центр, 2007. 765 с.

303. Власенко Н.А. Проблемы теории государства и права : учебник. М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. 544 с.

304. Волженкин Б.В. Служебные преступления. М. : Юристъ, 2000. 367 с.

305. Галахова А.В. Толкование Особенной части УК РФ в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. 2-е изд., испр. и доп. М. : РАП, 2008. 228 с.

306. Ганс Кельзен. Чистое учение о праве. 2-е изд. пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. СПб. : ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. 542 с.
307. Голунский С.А. Теория государства и права : учебник для юридических высших учебных заведений / С.А. Голунский и М.С. Стrogович; Институт права Академии наук СССР. М.: Юриздан, 1940. 304 с.
308. Гусев А.М. Толкование закона и аналогия в уголовном праве: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 176 с.
309. Елинский А.В. Уголовное право в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. М.: Волтерс Клувер, 2011. 272 с.
310. Есаков Г.А. Экономическое уголовное право: Общая часть : монография. 2-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 362 с.
311. Загайнова С.К. Судебный прецедент: проблемы правоприменения. М.: Норма, 2002. 176 с.
312. Зарубин А.В. Уголовно-правовая характеристика уничтожения или повреждения чужого имущества : учебное пособие. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. 60 с.
313. Звечаровский И.Э. Уголовное право России: курс Общей части, во многом определяющей действенность положений его части Особенной : учебник. М. : Проспект, 2024. 480 с.
314. Игнатов А.Н. Введение в изучение уголовного права. Уголовный закон. Курс лекций. Лекция 1. М.: Норма, 1996. 55 с.
315. Ивин А.А. Логика: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2008. 336 с.
316. Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм : монография. М. : НОРМА, ИНФРА-М, 2015. 288 с.
317. Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика : учебник для юридических вузов. 6-е изд., перераб. и доп. М. : ТК Велби, Из-во Проспект, 2008. 240 с.
318. Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник уголовного права. СПб. : Лань. 2014. 437 с.
319. Козаченко И.Я., Новоселов Г.П. Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2025. 400 с.

320. Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам; под общ. ред. В.М. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, 2014. 816 с.
321. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть. Разделы VII–VIII: в 4 т. (постатейный). / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 2. // СПС «Консультант Плюс».
322. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть. Разделы X–XII: в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 4. // СПС «Консультант Плюс».
323. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. М. : Юрайт, 2025. 352 с.
324. Краснов Ю.К., Надвикова В.В., Шкатулла В.И. Юридическая техника: учебник. М.: Юстицинформ, 2014. 536 с.
325. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Юрид. лит., 1972. 352 с.
326. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений : Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». М. : Издательский Дом «Городец», 2007. 336 с.
327. Курс уголовного права. Общая часть : учебник. Т. 1. Учение о преступлении. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М. : Зерцало–М, 2002. XII. 611 с.
328. Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика : учебник для юридических вузов. 6-е изд., перераб. и доп. М. : ТК Велби, Из-во Проспект, 2008. 240 с.
329. Кучин М.В. Судебное нормотворчество: концептуальные основы : монография. М. : Изд-во Юрайт, 2024. 275 с.
330. Лопашенко Н.А. Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика : Монография / Н. А. Лопашенко. М. : Юрлитинформ, 2018. 654 с.
331. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 337 с.
332. Любавина М.А. Квалификация взяточничества : конспект лекций. СПб. : СПб. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 2005. 80 с.

333. Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика Уголовного кодекса. Петроград : Типо-лит. Руманова, 1917. 268 с.
334. Малютин Н.С. Судебное толкование нормативных правовых актов в Российской Федерации : монография. М. : Юрлитинформ, 2018. 195 с.
335. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : НИЦ Инфра-М, 2019. 784 с.
336. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. 528 с.
337. Мелехин А.В. Теория государства и права: Учебник с учебно-методическими материалами. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2009. 545 с.
338. Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа : монография. СПб. : Знание, 2000. 279 с.
339. Морозов Б.П. Правоприменительное толкование уголовного закона : монография. Новосибирск : НВИ ВВ, 2016. 128 с.
340. Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм: Учебное пособие. Волгоград, 1973. 173 с.
341. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть : Курс лекций. 6-е изд. перераб. и доп. М. : Проспект, 2017. 784 с.
342. Наумов А.В., Флетчер Дж. Основные концепции современного уголовного права. М. : Юристъ, 1998. 512 с.
343. Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М.: Госюриздан. 511 с.
344. Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния: монография. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. 215 с.
345. Основания уголовно-правового запрета : Криминализация и декриминализация / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. М.: Наука, 1982. 303 с.
346. Основы права : учебник для неюридических вузов и факультетов. / под ред. В.Б. Исакова. М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. 480 с.
347. Основы судебной власти и правосудия в РФ: курс лекций / под ред. В.И. Анишиной. М., 2008. 270 с.
348. Пикуров Н.И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава : Монография. М. : Российская академия правосудия, 2009. 288 с.

349. Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей: Монография. Волгоград: ВЮИ МВД России, 1998. 220 с.
350. Пинкевич Т.В. Криминологические и уголовно-правовые основы борьбы с экономической преступностью. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003. 268 с.
351. Плескунов М.А. Основы формальной логики : учебное пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. Ун-та, 2014. 168 с.
352. Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Выпуск первый. Общая часть. М : Унив. тип. 1907. 121 с.
353. Познышев С.В. Учебник уголовного права : Очерк основных начал общей и особенной части науки уголовного права. Общая часть. М.: Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. 280, XII, 3 с.
354. Познышев С.В. Учебник уголовного права: Общая часть. Очерк основных начал общей и особенной части уголовного права. Т. 1. М.: Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. 300 с.
355. Полный курс уголовного права. В 5-ти томах. Т. 3. Преступления в сфере экономики. / под ред. А.И. Коробеева СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008. 786 с.
356. Проблемы теории государства и права: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция» / М.М. Рассолов. М.: ЮНИТИ–ДАНА: Закон и право, 2010. 431 с.
357. Проблемы теории права и правореализации : учебник / под ред. Л.Т. Бакулина. М. : Статут, 2017. 384 с.
358. Пычева О.В. Герменевтика уголовного закона. Ульяновск: УлГУ, 2005. 167 с.
359. Пьянков Н.А. Теория государства и права : учебное пособие. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2011. 283 с.
360. Рассказов Л.П. Теория государства и права: углубленный курс: Учебник. М.: РИОР: ИНФРА–М, 2015. 559 с.
361. Рождественский А.А. Основы общей теории права : Курс лекций. М. : В.С. Спиридовон, 1912. 157 с.
362. Российское уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. Г.А. Есакова. 2-е изд., испр. и доп. М. : Проспект, 2023. 384 с.

363. Ругина О.А. Судебное толкование уголовного закона и его роль в законотворческой и правоприменительной деятельности. М. : Юрлитинформ, 2014. 192 с.
364. Сверчков В.В. Введение в уголовное право. Уголовный закон : учебник для вузов. М. : Издательство Юрайт, 2025. 201 с.
365. Судебная практика Верховного Суда СССР. 1956. № 3. М. : Государственное изд-во юридической литературы. 48 с.
366. Таганцев Н.С. Курс уголовного права. СПб., 1902. 1457 с.
367. Теория государства и права : учебник для юридических вузов / М.А. Аржанов, С.Ф. Кечекьян, М.С. Строгович, М.М. Агарков. М. : Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. 575 с.
368. Теория государства и права : учебник для студентов вузов / Алексеев, С.С. и др.; отв. ред. В.Д. Перевалов. 3-е изд. М.: Норма, 2009. 757 с.
URL: [https://dl.libcats.org/genesis/335000/c151a495424c5fa2c66b9f838473a2d9/_as/\[Alekseev_S.S.\]_Teoriya_gosudarstva_i_prava\(libcats.org\).pdf](https://dl.libcats.org/genesis/335000/c151a495424c5fa2c66b9f838473a2d9/_as/[Alekseev_S.S.]_Teoriya_gosudarstva_i_prava(libcats.org).pdf)
369. Теория государства и права : учебник / под ред. д.ю.н., проф. А.А. Клишаса. М. : Статут, 2019. 512 с.
370. Ткаченко Ю.Г. Нормы советского социалистического права и их применение. М.: Госюриздан, 1955. 67 с.
371. Уголовное право. Общая часть / А.А. Герцензон, Н.Д. Дурманов, М.М. Исаев и др. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. 408 с.
372. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс : в 10 т. / под ред. Н.А. Лопашенко. Уголовный закон. Законодательная техника. М. : Юрлитинформ, 2016. 702 с.
373. Уголовное право России. Общая и особенная части: Учебник / Грачева Ю.В., Чучаев А.И. М.: Контракт, НИЦ ИНФРА-М, 2017. 384 с.
374. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник. М.: КОНТРАКТ, 2017. 384 с.
375. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В.С. Прохорова, В.Ф. Щепелькова. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. 628 с.
376. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М.: Статут, 2012. 466 с.

377. Уголовное право. Общая часть: Учебник. Издание второе переработанное и дополненное / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», ИНФРА-М, 2008. 800 с.
378. Уголовный закон и преступление / под ред. Э.С. Тенчова. Иваново: ИвГУ, 1997. 111 с.
379. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, С.Т. Келина. М. : Наука. 1987. 276 с.
380. Черданцев А.Ф. Вопросы толкования советского права. Свердловск: Изд-во Свердловского юрид. ин-та, 1972. 191 с.
381. Черданцев А.Ф. Толкование советского права. Теория и практика. М.: Юрид. лит., 1979. 168 с.
382. Шаргородский М.Д. Избранные труды. Сост. и предисл. Б.В. Волженкина; Ассоц. Юрид. центр. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 655 с.
383. Шаргородский М.Д. Уголовный закон. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 311 с.
384. Шершеневич Г.Ф. Избранное: В 6 т. Т. 4 включая Общую теорию права / Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. М. : Статут, 2016. 752 с.
385. Шишко И.В. Экономические правонарушения. Вопросы юридической оценки и ответственности. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 307 с.
386. Шляпочников А.С. Толкование советского уголовного закона = Толкование уголовного закона. М.: Госюриздан, 1960. 240 с.
387. Щепельков В.Ф. Формально-логические основания толкования и аналогии уголовного закона : Учеб. пособие. Волгоград : Волгоград. юрид. ин-т МВД России, 2000. 62 с.
388. Энциклопедия уголовного права. Том 2. Уголовный закон. СПб. : Изд. проф. Малинина, 2005. 850 с.

Диссертации, авторефераты диссертаций и сопроводительные документы

389. Заключение Диссертационного совета Д.170.001.02 на базе Федерального Государственного Казенного Образовательного Учреждения Высшего Профессионального Образования «Академия Генеральной Прокуратуры Российской Федерации» по Диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук о присуждении Ображиеву Константину Викторовичу, гражданину Российской

Федерации, ученой степени доктора юридических наук // URL:
https://agprf.org/userfiles/ufiles/dis_sovet/diss/2015/obragiev/zakluchenie-dissoveta.pdf.

390. Зубцов А.А. Уголовно-правовое противодействие организации финансовых пирамид и участию в них : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 217 с.

391. Мадьярова А.В. Место и роль разъяснений Верховного Суда Российской Федерации в механизме уголовно-правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2001. 236 с.

392. Морозов Б.П. Правоприменительное толкование уголовного закона : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2008. 200 с.

393. Ображиев К.В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2015. 587 с.

394. Пичугина М.А. Уголовная ответственность за привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости (ст. 2003 УК РФ) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 289 с.

395. Ругина О.А. Судебное толкование уголовного закона и его роль в законотворческой и правоприменительной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 242 с.

396. Савельева О.А. Роль судебного толкования в применении уголовного закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., : 2006. 26 с.

397. Смирнова С.Н. Безвозмездность как криминообразующий признак преступлений в сфере экономики : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 160 с.

398. Хилюта В.В. Преступления против оборота объектов гражданских прав: концептуально-теоретические основы моделирования: дис. ... докт. юрид. наук. Минск, 2021. 595 с.

399. Шульга И.В. Понятие и виды правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации : вопросы теории : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 207 с.

400. Щепельков В.Ф. Уголовный закон как формально-логическая система. дис. ... докт. юрид. наук. СПб, 2003. 484 с.

Статьи в периодических изданиях

401. Александров А.И. Акты судебного толкования уголовного закона: понятие и основания классификации // Проблемы правоохранительной деятельности. № 3. 2016. С. 75–79.
402. Антонов М.В. Экономический анализ права и проблемы методологии сравнительного правоведения // Сравнительно-правовой подход при анализе источников права: труды Лаборатории сравнительно-правовых исследований. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2010. С. 7–30.
403. Арзамасцев М.В. Особенности квалификации злоупотребления полномочиями / М.В. Арзамасцев. Уголовный процесс. 2021. № 8. С. 34–44.
404. Архипов А.В. Цифровые объекты как предмет хищения // Уголовное право. 2020. № 6. С. 16–23.
405. Вильнянский С.И. Значение судебной практики в гражданском праве // Ученые труды ВИЮН. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947, Вып. 9. С. 239–290.
406. Вильнянский С.И. Толкование и применение гражданско-правовых норм : Методические материалы. Методические материалы ВЮЗИ. Вып. 2. М. 1948. С. 42–61.
407. Гарбатович Д.А. Проблемы квалификации получения взятки в крупном размере // Уголовное право. 2010. № 3. С. 32–33.
408. Генрих Н.В. Эволютивное толкование уголовного закона: постановка проблемы // Общество и право. № 2 (88). 2024. С. 14–20.
409. Голенко Д.В. Роль разъяснений Верховного Суда РФ при применении особенной части уголовного закона // Сборник материалов X Международной научно-практической конференции. М. : РГУП. 2023. С. 119–124.
410. Головко Л.В. Принцип *in dubio pro duriore* и теория неустранимых сомнений, или О пользе изучения швейцарской уголовно-процессуальной доктрины // Закон. 2016. № 8. С. 72–84.
411. Гравина А.А. Тенденции развития уголовного законодательства на современном этапе // Журнал российского права. 2016. № 11. С. 95–106.
412. Данилов Д.О., Пархоменко С.Д. Уголовная ответственность владельца компании за растрату и иные хищения // Уголовный процесс. 2022. № 4. С. 45–51.
413. Дворянков И.В. Концептуальные аспекты реформирования российского уголовного законодательства // Пенитенциарная наука. 2022. № 1. С. 37–46.

414. Дробышева Е.Н. О правовых позициях Верховного Суда Российской Федерации: теоретический и практический аспекты // Юридическая наука и правоохранительная практика. 3 (45). 2018. С. 95–102.
415. Епифанова Е.В. Аналогия в уголовном праве: история и современность // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. №1 (5). С. 113–117.
416. Есаков Г.А., Рарог А.И. Понимание Верховным Судом РФ «группы лиц» соответствует принципу справедливости // Российская юстиция. 2002. № 1. С. 51–53.
417. Жинкин А.А. Судебный прецедент в уголовном праве России // Общество: политика, экономика, право. № 11. 2016. С. 147–149.
418. Зуга О.В. Проблемы восприятия и интерпретации сочинительных конструкций с союзами и, или в законодательных актах Российской Федерации // Политическая лингвистика. 2020. № 3 (81). С. 189–197.
419. Иванчин А.В. Реальный круг источников уголовного права России // Российский следователь. 2024. № 1. С. 27–30.
420. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Некоторые вопросы науки теории государства и права // Вестник Ленинградского университета. № 17. Вып. 3. 1956. С. 119–136.
421. Ирдисов Н.Т. Аномия современного российского общества и состояние уголовного права (на примере уголовно-правовых запретов на публичное распространение заведомо ложной информации) // Юридическая наука. 2022. № 6. С. 101–105.
422. Исаев М.М. Судебная практика Пленума Верховного Суда СССР как источник советского уголовного права // Ученые записки. Ученые записки ВИОН. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947, Вып. 5. С. 75–79.
423. Калиновский Б.К. Постановление Пленума ВС РФ будет признано источником права // Уголовный процесс. № 11. 2020. С. 9.
424. Клепицкий И.А. Обязательность разъяснений Верховного Суда Российской Федерации в уголовном праве. *Lex russica*. 2021. 74(6). С. 95–107.
425. Клепицкий И. А. Участие невменяемого в совершении преступления // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 2. С. 135–140.
426. Кондрашова Т.В. К вопросу об единстве терминологии в уголовном законодательстве и праве: Власть и право // Вестник Нижегородского университета им.

Н.И. Лобачевского: Власть и право. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2003. Вып. 2 (7). С. 322–326.

427. Конституционный Суд Российской Федерации: 30 лет на защите прав граждан. На примерах практики // Конституционный Суд Российской Федерации: официальный сайт. 2022 // СПС «Консультант Плюс».

428. Краюшкин А.А. Понятие финансовой операции как вида деятельности, образующей легализацию преступных доходов // Вестник Московского университета МВД России. М.: Изд-во Моск. ун-та МВД России, 2009. № 10. С. 113–115.

429. Кригер Г.А. О делении толкования на виды и так называемом распространительном и ограничительном толковании уголовных законов // Тезисы научных сообщений межвузовской научной конференции на тему: «Социалистическая законность, толкование и применение советских законов». Киев. 1961. С. 103–105.

430. Крылова Н.Е. К вопросу о гармонизации и гуманизации уголовного закона // Уголовное право. 2011. №. 6. С. 26–34.

431. Крылова Н.Е. Криптовалюта: уголовно-правовые аспекты регулирования и охраны // Коммерческое право. Научно-практический журнал. 2021. № 3. С. 64–81.

432. Крылова Н.Е., Костылева О.В. Изменение категории преступления на менее тяжкую: критический анализ правовых позиций Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Закон. 2018. № 10. С. 105–113.

433. Кудрявцев В.Н. Теоретические проблемы квалификации преступления // Тезисы докладов научной конференции на тему: «Проблемы советского уголовного права в период развернутого строительства коммунизма». Л. 1963. С. 21–24.

434. Кузьмин И.А. Правовая природа и особенности практического применения функционального иteleологического способов толкования права // Социальная компетентность. 2017. Т. 2. № 2. С. 33–37.

435. Ленюский А.А. Замена похищенного имущества менее ценным: подходы судов // Уголовное право. 2025. № 1. С. 51–60.

436. Ленюский А.А. Исторический способ толкования уголовного закона в судебной практике // Уголовный процесс. 2025. № 8. С. 70–77.

437. Ленюский А.А. Мошенничество руководителей компаний. Спорные вопросы правоприменения // Уголовный процесс. 2023. № 10. С. 42–48.

438. Ленюский А.А. Актуальность разъяснений Верховного Суда РФ как условие единства судебной практики // Законность. 2025. № 10. С. 38–42.
439. Ленюский А.А., Харченко А.О. Юридическая оценка действий невменяемых лиц по субъективным признакам // Уголовный процесс. 2024. № 7. С. 61–67.
440. Лопашенко Н.А. Уголовная политика по принципу «Чего изволите?», или уголовный закон как средство решения всех проблем. // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 2015. № 1. С. 44–55.
441. Малюшин А.А. Полномочия судов в области толкования и охраны Конституции РФ // Российский судья. М.: Юрист, 2009. № 2. С. 7–9.
442. Манукян А.Р. Совершенствование уголовной ответственности за незаконную госпитализацию в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях // Проблемы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 4. С. 316–321.
443. Марчук В.М. О так называемом распространительном и ограничительном толковании советских уголовных законов // Тезисы научных сообщений межвузовской научной конференции на тему: «Социалистическая законность, толкование и применение советских законов. Киев. 1961. С. 24–27.
444. Мевлуд Д.Д. Современные проблемы уголовной политики. // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 6. С. 122–126.
445. Милославская Д. Трудности семантической интерпретации юридического текста // Российская юстиция. 2000. № 3. С. 45–47.
446. Михеенкова М.А. Принцип автономии уголовного права и процесса в классической континентальной доктрине // Закон. 2013. № 6. С. 73–78.
447. Морозов М.В. Применение уголовного закона по аналогии // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 3 (80). С. 34–40.
448. Наумов А.В. О судебном толковании уголовного закона (в связи с юридической природой постановлений Пленума Верховного Суда РФ) // Уголовная ответственность и проблемы исполнения уголовных наказаний. Сборник научных трудов. М.: Акад. Ген. прокуратуры РФ, 2009. С. 41–50.
449. Нерсесянц В.С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право (о правоприменительной природе судебных актов) // Судебная практика как источник права. 1997. С. 34–41.

450. Ображиев К.В. Действие уголовно-правовых норм во времени: проблемы теории и практики // Уголовное право. 2016. № 2. С. 59–66.
451. Ображиев К.В. Преступные посягательства на цифровые финансовые активы и цифровую валюту: проблемы квалификации и законодательной регламентации // Журнал российского права. 2022. № 2. С. 71–87.
452. Пейсикова Е.В. К вопросу о судебном правотворчестве (заметки на полях или неофициальная рецензия на книгу М.М. Бабаева, Ю.Е. Пудовочкина «Судебно-уголовная политика» // Сборник материалов X Международной научно-практической конференции. М. : РГУП. 2023. С. 254–261.
453. Разогреева А.М. Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации по вопросу квалификации преступлений с «негодным» субъектом: опыт дискурс-анализа // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 211–229.
454. Рарог А.И. Правовое значение разъяснений Пленума Верховного суда РФ // Государство и право. 2001. № 2. С. 51–57.
455. Ромашкин П., Кличко И. Актуальные вопросы юридической науки // Газета «Правда». № 67. 8 марта 1957 г. С. 4. // URL: https://marxism-leninism.info/paper/pravda_1957_67-6138
456. Сабитов Т.Р., Морозов М.В. Вывод по аналогии при квалификации преступлений // Уголовное право. 2014. № 2. С. 63–68.
457. Сугаипов А.С-Э. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации: источник уголовного права или разъяснение? // Контентус, № 10 (87). 2019. С. 52–58.
458. Султанов Р.А. О правовой определенности и судебном нормотворчестве // Российская юстиция. 2006. № 3. С. 34–39.
459. Тонков Е.Н. Английский прецедент и российский прецедент толкования: соотношение феноменов // Вестник Московского университета МВД России. М.: Изд-во Моск. ун-та МВД России, 2013. № 10. С. 27–32.
460. Третьяк М.И. Неправомерное завладение регистрационным номером транспортного средства с целью получения денежного вознаграждения // Общество и право, № 3 (45), 2013. С. 132–135.
461. Утевский Б.С. XX съезд КПСС и задачи науки уголовного права // Социалистическая законность. 1956. № 9. С. 7–15.

462. Харитонов Л.А. Субъективный и объективный подходы к толкованию правовых норм // Сборник докладов традиционной Научной сессии, посвященной Всемирному дню авиации и космонавтики. СПб., 2020. С. 242–244.
463. Хилюта В.В. Пределы автономности уголовного права // Lex Russica. 2019. № 4. С. 117–128.
464. Чечель Г.И., Третьяк М.И. Проблемы уголовно-правовой квалификации неправомерного завладения регистрационным номером транспортного средства с целью получения денежного вознаграждения // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 3. С. 129–134.
465. Шаргородский М.Д. Закон и суд // Вопросы уголовного права и процесса: Учен. зап. ЛГУ. № 202. Серия юрид. наук. Л., 1956. С. 3–22.
466. Шаргородский М.Д. Толкование уголовного закона // Ученые записки. Серия юридических наук: № 106. Выпуск 1 / Ленинградский государственный университет. Институт экономики, философии и права. Л., 1948. С. 278–331.
467. Щепельков В.Ф. О форме вины в преступлении, предусмотренном ч. 3 ст. 217 УК РФ // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 89–97.
468. Щербаков А.А. Квалификация неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством с целью получения «вознаграждения» («выкупа») за возврат потерпевшему предмета завладения / А.А. Щербаков // Российский судья. 2007. № 11. С. 19–24.
469. Эстрин А.Я. Аналогия (Ст. 10 Уголовного Кодекса) // Еженедельник Советской Юстиции. М., 1922. № 28. С. 1–2.
470. Яни П.С. Вопросы толкования уголовного закона // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 2012. № 4. С. 54–75.
471. Яни П.С. Новые вопросы квалификации взяточничества // Законность. 2014. № 10. С. 31–36.
472. Яни П.С. Сложные вопросы субъективной стороны преступления // Российская юстиция. М.: Юрид. лит., 2002. № 12. С. 47–49.
473. Янина И.Ю. К вопросу о толковании нарушения требований в области транспортной безопасности, осуществленного групповым способом. // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. № 2. С. 365–369.

474. Яцеленко Б.В. Принцип законности в уголовном праве и пределы судебного толкования // Материалы III Межвузовской научно-практической конференции. Современные проблемы уголовной политики. Краснодар. 2012. С. 82–92.

475. Яцеленко Б.В. Судебный прецедент в системе российского уголовного права // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2012. № 6. С. 6–12.

476. Яцеленко Б.В. Институт соучастия в преступлении: некоторые вопросы доктринальной и судебной интерпретации // Российский следователь. 2024. № 1. С. 35–38.

477. Яцеленко Б.В. Уголовно-правовая природа усмотрения // Уголовное право. 2024. № 3. С. 50–58.

478. Яцеленко Б.В., Шадрихина И.С. Противодействие использованию цифровой валюты в легализации (отмывании) денежных средств // Лоббирование в законодательстве. 2024. № 3. С. 59–63.

Иные документы и материалы

479. Всероссийская научно-практическая конференция «Единообразие судебной практики в уголовном праве», состоявшаяся 25.05.2025 в МГЮА им. О.Е. Кутафина, г. Москва // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=okLptAnp6tA> (1 часть); <https://www.youtube.com/watch?v=ndH5o3-a1q8> (2 часть)

480. Встреча с Председателем Конституционного Суда Валерием Зорькиным // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75095>

481. Выступление А.М. Разогреевой на заседании круглого стола Клуба уголовного права «De lege lata» на тему: «Цитирование разъяснений Пленума Верховного Суда РФ в решениях судов по уголовным делам» от 03.04.2023 // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VlgPLRbJTIg>

482. Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции // Российская газета. 2018. 9 октября // URL: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniiami.html>

483. Конституционное совещание: стенограммы, материалы, документы. 29 апреля – 10 ноября 1993 г. М. : Юридическая литература : издание Администрации Президента Российской Федерации, 1995. Т. 11. 269 с.

484. Толковый словарь Ожегова : Словари и энциклопедии gufo.me
// URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D1%82%D0%BE%D0%BB%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5>